

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

3

Выпуск (848)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

3

Issue (848)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3(848)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3(848)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Советский Союз в ловушке «имперского перенапряжения»: вопросы и проблемы изучения советской политики АСЕЕВ А. Д., ШИШКОВ В. В.	9
Особенности легитимации политической власти в условиях становления сетевого общества БРЕГА А. А.	18
Риски и уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития в XXI веке КОРНЕЕВ К. А., ПЕЧИЩЕВА Л. А.	23
Пограничные противоречия в районе Великих африканских озер ТОТХ Д.	30

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Информационное противоборство в годы иностранной вооруженной интервенции в России (1918–1922) КАСЮК А. Я.	36
Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Вызовы и угрозы XXI века: поиск решения НОЙБАХУШ Х. И.	44
К вопросу о соблюдении партийных принципов работы с офицерскими кадрами войск НКВД – МВД СССР в 1945–1948 годы ОЛЕЙНИК С. А.	49
Историко-культурное наследие России в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана ПЕТРОВ А. Ю.	54
«Протоколы сионских мудрецов» как знак эпохи ХАВКИН Б. Л.	61
Причины снижения социального статуса печенегов в Венгрии в X–XI века ЮРАСОВ М. К.	67

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Формирование образа России на Западе МАТКАРИМОВА Г. В.	75
Отношение преподавателей вузов к цифровизации и использованию электронной информационной образовательной среды (на примере исследования в Московском государственном лингвистическом университете) ПОЛОВНЁВ А. В., СОЛОВЬЕВ С. С., ДМИТРИЕВА М. М.	83
Типология межэтнических взаимодействий в воинских коллективах военнослужащих по призыву СОГОМОНЯН А. С.	93
Кадровый трибализм при формировании управленческих команд государственной (правоохранительной) службы в Российской Федерации ФИЛИМОНОВ О. В.	100
Социальная адаптация в междисциплинарной перспективе ШИШКОВ И. В.	108

POLITICAL SCIENCES

The Soviet Union in the Trap of «Imperial Overstrain»: Questions and Problems of Studying Soviet Policy ASEEV A. D., SHISHKOV V. V.	9
Features of the Legitimization of Political Power in the Conditions of the Formation of a Network Society BREGA A. A.	18
Risks and Vulnerabilities of East Asian Rapid Expansion Model of the 21 st Century KORNEEV K. A., PECHISHCHEVA L. A.	23
Border Disputes in the African Great Lakes Region TOTH D.	30

HISTORICAL SCIENCES

Information Confrontation during the Years of Foreign Armed Intervention in Russia in 1918–1922 KASYUK A. Y.	36
International Relations under the Conditions of New Threats to Security, Challenges and Threats of the 21 st Century: Search for a Solution NOEBAHOOSH H.	44
On the Issue of Compliance with the Party Principles of Working with Officers Troops NKVD – MVD USSR in 1945–1948 OLEYNIK S. A.	49
Historical and Cultural Heritage of Russia in the Context of the Struggle for Colonies in the North Pacific PETROV A. Yu.	54
«Protocols of the Elders of Zion» as a Sign of the Era KHAVKIN B. L.	61
The Reasons for the Decline in the Social Status of the Pechenegs in Hungary in the 10 th –11 th Centuries YURASOV M. K.	67

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Formation of Image of Russia in the West MATKARIMOVA G. V.	75
The Attitudes of Professors towards Digitalization and Using Resources of Digital Educational Environment (based on the research conducted at Moscow State Linguistic University) POLOVNEV A. V., SOLOVYOV S. S., DMITRIEVA M. M.	83
Typology of Interethnic Relations in Military Groups of Conscripts SOGOMONYAN A. S.	93
Personnel Tribalism in the Formation of Management Teams of the State (Law-Enforcement) Services on the Russian Federation FILIMONOV O. V.	100
Social Adaptation in Interdisciplinary Perspective SHISHKOV I. V.	108

Научная статья

УДК 327.2

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_9

Советский союз в ловушке «имперского перенапряжения»: вопросы и проблемы изучения советской политики

А. Д. Асеев¹, В. В. Шишков²

¹Государственный университет управления, Москва, Россия
sanmich55@gmail.com

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
fh55@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена критическому анализу тезиса о том, что СССР распался вследствие «имперского перенапряжения». Теоретико-методологической основой работы являются исследования рассматривающие причинно-следственные связи, приводящие к кризису и упадку великих держав. В исследовании рассмотрены аргументы о перенапряжении СССР вследствие значительных военных расходов и усилий по поддержанию международного влияния. Выводы исследования указывают на недостаточную обоснованность тезиса об «имперском перенапряжении» Советского Союза как причине его распада.

Ключевые слова: распад Советский Союз, «имперское перенапряжение», холодная война, Пол Кеннеди, гонка вооружений

Для цитирования: Асеев А. Д., Шишков В. В. Советский Союз в ловушке «имперского перенапряжения»: вопросы и проблемы анализа советской политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Выпуск 3(848). 9–17. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_9

Original article

The Soviet Union in the Trap of «Imperial Overstrain»: Questions and Problems of Studying Soviet Policy

A. D. Aseev¹, V. V. Shishkov²

¹State University of Management, Moscow, Russia
sanmich55@gmail.com

²Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
fh55@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the thesis that the USSR collapsed due to «imperial overstrain». The theoretical and methodological basis of the work is research considering cause-and-effect relationships leading to a crisis and the decline of great powers. The study examines arguments about the overstrain of the USSR due to significant military spending and efforts to maintain international influence. The conclusions of the study point to the insufficient validity of the thesis about the «imperial overstrain» of the Soviet Union as the reason for its collapse.

Key words: collapse of the Soviet Union, «imperial overstretch», cold war, Paul Kennedy, arms race

For citation: Aseev, A. D., Shishkov, V. V. (2022). The Soviet Union in the trap of «imperial overstrain»: questions and problems of the analysis of Soviet policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 9–17. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_9

РАСПАД СССР КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В современной научной литературе представлена точка зрения, согласно которой СССР распался под бременем непосильных расходов. Его армия и военно-промышленный комплекс поглощали все больше ресурсов, ненадежные союзники по всему миру также требовали от Москвы все новых финансовых вложений, направленных на их поддержку. Вследствие чего США одержали победу в холодной войне, взяв Советский Союз измором. Представляется, что данная позиция односторонне рассматривает проблему кризиса СССР, некритично следуя положениям книги П. Кеннеди об «имперском перенапряжении», изданной в 1987 г. Тем не менее сам автор писал о том, что Америка находится в более неблагоприятном положении, чем Советы. В данной статье рассматривается вопрос о том, насколько взгляды о перенапряжении Советского государства в холодной войне соответствуют научному анализу.

Проблематика, связанная с распадом Советского Союза, продолжает сохранять актуальность. Острые дискуссии по этой теме приобретают, порой, не академический, а скорее идеологический характер. Значение темы связано с множеством причин, среди которых можно выделить следующие.

Во-первых, Советский Союз являлся наиболее успешным левым проектом государственного строительства, причем реализованным в условиях острых кризисов XX века, которые данное государство не только преодолело, но и увеличило свою мощь и политическое влияние.

Во-вторых, стремительность событий распада СССР сама по себе представляет значимую проблему политических исследований. От начала радикальных горбачевских реформ – Перестройки – до беловежских соглашений прошло немногим более пяти лет. При том, что распаду крупных и могущественных держав более характерны постепенность и значительная временная протяженность, когда кризисы сменяются периодами стабильности, после которых начинается новый этап неурядиц. В отношении Советского Союза это правило, при всей его условности, не сработало, что ставит перед исследователями задачу объяснения стремительности и необратимости деструктивных процессов или выявления причин и механизмов кризиса советского строя.

В-третьих, новую актуальность теме исследования придают события последних лет, связанные с противоречиями между Россией и претендующими на мировую гегемонию США. Специальная военная операция на Украине показывает, что

данный конфликт имеет принципиальный и долгосрочный характер, связанный с обеспечением жизненно важных интересов России. При этом от России требуются новые усилия по наращиванию военно-политической мощи, что обусловит рост военных расходов, перераспределение ресурсов в секторах экономики и принятие соответствующих политических решений. В условиях санкционного давления повышаются риски военного и экономического перенапряжения. Представляется, что стратегия США вновь основана на ожиданиях нового политического кризиса в следствие такого перенапряжения, что придает особую актуальность теме настоящей статьи.

В связи с изложенным в статье ставится цель проанализировать обоснованность подхода, в рамках которого кризис и распад СССР рассматриваются как следствие «имперского перенапряжения», его теоретические основы и аргументы.

КОНЦЕПЦИЯ «ИМПЕРСКОГО ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЯ» И НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ ВОКРУГ НЕЕ

В теоретико-методологическом плане предпосылки рассмотрения крушения великих держав как следствия перенапряжения были заложены в исследованиях Т. Скочпол и П. Кеннеди. Так, Т. Скочпол в своих исследованиях, посвященных анализу причин революций во Франции, России и Китае, пришла к заключению, что внутривнутриполитический кризис обусловлен внешними обстоятельствами – напряженной конкуренцией с другими государствами.

Американского ученого Пола Кеннеди можно назвать автором концепции «имперского перенапряжения». В своей книге «Взлеты и падения великих держав» (1987) исследователь доказывал, что для великих держав – «империй» – определяющее значение имеет способность поддерживать военно-политическую мощь.

«Имперское перенапряжение» – это ситуация, при которой потребности поддержания военно-политической мощи, политического влияния, а также политические обязательства превышают экономические возможности и ресурсы государства. Такое положение дел является следствием стремления великих держав к расширению, завоеванию, подчинению периферий и увеличению влияния на международные дела. Данные вопросы рассматриваются как безусловные императивы безопасности и требуют все новых ресурсов, обеспечивающих закрепление «империи» на новых рубежах и утверждения ее гегемонии. Противоречие между

военно-политическими интересами, обеспечением безопасности и экономическими возможностями составляет содержание «имперского перенапряжения».

Заметим, исследователь особо обращает внимание на то, что причиной изменений относительной мощи великих держав становятся неравномерные темпы роста, технологические и организационные прорывы, которые дают большее преимущество одной державе, чем другим [Kennedy, Luttwak, 1990]. Вследствие перенапряжения период «имперского» господства сменяется кризисом. Возможности великой державы по поддержанию своего преобладания все более уменьшаются, а давление со стороны государств-конкурентов возрастает, что делает упадок «империи» необратимым.

Следует обратить внимание на то, что сам П. Кеннеди в конце 1980-х годов критически оценивал возможности США разрешить указанное противоречие, считая, что глобальные интересы Америки уже намного превосходят ее возможности. В отношении СССР автор отмечает, что перенапряжение связано с недостаточным экономическим развитием и усугубляется необходимостью отвечать на стратегические угрозы. Тем не менее П. Кеннеди не считал, что СССР в ближайшее время грозит коллапс [Кеннеди, 2018, с. 749–752]. Представляется, что идеи исследователя оказались особенно востребованы на завершающем этапе холодной войны, в период, когда напряжение сил ее участников сменялось попыткой достичь принципиальные договоренности. В то же время нельзя не отметить, что популярность идеи «имперского перенапряжения» во многом связана с убедительностью исследования.

Вокруг основных тезисов монографии велась активная дискуссия, в которой приняли участие видные политические исследователи и социологи [Raucher, 2001]. Так, Э. Гидденс, М. Манн и И. Валлерстайн, признавая исследовательский успех, отмечали ограничения практического применения результатов, его прогнозов и поверхностность выводов [Giddens, Mann, Wallerstein, 1989]. Консервативный исследователь Г. Р. Нау отмечал, что концепция П. Кеннеди не учитывает национальных особенностей. Ошибка в прогнозе в части СССР стала следствием этого упущения [Нау, 2001]. Э. Люттвак считал, что причиной упадка великих держав выступает не «имперское перенапряжение» само по себе, а ошибки в распределении ресурсов [Kennedy, Luttwak, 1990]. Ч. Капчан говорил о более сложном соотношении экономики, мощи государства и политики, чем это представлено в монографии [Kupchan, 1989].

Дж. Най-младший, обращаясь к вопросу о последствиях распада СССР, указывал на то, что вопреки концепции П. Кеннеди Советский Союз распался, не потерпев военного поражения [Най-мл., 2011]. В последние годы китайские исследователи всё чаще обращаются к проблематике исследования П. Кеннеди [Yang, 2013]. Современные же американские политологи пересматривают оценку прогнозов исследователя, задаваясь вопросом о сохранении глобальных позиций США [Brooks, Wohlforth, 2015]. В целом, несмотря на дискуссионность отдельных выводов исследования, «имперское перенапряжение» стало устоявшимся концептом политической науки.

Проблема «имперского перенапряжения» представляет собой один из центральных вопросов, которому уделяется внимание при рассмотрении кризиса военно-политической мощи Советского Союза. К данной тематике обращаются отечественные и зарубежные исследователи: Х. Адомейт, К. Н. Брутенц, В. И. Дашичев, Г. А. Дробот, Г. Лундестад, М. Манделбаум, А. В. Митрофанова, В. В. Шлыков и др. В данных работах ставился вопрос о критическом характере усилий СССР по поддержанию военно-политической мощи и влияния.

Следует сказать, что понятие «имперское перенапряжение» является условным. Как указывал П. Кеннеди, оно не связано с таким особым типом государства, как империя. Поскольку практически вся книга посвящена имперским государствам, следует сказать о том, что вопрос является ли СССР империей или нет, дискуссионный. Современная теоретико-металогическая основа исследования империй представлена в работах таких исследователей, как Ч. Тилли, М. Дойл, Д. Ливен, Ю. Остерхаммель, А. И. Миллер и др. Советский Союз может рассматриваться в качестве империи, поскольку являлся супердержавой, политика которой отличалась идеологизированным характером. При этом существенным обстоятельством для понимания ограниченности такого подхода является то, что в части отношений центр–периферия СССР проводил политику противоположную имперским государствам Нового времени.

Актуальным вопросом современных политических исследований выступает проблема имперской составляющей государственности и политики России. Данная тема изучается в работах С. Н. Гаврова, С. И. Каспэ, О. Ю. Малиновой, И. Л. Морозова, А. Ф. Филиппова и др. Настоящее исследование подчеркивает, что Россия – это великая держава, претендующая на место одного из центров силы многополярного мира, поэтому вопрос «имперского перенапряжения» важен для современной российской политики.

Перейдем к рассмотрению вызова военно-экономическому потенциалу СССР в контексте «имперского перенапряжения».

«ИМПЕРСКОЕ ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ» И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Политика СССР, направленная на противостояние США и их союзникам, требовала существенных расходов и была тяжелым бременем для экономики. Холодная война требовала распространения влияния Советского Союза на все новые страны в разных регионах мира для противодействия стратегии сдерживания, принятой Вашингтоном. Советские политические и военные лидеры эпохи Перестройки заявляли, что военные расходы составляют 19–20% и даже треть от ВВП [Шлыков, 2001]. Согласно приведенной позиции, которую поддерживали и некоторые зарубежные исследователи [Dallin, 1992], такие непроизводительные расходы стали критическими для советской экономики и предопределили роковое замедление экономического роста.

Следует признать, что к 1980-м гг. в экономике СССР действительно произошло замедление темпов экономического роста. Тем не менее последние исследования данного вопроса критически оценивают степень влияния военных расходов на экономику в целом и на данный показатель в частности. Так, несмотря на высокий уровень военных расходов и незначительные инвестиции, 1950-е гг., как отмечает профессор В. В. Попов, стали временем наиболее быстрого экономического роста [Попов, 2007]. В более поздние десятилетия советская экономика уже не смогла продемонстрировать таких темпов роста несмотря на то, что военные расходы оставались неизменными и составляли около 12% ВВП. Следовательно, нет оснований говорить о непосредственной зависимости роста военных расходов и замедления темпов экономического роста.

Экономический потенциал СССР существенно уступал экономике основного противника в холодной войне – США [Полынов, 2005]. Современные исследования показывают, что при указанной доле военных расходов в ВВП Москва тратила на оборону около 45–50% бюджета. В Америке доля военных расходов в ВВП составляла около 5,6%, при том, что их доля в бюджете составляла 25–27%. Холодная война бесспорно была тяжелым испытанием для Советского государства и не позволяла направить значительную долю ресурсов на развитие народного хозяйства.

Также отметим, что доля СССР в военных расходах Организации Варшавского договора

составляла 90%. Аналогичная доля США по отношению к странам союзникам по НАТО составляла только 50%. Данные цифры показывают, что Советский Союз нес основное бремя военно-политического противостояния Америке и не мог положиться на своих союзников, как Вашингтон. Такие экономические показатели придают обоснованность позиции, указывающей на критический характер военных расходов СССР.

Неординарные усилия в сфере военного строительства позволили Москве в 1960–1970-е гг. достичь паритета в стратегических вооружениях, иметь преимущество в сухопутных силах и построить второй по численности флот, имевший на вооружении многочисленные атомные подводные лодки. При этом относительно этого периода речь не идет о перенапряжении СССР.

Более существенным является то, что, несмотря на сложившееся положение, Советскому Союзу удалось достичь успехов не только в части развития вооруженных сил. Соотношение ВВП постепенно менялось в пользу СССР. Так, по оценке, сделанной зарубежным советологом Г. Блоком, если в 1950 г. данное соотношение составляло 33%, то в 1960 г. – 40%, в 1970 г. – 49% и к 1975 г. достигло 53% [Blok, 1976, с. 246]. В целом, несмотря на отмеченное замедление темпа экономического роста, СССР удавалось долгое время поддерживать более высокий темп экономического развития, чем США.

Приведенные обстоятельства и оценки показывают сложность проблемы. Суждение о перенапряжении советской экономики вследствие военных расходов представляется дискуссионным и требующим более серьезного научного анализа.

Подробное и всестороннее исследование экономического кризиса СССР представил Е. Т. Гайдар в своей монографии «Гибель империи» (2006). Одним из основных тезисов исследования является то, что советская экономика была неэффективной. Автор доказывает и иллюстрирует данный тезис целым рядом примеров. По мнению исследователя, только постоянно растущие поставки на мировой рынок нефти и нефтепродуктов спасали советскую экономику от неизбежного краха, обусловленного неэффективностью советской экономической модели. Отметим, что, несмотря на радикальные реформы начала 1990-х гг., Россия еще длительное время сохраняла зависимость от экспорта энергоресурсов, которые и сейчас занимают значительную долю во внешней торговле. Вопросы конкурентоспособности российской экономики в современных условиях вновь приобретают важное значение.

Е. Т. Гайдар отдельно останавливается на вопросах экономического перенапряжения СССР,

связанного с ростом оборонных расходов в условиях гонки вооружений, начатой администрацией Р. Рейгана, подчеркивая стабильность объема военных трат [Гайдар, 2006, с. 200–204]. Автор заключает, что несмотря на трудности, связанные с ростом оборонных расходов, они сами по себе не объясняют экономический крах Советского союза в 1985–1991 гг. Исследователь видит причиной распада СССР более фундаментальные факторы, связанные с принципиальной неэффективностью советской модели экономики.

По всей видимости, советская экономика действительно была недостаточно эффективна, по крайней мере ее эффективность заметно снизилась к 1980-м годам [Смирнов, 2012, с. 24–26]. Причины данного явления выходят за рамки настоящей статьи. Здесь представляется существенным то, что недостаточная эффективность, видимо, не означала перенапряжения экономических возможностей СССР. На это указывают достаточно высокие темпы экономического роста на протяжении почти всей холодной войны. Об этом говорит то обстоятельство, что военные расходы СССР стабильно поддерживались на протяжении холодной войны на примерно одинаковом уровне. Кроме того, отметим, что в некоторых областях военного строительства усилия СССР были вероятно избыточны¹. В целом, несмотря на то бремя, которое составляли военные расходы для советской экономики, тезис о ее перенапряженности, в силу этого обстоятельства, представляется недостаточно обоснованным.

В связи с вопросом об «имперском перенапряжении» необходимо рассмотреть также способность Советского Союза удерживать контроль над подчиненными перифериями.

СССР И ЕГО СОЮЗНИКИ: КОНТРОЛЬ И ВЛИЯНИЕ

Восточная Европа имела ключевое значение для обеспечения безопасности СССР. Контроль над этой частью «империи» стоил значительных усилий. Среди восточноевропейских стран одним из главных союзников была Германская Демократическая Республика.

Немецкий политолог Х. Адомейт в исследовании, посвященном советской политике по отношению к ГДР, высказал мнение, что объединение Германии стало скорее следствием «имперского перенапряжения», чем «утраты воли» [Adomeit, 1998]. При

этом в работе отмечалось, что экспертиза политических решений Кремля в отношении ГДР оказалась передана от специальных институтов к небольшой группе советников М. С. Горбачева, что само по себе ставит под сомнение выверенность согласия на присоединение ГДР к ФРГ и продуманность его последствий. При том, что, несмотря на сложности с легитимностью, руководство ГДР, в целом, показало себя достаточно надежным союзником Москвы.

Надо сказать, что в отношении восточноевропейских стран, находящихся в орбите СССР, Москве удавалось избегать серьезных кризисов. Ввод войск в Чехословакию в 1968 г. стал последним примером использования вооруженных сил для подавления антисоветских выступлений. Кризис в Польше в 1981–1982 гг. удался преодолеть без непосредственного участия советских войск. При этом Кремлю удавалось поддерживать оборонный союз в рамках Организации Варшавского договора.

Еще одним институтом интеграции и контроля восточноевропейских стран был Совет экономической взаимопомощи (1949–1991). По оценкам современных исследователей в 1989 г. на страны СЭВ приходилось 55,6 % товарооборота СССР. Экономические отношения отличались высокой степенью хозяйственной интеграции, а торговля в рамках СЭВ обеспечивалась переводными рублями (до 1990) через Международный банк экономического сотрудничества [Ковалева, Шевелев, 2016, с. 58–59]. СЭВ, несмотря на спад интеграции со второй половины 1970-х гг., можно рассматривать как уникальный пример международного экономического объединения вне контроля США и ведущих стран Запада.

Помимо необходимости удержания контроля над странами Восточной Европы, Советский Союз вел холодную войну против США во многих регионах мира, поддерживая в той или иной форме национально-освободительные движения. В одних странах усилиям Москвы сопутствовал успех, в других – нет². Несмотря на значительные усилия и траты [Шишков, 1992, с. 12], сложно утверждать, что они стали критичны для перенапряжения СССР. Более существенным представляется другое. Вплоть до начала перестройки и «нового политического мышления» Москве удавалось сохранять свои военно-стратегические позиции и внешнеполитическое влияние. Признаки «имперского перенапряжения» в этой составляющей анализируемой проблемы сложно рассмотреть непредвзятым взглядом.

¹Например, считается, что количество танков, БМП и БТР в СССР к 1980-м гг. было не меньше, чем во всех других странах мира вместе взятых.

²В качестве примера серьезной внешнеполитической неудачи можно указать на вторжение в Афганистан, тем не менее, вывод советский войск стал не причиной, а следствием изменения политики Москвы.

В 1980-х гг. идеи о серьезном кризисе СССР не получали поддержки в среде академических ученых, о чем вспоминает, например, Р. Коллинз [Коллинз, 2008], и не были востребованы в аналитических центрах (thinktank), занимающихся исследовательскими разработками в интересах правительства и ЦРУ США. Так, в ряде докладов РЭНД Corporation, выпущенных в период 1986–1989 гг., отмечалось, что, несмотря на экономические трудности, Москва сохраняет неизменными основания своей политики, ее международное влияние и военный потенциал по-прежнему имеют глобальный характер. Только в 1990 г. аналитики РЭНД смогли заметить критичность процессов, проходящих в Советском Союзе [Кривопапов, 2021, с. 197]. Данные доклады скорее предупреждали о необоснованности излишнего оптимизма в отношении перспектив успеха в холодной войне, чем указывали на фундаментальные изменения в политике СССР. В связи с этим рассуждения о стратегии США, направленной на победу в холодной войне, выглядят преувеличенными. Скорее здесь можно говорить о замысле, приписанном задним числом.

Все вышесказанное показывает, по крайней мере, проблемность трактовки распада СССР как следствия «имперского перенапряжения», что определяет необходимость рассмотреть проблему соотношения военной мощи, внешней политики и экономического потенциала более внимательно.

КРИЗИС СССР В ЛОГИКЕ «ИМПЕРСКОГО ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЯ»

Здесь представляется возможным более подробно остановиться на критике П. Кеннеди со стороны другого американского исследователя Ч. Капчана [Kirchan, 1989]. С точки зрения исследователя идея о том, что мощь государств имеет в своей основе экономическое и технологическое преобладание не подлежит сомнению. Спорным представляется тезис о том, что «империи» ускоряют свою собственную гибель чрезмерными расходами на оборону. Перед великими державами оказывается сложный выбор между краткосрочной безопасностью, обеспечиваемой высоким уровнем поддержания готовности военной силы, и долгосрочной безопасностью, обеспечиваемой экономической стабильностью.

«Имперское перенапряжение» может быть обосновано по двум линиям аргументации. Согласно одной, военные расходы, как правило, замедляют экономический рост. Другая состоит в том, что

империи склонны увеличивать свои расходы на оборону и проводить политику, которая ускоряет упадок, уже начавшийся по другим причинам.

Ч. Капчан обращает внимание на ряд примеров, которые демонстрируют, что нет смысла искать некий пороговый уровень военных расходов, достижение которого подрывает экономический рост. Так, расходы на оборону стимулировали рост в менее развитых экономиках (Тайвань, Южная Корея) и, видимо, сдерживали в развитых странах. Также имеет значение цикл экономического развития, на котором происходит увеличение военных расходов. В целом, сложно утверждать о прямой зависимости военных расходов с экономическим спадом.

Обратимся к следующему, более значимому, вопросу о способности великих держав избежать опасностей перенапряжения, скорректировав свою политику.

Разрыв между ресурсами и обязательствами – одна из центральных проблем «имперского перенапряжения». Ч. Капчан критически относится к попытке ответа П. Кеннеди на эту проблему: Великие державы, находясь в упадке, инстинктивно больше тратят на безопасность. Со своей стороны, исследователь предполагает, что уязвимость, связанная с упадком, побуждает элиты отстаивать негибкие стратегические убеждения или ошибочную политическую логику, которые ухудшают приспособление к изменяющемуся распределению военно-политической мощи. Также свою роль могут сыграть интересы отдельных элитных групп или ведомств и общественное мнение.

Ч. Капчан указывает на то, что в более глубоком изучении нуждается вопрос об оценке государством, его элитами, институтами и структурами, своей мощи, возможностей и ресурсов, а также влияния данных оценок политику. С точки зрения американского ученого такие вопросы могли значительно уточнить проблематику «имперского перенапряжения».

Рассмотрим обоснованность тезиса об «имперском перенапряжении» Советского Союза в такой постановке вопросов.

СССР в конце 1970 – начале 1980-х гг. находился в сложном геополитическом положении, обусловленном противостоянием США и их союзникам – наиболее экономически развитым капиталистическим государствам. При этом экономика Советского Союза не отличалась высокой эффективностью. Несмотря на неблагоприятные факторы, определяющие необходимость высоких расходов на оборону, Москве удавалось нарастить свой стратегический потенциал, сохранить и даже увеличить число государств-союзников,

распространить свое влияние за пределы близлежащих стран и регионов. Тем самым Америка вовлекалась в игру на повышение ставок в холодной войне.

Вопрос о критическом характере для СССР экономических издержек гонки вооружений при объективном анализе не получает положительно-го ответа. Несмотря на экономические трудности, ресурсы Советского Союза были далеки от истощения, а возможности роста не были исчерпаны. Также необходимо сказать о том, что между Союзом и США не было принципиального различия в уровне развития технологий. Кроме того, не следует забывать о возможностях ресурсной мобилизации, с успехом продемонстрированной в период Великой Отечественной войны. В обстоятельствах угрозы жизненно важным интересам Москва могла прибегнуть и к этому опыту.

Более сложным является вопрос о стратегических представлениях элиты СССР. В период начала Перестройки были продекларированы положения «нового политического мышления», заключающиеся в отказе Советского Союза от собственных государственных интересов в сфере безопасности в пользу общечеловеческих. В какой степени мы имеем дело с результатами анализа, а не с риторическими приемами, призванными оправдать политику Перестройки и ее провал. Тем более проблематичной представляется политика уступок США по всему спектру актуальных для Москвы и Вашингтона вопросов, последовавшая в конце 1980-х гг. Насколько обосновано мы можем предположить, что логика «имперского перенапряжения» подменяла более важные вопросы повышения экономической эффективности, а возможно и ограничивала их решение по существу. Данные вопросы пока еще не получили достаточно убедительного исследования. Для ответа на них необходимо значительное расширение документальной источниковой базы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в рамках концепции «имперского перенапряжения» возможно поставить и проанализировать вопросы, связанные с ресурсным обеспечением внешней политики и политики безопасности великой державы. Позиция, согласно которой одной из наиболее значимых причин распада Советского Союза стало «имперское перенапряжение», нуждается в существенных уточнениях, поскольку зависимость экономического развития и военных расходов не является ни постоянной, ни непосредственной. Также должны быть учтены взгляды на политику элитных групп.

В заключение отметим, что в современных условиях с «имперским перенапряжением» все в большей степени сталкиваются США. Для России, вовлеченной в вооруженный конфликт на Украине (а по сути, это гибридная война с Западом) и находящейся на пороге экономической изоляции, данный вопрос также имеет принципиальный характер. Россия выступает наследником великих держав – Российской империи и СССР, ее политика направлена на утверждение своей суверенной роли в многополярном мире. С определенной условностью к ней применимо понятие «империя», по крайней мере как его понимал П. Кеннеди. «Имперское перенапряжение» в ближайшей перспективе может стать значимой проблемой российской политики. От российского государства возможно потребуются значительные мобилизационные усилия. Также всё возрастающие риски связаны с сохранением лояльности союзных стран постсоветского пространства и отдельных групп российского общества. При этом, как показывает опыт СССР, существенное значение приобретает позиция политической элиты, ее стратегические представления и интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург : Гонзо, 2018.
2. Raucher A. R. The Recent American Declinism Controversy: The Case of Historian Paul Kennedy // Studies in Popular Culture. October 2001. Vol. 24. No.2. P. 37–63.
3. Giddens A., Mann M., Wallerstein I. Comments on Paul Kennedy's The Rise and Fall of the Great Powers // The British Journal of Sociology. Jun. 1989. Vol. 40. No. 2. P. 328–340.
4. Nau H. R. Why «The Rise and Fall of the Great Powers» Was Wrong // Review of International Studies. Oct. 2001. Vol. 27. No. 4. P. 579–592.
5. Kennedy P., Luttwak E. N. The Rise and Fallof the Great Powers: An Exchange // The American Scholar, Spring. 1990. Vol. 59. No. 2. P. 283–289.

6. Kupchan C. A. Review: Empire, Military Power, and Economic Decline // *International Security*, Spring. 1989. Vol. 13. No. 4. P. 36–53.
7. Най-мл. Дж. Диалектика упадка и подъема // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dialektika-upadka-i-podema/>.
8. Yang Shih-yueh. Power Transition, Balance of Power, and the Rise of China: A Theoretical Reflection about Rising Great Powers // *China Review*. Fall 2013. Vol. 13. No. 2. P. 35–66.
9. Brooks S. G., Wohlforth W. C. The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position // *International Security*. Winter 2015–16. Vol. 40. No. 3. P. 7–53.
10. Шлыков В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах // *Военный вестник МФИТ*. 2001. № 8.
11. Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // *Post-Soviet Affairs*. 1992. № 4. P. 279–302.
12. Попов В. В. Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период? // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 2. С. 64–76.
13. Польшов М. Ф. Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945–1990 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2005. №3. С. 92–103.
14. Blok H. Soviet Economic Power Growth – Achievements Under Handicaps // *Soviet Economy in a New Perspective: A Compendium of Papers*. Joint Economic Committee Congress of the United States. Washington, U.S.: Government Printing Office, 1976. P. 243–268.
15. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
16. Смирнов С. В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012. М.: Высшая школа экономики, 2012. URL: https://www.hse.ru/data/2013/01/26/1306205089/WP2_2012_04_.pdf.
17. Adomeit H. *Imperial Overstretch: Germany in Soviet Policy from Stalin to Gorbachev*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1998.
18. Ковалева Г. Д., Шевелев А. В. Что говорит статистика о пространстве СЭВ // *ЭКО*. 2016. №10 (508). С. 57–77.
19. Шишков Ю. В. Распад империи: ошибка политиков или неизбежность? // *Наука и жизнь*. 1992. № 8. С. 2–13.
20. Коллинз Р. Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР : пер. с англ. В. Г. Кузьминова, науч. ред. А. Г. Здравомыслова // *Социологический журнал*. 2008. № 3. С. 5–29.
21. Кривопалов А. А. RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. №5. С. 193–211. doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

REFERENCES

1. Kennedy, P. (2018). *Vzlety i padeniya velikih derzhav: Jekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovyh centrov vlasti s 1500 po 2000 g.* = The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Yekaterinburg: Gonzo, 2018. (In Russ.)
2. Raucher, A. R. (2001). The Recent American Declinism Controversy: The Case of Historian Paul Kennedy. *Studies in Popular Culture*, 2(24), 37–63.
3. Giddens, A., Mann, M., Wallerstein, I. (1989, June). Comments on Paul Kennedy's The Rise and Fall of the Great Powers. *The British Journal of Sociology*, 2(40), 328–340.
4. Nau, H. R. (2001, October). Why «The Rise and Fall of the Great Powers» Was Wrong. *Review of International Studies*, 4(27), 579–592.
5. Kennedy, P., Luttwak, E. N. (1990). The Rise and Fallof the Great Powers: An Exchange. *The American Scholar*, Spring, 2(59), 283–289.
6. Kupchan, C. A. (1989). Review: Empire, Military Power, and Economic Decline. *International Security*, Spring, 4(13), 36–53.
7. Nye, Jr. J. (2011, November / December). Dialektika upadka i pod»ema = Dialectics of decline and rise. *Russia in Global affairs*, 6. <https://globalaffairs.ru/articles/dialektika-upadka-i-podema/> (In Russ.)
8. Yang, Shih-yueh (2013). Power Transition, Balance of Power, and the Rise of China: A Theoretical Reflection about Rising Great Powers. *China Review*, 2(13), 35–66.
9. Brooks, S. G., Wohlforth, W. C. (2015–16, Winter). The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position. *International Security*, 3(40), 7–53.
10. Shlykov, V. (2001). Chto pogubilo Sovetskii Soyuz? Amerikanskaya razvedka o sovetskikh voennykh raskhodakh = What ruined the Soviet Union? American intelligence on Soviet military expenditures. *Voennyi vestnik MFIT*, 8. http://svop.ru/wp-content/uploads/2018/10/VoennyVestnikMFIT_No8_CHTO-POGUBILO-USSR_-RAZVEDKA-USA.pdf. (In Russ.)
11. Dallin, A. (1992). Causes of the Collapse of the USSR. *Post-Soviet Affairs*, 4, 279–302.

12. Popov, V. V. (2007). Pochemu snizhalis' tempy rosta sovetskoj ekonomiki v brezhnevskii period? = Why did the growth rates of the Soviet economy decrease during the Brezhnev period? *Neprikosnovennyi zapas*, 2, 64–76. (In Russ.)
13. Polynov, M. F. (2005). The arms race as a method of exhausting the USSR USA. 1945-1990. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 3, 92–103. (In Russ.)
14. Blok, H. (1976). Soviet Economic Power Growth – Achievements Under Handicaps. *Soviet Economy in a New Perspective: A Compendium of Papers. Joint Economic Committee Congress of the United States* (pp. 243–268). Washington, U.S. Government Printing Office.
15. Gaidar, E. T. (2006). *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii = The death of the Empire. Lessons for modern Russia*. 2nd ed. Moscow: Political Encyclopedia (ROSSPAN). (In Russ.)
16. Smirnov, S. V. (2012). Dinamika promyshlennogo proizvodstva i ekonomicheskii tsikl v SSSR i Rossii, 1861–2012 = Dynamics of industrial production and the economic cycle in the USSR and Russia, 1861–2012. https://www.hse.ru/data/2013/01/26/1306205089/WP2_2012_04_.pdf Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
17. Adomeit, H. (1998). *Imperial Overstretch: Germany in Soviet Policy from Stalin to Gorbachev*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
18. Kovaleva, G. D., Shevelev, A. V. (2016). Chto govorit statistika o prostranstve SEV = What statistics say about the space of the CMEA. *ECO*, 10(508), 57–77. (In Russ.)
19. Shishkov, Yu. V. (1992). Raspad imperii: oshibka politikov ili neizbezhnost'? = The collapse of the empire: the mistake of politicians or the inevitability? *Nauka i zhizn'*, 8, 2–13. (In Russ.)
20. Collins, R. (2008). Macrosociological prediction: an example of the collapse of the USSR. Translated from the English by V. G. Kuzminova, scientific ed. by A. G. Zdravomyslov. *Sociological Journal*, 3, 5–29. (In Russ.)
21. Krivopalov, A. A. (2021). RAND Looks at Moscow: Russia's Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 5, 193–211. doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-10 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асеев Александр Дмитриевич

кандидат философских наук, профессор Государственного института управления

Шишков Василий Валерьевич

кандидат политических наук, доцент,

доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и естественнонаучных дисциплин

Института права и национальной безопасности

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aseev Aleksandr Dmitrievich

PhD (Philosophy), Professor of the State University of Management

Shishkov Vasily Valerievich

PhD (Political Science), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Socio-humanitarian,

Economic and Natural Sciences of the Institute of Law and National Security,

Russian Academy of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 14.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 14.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_18

Особенности легитимации политической власти в условиях становления сетевого общества

А. А. Брега

*Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия
abrega67@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается легитимация власти как коммуникативный процесс, воспроизводящий определенный набор фреймов, с которыми соглашаются или не соглашаются те или иные значимые социальные группы. При этом в современном сетевом обществе постмодерна возникает ситуация, когда реальные события все в большей степени подменяются их симулякрами, которые представляют собой виртуальный мир, живущий по своим законам.

Ключевые слова: легитимность, общество постмодерна, политический консьюмеризм, новая реальность, политические симулякры, государство

Для цитирования: Брега А. А. Особенность легитимации политической власти в условиях становления сетевого общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 18–22. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_18

Original article

Features of the Legitimization of Political Power in the Conditions of the Formation of a Network Society

A. A. Brega

*Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
abrega67@gmail.com*

Abstract. The article considers the legitimization of power as a communicative process that reproduces a certain set of frames with which certain significant social groups agree or disagree. At the same time, in the modern postmodern network society, a situation arises when real events are increasingly replaced by their simulacra, which represent a virtual world living according to its own laws.

Keywords: legitimacy, postmodern society, political consumerism, new reality, political simulacra, the state

For citation: Brega, A. A. (2022). Features of the legitimization of political power in the conditions of the formation of a network society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 18–22. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_18

ВВЕДЕНИЕ

Легитимизация власти остается важнейшей задачей политической практики и нуждается в постоянном научном осмыслении, поскольку связана с перспективами устойчивого развития социума. Современность, определяемая рядом социологов обществом риска, является питательной средой для возникновения новых угроз, при этом глобализация меняет как характер рисков и угроз, которые встанут перед индивидом и обществом, так и способность социальных субъектов им противостоять.

Современный мир столкнулся с новой реальностью, в условиях которой многие классические теории и традиционные подходы к изучению вопросов государственности, укрепления ее стабильности стали все больше уступать свое место новым концептуальным подходам и теоретическим моделям. Более того, эти подходы стали активно использоваться в практике строительства государственности разных стран и широко внедряться в область политики и государственного регулирования общественными процессами [Бауман, 2002; Коблева, Схалято, 2017]. Также отмечается переход от классических и неоклассических интерпретаций таких понятий, как «государство», «гражданское общество», «политические институты», «политические партии», «политическое участие», «выборы», «легитимность власти» и других терминов политологии и политической социологии, в рамках которых описывалось развитие политического процесса и государственности [Николаева, Ившина, 2009; Уткин, 2001].

Сегодня претерпели существенные изменения многие смысловые значения определяющих и результирующих факторов стабильности развития государственных и общественных систем, а также само понимание «устойчивости развития», в первую очередь из-за перехода от модернизма к постмодернизму.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Постмодернизм как современная культурная доминирующая парадигма, в отличие от модернизма, не разделяет мир на «современные» и «архаичные» политические культуры и государства, не противопоставляет модернизм и традиционализм, не выступает адептом западных ценностей, закрепляя за ними статус универсальных и общечеловеческих.

В рамках теории постмодерна вопросы развития государства и государственности рассматриваются

в контексте таких концептов и терминов, как «новая реальность», «общество потребления», «политический консьюмеризм», «симулякры», «политическая сцена», «политический театр», «политические технологии», «гибридное государство» [Новиков, 2019]. Особый научный интерес в плане реальности постмодерна вызывает проблема появления имитационных моделей государственности, которые носят символический знаковый характер и представляют собой скорее форму самовывживания, политической самоидентификации, политического компромисса и самоутверждения, чем вид реального государственного строительства [Энжел, Блэкуэлл, Миниард, 2017]. Подобные трансформации существенно видоизменяют саму суть легитимации власти в условиях современного сетевого постмодернистского общества.

Для объяснения специфических черт новой реальности Ж. Бодрийяр ввел понятие «симулякр» – образ и имидж того, что реально не существует, а является лишь социальным конструктом, не имеющим прямой связи с тем, что он сигнализирует [Бодрийяр, 2000]. Современный социум при переходе к информационному обществу и по мере его развития основан на производстве и обмене различных слов и имиджей, которые аннигилируют любую «реальность», с которой они могут быть соотнесены. Масс-медиа и особенно телевидение начинают так воздействовать на ситуации, что имидж и реальность уже во многом неотличимы друг от друга и одно заменяет собой другое.

Политические ценности, институты и события превращаются в объекты символического значения. Знаковое потребление становится своего рода кодом общения между людьми и распространяется не только на вещи, товары и услуги, но и на все окружение человека – на образы, события, явления, включая государственные события и политические явления, создаваемые массовыми коммуникациями, на социальные отношения людей в целом, на политические институты и политические отношения. На смену реальному государству приходит имидж государства, который становится главным объектом формирования и строительства. Это же касается политических партий, общественных движений, политических событий. Легитимация тем самым приобретает характер коммуникации, набора фреймов, с которыми соглашаются или не соглашаются те или иные влиятельные в пространстве коммуникаций группы, при этом механизмы реальной обратной связи практически перестают иметь значения, важны лишь коммуникационные процессы, происходящие в медиа и достаточно заметные в его рамках [Коблева, Схалято, 2017].

Знаки или образы, отрываясь от конкретных объектов, явлений, которые они изначально репрезентировали и символизировали, становятся симулякрами, приобретающими автономный смысл и переставшими соответствовать оригиналу и соотноситься с реальностью. Симулякры активно используются в коммуникативных процессах современного общества и выступают важной основой формирования потребительских предпочтений. Массмедиа, как подчеркивал Ж. Бодрийяр, являются основным пространством, функционирования симулякров, основными чертами которых являются соблазн, экстаз, избыточность эстетического, «транспозиционность» [Бодрийяр, 2000].

В постмодернистской картине мира разные формы политического участия и политической активности описываются уже не в концептуальных рамках теории гражданского общества или классовой борьбы, а в терминах политического консьюмеризма, т. е. политическая борьба сводится к противостоянию потребителей политического контента, а легитимность обеспечивается их доминированием в рамках медиапространства. Само потребление как основа общественной деятельности, определяющая и влияющая на производство, все больше превращается из материальной практики в социально-культурную деятельность. Эти аспекты развития общества постмодерна и общества потребления нашли свое отражение и осмысление в работах Э. Баумана, П. Слотердайка, Э. Гидденса, У. Ханнерза.

КОНСЮМЕРИЗМ КАК ГЛАВЕНСТВУЮЩИЙ СТАТУС В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Консьюмеризм получает главенствующий статус в новой реальности и наряду с философией постмодернизма существенно воздействует на систему ценностей и поведение людей, оказывая ключевое влияние на процессы социализации и идентификации индивида, на легитимацию существующего порядка. Сдвиг от «материальных ценностей» к «постматериальным ценностям» отмечается в работах Р. Инглхарта. На первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни, которые начинают приобретать приоритет над материальным потреблением [Коблева, Схалято, 2017].

В наше время «постмодернизация» представляет собой сдвиг в стратегиях выживания за счет изменения образа жизни, ключевое значение в котором отводится уже не удовлетворению первичных базовых потребностей, а в большей степени минимизации постоянно нарастающего психологического стресса на уровне личности и социальных

рисков на уровне общественных систем. Всё это влияет на потребительское поведение в условиях информационного общества, включая формы политического участия и политической активности, отношения к государству, власти проводимой ими политики, которые, по сути, становятся символическими «брендовыми» объектами массового потребления. Единственным источником субъектности, как считает Ж. Бодрийяр, в современном обществе становится способность к потреблению. Отношения потребления фактически отождествляются с субъектностью [Бодрийяр, 1999].

В трактовке консьюмеризма особый акцент ставится на следующих его особенностях:

- генерализация потребления, то есть сведение всех видов социальной деятельности к потреблению;

- «этика расточительства», ориентированная на настоящее и опирающаяся на кредит (в политической сфере – это кредит доверия к власти и партиям) [Новиков, 2019];

- ориентация на получение удовольствия, наслаждения, внутреннего подъема от использования товаров и услуг [Слотердайк, 2014];

- модальность потребления не как пассивного использования вещей, а как активного процесса их выбора и регулярного обновления, в котором обязан участвовать каждый член общества;

- потребительская практика, представляющая систематическое манипулирование знаками, носит скорее нематериальный, а символический характер;

- стремление к достижению виртуальной целостности всех вещей и сообщений, составляющих... связанный дискурс [Энжел, Блекуэлл, Минирд, 2017];

- стремление избавиться от внутреннего напряжения, вызванного подавлением запрещаемых культурой желаний, посредством поиска символического заменителя данных желаний [Фрейд, 1992].

Е. М. Николаева, О. Я. Ившина отмечают в своей работе «Политический консьюмеризм, или «пустая» объективация»: «Современные политические технологии выводят индивида из сферы рационального политического мышления. Принимая содержание политики, подчиняясь ее жизнедеятельности, человек становится проводником и носителем отчужденности. Очевидной является ситуация, в которой исчезающее Я уступает место пассивному, равнодушному наблюдателю либо политическому конформисту...» [Николаева, Ившина, 2009, с. 55].

В этой связи в контексте существующих подходов к новому видению государства, легитимности власти встает вопрос о том, что представляет в социологическом и политологическом плане

современное государство в новой реальности, в чем истоки его стабильности и устойчивости. По сути, социальный порядок, общественная безопасность, легитимность власти, ее преемственность, держатся на общем имидже государства, на кредите доверия к его институтам и лидерам. Другими словами, на представлениях о государственности как воплощении общественных ожиданий, притязаний, страхов, надежд, особенностей представления своего места в системе других государств и народов, национальных представлений о свободе, справедливости, благополучии, о власти и отношении к ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное сетевое общество постмодерна характеризуется своим движением к виртуальности. Возникает ситуация, когда реальные события всё в большей степени подменяются их симулякрами, которые представляют собой виртуальный мир, живущий по своим законам [Слоттердаjk, 2014]. Важную роль в этом процессе играют политические симулякры, которые представляют имитационную

картину национальной идеи, исторической миссии и современной роли того или иного государства. Они дают огрубленный образ государственных институтов, современного миропорядка, социальных групп, и их ценностей. Симулякры выступают основным средством манипуляции массовым сознанием. На смену рациональному и логическому восприятию реальности приходит клиповое сознание, которое является во многом продуктом внушения и массовой манипуляции [Энжел, Блэкуэлл, Миниард, 2017]. Для него характерна психологизация явлений, схематичное знаковое мышление с использованием уже готовых ментальными клише и конструкций. Легитимация власти в таком обществе всецело зависит от процессов, происходящих в медиапространстве, что в обществе постмодерна приобретает характер политического консьюмеризма, где легитимность обеспечивается за счет управления дискурсом, потребления контента политического характера значимыми в медиа, активными группами, сама активность которых создает фон для легитимации тех или иных властных решений. При этом политический процесс дробится на отдельные вопросы, относительно которых идет дискурсивная борьба.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
2. Кobleva Э. А., Skhalyakho З. Ч. Идеология потребления в духовной жизни современного общества // Грамота. 2017. № 1. С. 115–118.
3. Николаева Е. М., Ившина О. Я. Политический консьюмеризм, или «пустая» объективация // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 1. С. 51–57.
4. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление М. : Логос, 2001.
5. Новиков К. В плену «ультранормальности»: Сурков – создатель первого в мире постмодернистского государства // Геополитика.ru. 2019, 17 февраля. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/v-plenu-ultranormalnosti-surkov-sozdatel-pervogo-v-mire-postmodernistskogo-gosudarstva>
6. Энжел Д. Ф., Блэкуэлл Р. Д., Миниард П. У. Поведение потребителей. СПб. : Питер Ком, 2017.
7. Бодрийяр Ж. Соблазн : пер. с фр. А. Гараджи. М. : Ad Marginem, 2000.
8. Бодрийяр Ж. Система вещей : пер. с франц. М. : Рудомино, 1999.
9. Слоттердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория ; М. : АСТ-МОСКВА, 2014.
10. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс, 1992.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2002). Individualizirovannoe obshhestvo = Individualized society. Moscow: Logos. (In Russ.)
2. Kobleva, E. A., Skhalyakho, Z. Ch. (2017). Ideology of consumption in spiritual life of modern society. Gramota, 1, 115–118. (In Russ.)
3. Nikolaeva, E. M., Ivshina, O. Y. (2009). Political Consumerism, or “Empty” Objectification. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 1(151), 51–57. (In Russ.)
4. Utkin, A. I. (2001). Globalizaciya: process i osmyslenie = Globalization: Process and Understanding. Moscow: Logos. (In Russ.)
5. Novikov, K. (2019, February 17). Vplenu «ul'tranormal'nosti»: Surkov – sozdatel' pervogo v mire postmodernistskogo gosudarstva = Captured by «ultranormality»: Surkov – the creator of the world's first postmodern state. Geopolitica.ru. <https://www.geopolitica.ru/article/v-plenu-ultranormalnosti-surkov-sozdatel-pervogo-v-mire-postmodernistskogo-gosudarstva>. (In Russ.)
6. Engel, J. F., Blackwell, R. D., Miniard, P. W. (2017). Consumer Behavior. St. Petersburg: Piter Kom. (In Russ.)

7. Baudrillard, J. (2000). Seduction. Tr. from French A. Faradzhi. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
8. Baudrillard, J. (1999). The system of objects. Tr. from French. Moscow: Rudomino. (In Russ.)
9. Sloterdijk, P. (2014). Critique of Cynical Reason. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: ACT MOSKVA. (In Russ.)
10. Freud, Z. (1992). Psychoanalysis, Religion, Culture. Moscow: Renessans. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брега Александр Александрович

аспирант Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Brega Alexander Alexandrovich

Postgraduate student of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 28.03.2022
одобрена после рецензирования 13.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 28.03.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 339.98 (51)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

Риски и уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития в XXI веке

К. А. Корнеев¹, Л. А. Печищева²

¹Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия
korneev@ifes-ras.ru

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
mayflower-85@inbox.ru

Аннотация. Цель исследования – определить происхождение и структуру уязвимостей внутри восточноазиатской модели опережающего развития и оценить «ёмкость» конфликтного потенциала в регионе. Научная значимость работы обуславливается предложением комплексного методологического подхода к решению подобных проблем, в то время как практическая значимость проистекает из большой важности восточноазиатского региона для России в политико-экономическом измерении в настоящий момент и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: страны Восточной Азии, модель опережающего развития, торгово-экономические отношения, глобальные вызовы, угрозы региональной безопасности

Для цитирования: Корнеев К. А., Печищева Л. А. Риски и уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 23–29. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

Original article

Risks and Vulnerabilities of East Asian Rapid Expansion Model of the 21st Century

K. A. Korneev¹, L. A. Pechishcheva²

¹Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
korneev@ifes-ras.ru

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
mayflower-85@inbox.ru

Abstract. The study's aim is to determine the origin and structure of the vulnerabilities within the East Asian model of rapid expansion and to assess the "capacity" of the conflict potential in the region. The scientific significance of the work is determined by the development of a comprehensive methodological approach to solving such problems, while the practical significance stems from the great importance of the East Asian region for Russia in the political and economic dimension at present and in the long term. An essential contribution of the work to the relevant field of knowledge will be the adaptation to the research logic of several scientific and theoretical concepts and obtaining solid conclusions on their basis.

Keywords: East Asian countries, model of rapid expansion, trade and economic relations, threats to regional security

For citation: Korneev, K. A., Pechishcheva, L. A. (2022). Risks and vulnerabilities of East Asian model of the rapid expansion in the 21st Century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 23–29. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей второй половины XX века и в начале XXI века страны Восточной Азии (Япония, Китай и Республика Корея) демонстрировали высокие темпы экономического роста, вызвавшие быстрый переход от аграрно-индустриальной системы организации национального хозяйства к достижениям третьей промышленной революции. Это сформировало устойчивое восприятие Восточной Азии как региона опережающего развития. Однако в настоящий момент прослеживается заметный кризис такой модели, основанной на ускоренном воспроизводстве зарубежных технологий и создания на их основе экономики, ориентированной на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью. Растущая конкуренция между странами региона и различное видение ими базовых принципов международных торгово-экономических отношений, очевидно, ведёт к усилению противоречий и появлению весомых угроз региональной безопасности.

В данной научной статье, помимо стандартных разновидностей анализа / синтеза (сравнительный и типологический анализ, историко-логический анализ, статистический анализ и др.), акцент делается на методологии и научном инструментарии ряда теорий. Это избранные аспекты теории экономического роста и отдельные положения известной теории международной конкурентоспособности М. Портера (применительно к специфике региона Восточной Азии). Определенное внимание уделяется также теории зависимости, которая имеет тесную связь с концепциями неокониализма. Данные теории говорят о том, что ежегодно степень зависимости одних стран от других возрастает в условиях турбулентности, глобализации и «провалов рынка», а это, в свою очередь, провоцирует напряженность и в международных торгово-экономических отношениях.

Так, страны Восточной Азии, в истории которых есть и страницы колониальной / полукониальной зависимости, сейчас сами находятся в русле неокониальной практики, если говорить о стратегиях присутствия и конкуренции их транснациональных корпораций на рынках слаборазвитых стран Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной и Южной Азии. Отчасти такое видение основано на концепции мир-системного анализа И. Валлерстайна, отчасти – на концепции «информационной экономики» Дж. Стиглица. Общее здесь в том, что речь идет о глобализации в качестве главного фактора «великого разделения» и неравенства, тормозящего экономическое, социальное и политическое развитие большинства стран мира.

Следует отметить, что в настоящей работе сознательно употребляется понятие «опережающего развития» вместо устоявшегося в научной литературе «догоняющего развития». Государства Восточной Азии уже преодолели этап экстенсивного роста, они сегодня стремятся заполучить приоритетные позиции в технологической гонке и «опередить» региональных конкурентов.

ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Наиболее показательными примерами такой модели, со всеми ее плюсами и минусами, можно считать Японию, и в меньшей степени – Южную Корею. В значительной мере принципы экономического успеха Японии были заложены американской оккупационной администрацией в конце 1940-х гг. Три реформы – антимонопольного законодательства, аграрная и трудового законодательства – стали основой для запуска рыночных механизмов в Японии. Разукрупнение традиционных корпораций – дзайбацу – способствовало росту конкуренции, развитию малого и среднего предпринимательства на основе частной собственности на средства производства, что, вкупе с высвобождением свободных рабочих рук в сельской местности, стимулировало рост урбанизации и смещение парадигмы в сторону индустриального развития. Защита прав трудящихся сформировала понятные правила игры на рынке труда и в итоге привела к расцвету практики «пожизненного найма», когда сотрудник десятилетиями работал в одной компании, будучи максимально защищенным с точки зрения закона и корпоративной этики [Мозебах, 2018, с. 495].

Естественно, этих реформ было бы недостаточно для японского «экономического чуда», однако произошло удачное сочетание модернизации экономики по западным лекалам и традиционного восточного стремления к политической стабильности. С конца 1950-х гг. у власти в Японии практически без перерыва находится Либерально-демократическая партия, что не стало препятствием для успешного осуществления реформ и не привело к узурпации власти отдельными лидерами. То есть система внутренних сдержек и противовесов, взятая из западной политической культуры, оказалась вполне работоспособной на японской почве [Белов, 2017, с. 25].

Один из постулатов теории экономического роста гласит, что скорость, с которой увеличивается национальное богатство той или иной страны,

помимо необходимости рыночных преобразований, во многом зависит от психологических и социально-политических особенностей конкретной нации. С этой точки зрения Япония и другие страны Восточной Азии обладают важным преимуществом, а именно – дисциплинированным и работоспособным населением, характеризующимся высокой нормой личных сбережений (40–50 % к ВВП) и скромностью потребностей [Kimura, 2009].

Это значит, что по мере улучшения уровня жизни населения не происходило стремительного роста зарплат и, как следствие, резкого роста потребительской активности населения, неизбежно приводящего к кризису перепроизводства. То есть заметная часть наличных денег оставалась на руках у граждан и формировала отложенный спрос, который реализовывался пропорционально росту внутренней производственной активности. Однако то, что хорошо работало в процессе перехода к индустриальной и постиндустриальной экономике, становится проблемой сейчас, а именно – попадание Японии в «парадокс бережливости». Стремление населения больше сберечь не способствует притоку дополнительных денег в экономику, а в ситуации, когда уровень жизни населения высокий и экстенсивные методы удовлетворения спроса, по сути, исчерпаны, это приводит к общему снижению цен (дефляции) и только усиливает стремление граждан сберечь в надежде на еще более выгодные предложения товаров и услуг.

Важным условием успеха японской модели опережающего развития в 1960–1970-е гг. стало государственно-частное партнерство и экспортно-ориентированный характер национального производственного сектора. Государственно-частное партнерство выражалось в понятной структуре взаимоотношений экономических агентов с органами власти, создании эффективной практики разрешения корпоративных споров и базировалось на четком понимании важности накопления национального капитала [Белов, 2017, с. 100–101]. Иначе сохранялся риск оказаться в числе так называемых неокolonий с доминированием иностранного капитала в ключевых отраслях экономики и слабым государственным аппаратом, что произошло со многими странами Азии и Африки после их освобождения от «традиционной» колониальной зависимости.

Экспортно-ориентированный характер производства логично вытекал из островного положения Японии (акцент на морскую торговлю), отсутствия собственных минерально-сырьевых ресурсов и весьма ограниченной емкости внутреннего рынка. Во главу угла ставилось развитие конкурентоспособных и востребованных экспортных

отраслей, таких как автомобилестроение, бытовая техника, микроэлектроника. Ключевая цель – обеспечение положительного сальдо внешнеторгового баланса как следствие экспансии на рынки США и стран Западной Европы, что обуславливалось серьезными конкурентными преимуществами японских товаров, т. е. их относительно невысокой стоимостью при высоком качестве сборки и продолжительном сроке службы [Мозебах, 2018, с. 498]. Тогда, в 1960-е годы, и сформировалось устойчивое понятие «японское качество».

Следует отметить еще один момент. США и страны Европы в рамках положений Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) от 1947 г. придерживались концепции открытой и конкурентной внешнеторговой политики, что было на руку японским производителям, но свою роль играл и геополитический фактор. Япония и Республика Корея находились в «коммунистическом окружении» СССР, Китая и КНДР, поэтому их экономические успехи и рост благосостояния должны были демонстрировать все преимущества западного капиталистического пути другим странам Азиатского региона. Очевидно и то, что «странам постсоветской Восточной Европы не нужен никакой отдельный региональный порядок. Они будут так или иначе существовать с ориентацией и разной степенью вовлеченности в два проекта – Европейский и Евразийский, к которым может еще прибавиться китайский проект» [Шаклеина, 2020, с. 21].

Японская модель опережающего развития вплоть до конца 1980-х гг. служила несомненным ориентиром для Республики Корея, большинства стран Юго-Восточной Азии и вставшего на путь рыночных реформ Китая. Отметим, что к началу 1990-х гг. доля Японии в мировом ВВП составляла почти 11 %, но к 2020 г. снизилась до 4 %. Причиной этого стала долговременная рецессия, а также уверенный экономический рост соседей.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Если говорить об экономиках Китая и Республики Корея, то они во многом копировали японскую систему, естественно, с учетом своей специфики и с временным лагом в 20–30 лет (Корея – устойчиво с конца 1970-х гг., Китай – с середины 1980-х гг). Еще раз отметим, что этому решительно способствовала общая трудовая этика и огромный мобилизационный ресурс рабочей силы, особенно в Китае. Ставка также делалась на развитие экспортно-ориентированных отраслей, но если Корея практически буквально адаптировала японские

подходы, стремясь завоевывать иностранные рынки за счет предложения товаров с высокой добавленной стоимостью по низкой цене, то Китай начал с легкой и обрабатывающей промышленности, и в 1990-е – начале 2000-х гг. его вполне заслуженно называли «фабрикой мира». Впрочем, уже с середины 2000-х гг. в структуре экспорта Китая стала уверенно расти доля высокотехнологичных товаров, произведенных на основе уже собственных разработок, как ранее в Японии и Республике Корея [Терк, 2014, с. 15–16].

Для достижения устойчивой динамики роста ВВП Япония и Республика Корея предпочитают опираться на собственные (внутренние) инвестиции, нежели привлекать существенные объемы средств зарубежных компаний и фондов. В течение периода с начала 1990-х и до середины 2010-х гг. доля ПИИ – прямых иностранных инвестиций (в результате которых инвестор получает долю в уставном капитале конкретного предприятия не менее 10 %) по отношению к ВВП этих стран составляла, по разным методикам расчетов, 1–3 %. Для примера – этот показатель в среднем по ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) приводится в диапазоне 20–30 %. По сути, основными инвесторами выступали государство и крупные национальные банки, что вкупе с неизменной протекционистской политикой хорошо поддерживало экспорт.

Китай активнее привлекает иностранные инвестиции, и это неудивительно, учитывая масштабы рынка и амбиции страны по построению «общества средней зажиточности». Тем не менее даже во время двузначных темпов роста китайской экономики в середине 2000-х гг. доля ПИИ в структуре ВВП не превышала 13% [Тай, 2014, с. 24–25]. Если внутренние трудовые резервы Японии и Республики Корея практически исчерпаны, что на фоне роста продолжительности жизни и снижения численности работающего населения неизбежно переводит государственное экономическое регулирование в область поиска оптимального сочетания денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, то Китай пока может позволить себе идти экстенсивным путем, осваивая новые территории и отрасли [Solis, 2020].

В рассматриваемых государствах Восточной Азии базовым элементом модели опережающего роста являются сильные финансово-промышленные группы (банки, производственные кластеры, сети реализации продукции, объединенные под вывеской одной корпорации). В Китае и Республике Корея эти структуры ориентируются на внутренние задачи социально-экономического развития, повышения уровня производительности труда и устойчивости финансово-кредитной системы,

в то время как японские корпорации очевидно пошли по пути транснационализации.

К середине 2010-х гг. доля зарубежных инвестиций японских компаний по отношению к ВВП страны достигла 15 %, и продолжает увеличиваться – Япония уже входит в тройку мировых лидеров по объемам ПИИ в экономику других стран. Это говорит о том, что сборка технологически сложных товаров (автомобили, цифровая техника, промышленное и энергетическое оборудование) на территории Японии становится всё более невыгодной из-за высоких расходов на материалы, оплату труда и последующую транспортировку готовой продукции зарубежным потребителям, а также ввиду постоянного ужесточения требований по соблюдению экологических нормативов [Тай, 2014, с. 32–33].

Принимая во внимание тот факт, что Китай и Республика Корея внимательно изучают японский опыт и частично воспроизводят его, следует ожидать уверенного роста их инвестиционной активности в ближайшем будущем. Естественно, и сегодня китайские и южнокорейские корпорации имеют стратегии входа на зарубежные рынки и удержание позиций там, но до показателей Японии им еще далеко. Ареной усиливающейся конкуренции во второй четверти XXI века станет Африка, Латинская Америка, Южная и Юго-Восточная Азия.

Уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития

Собственно, уязвимости (риски) в рамках этой модели не статичны и постоянно изменяются во времени. Факт усиления конфликтного потенциала в Восточной Азии не вызывает сомнений, и дело здесь далеко не только в текущих разногласиях или исторических обидах, как это зачастую преподносится политиками, но значительно глубже – в самой сути идеологии развития находящихся там государств.

Получается, что в одном регионе по соседству расположены сразу несколько экономически сильных субъектов, имеющих схожий мирохозяйственный уклад, но серьезно различающихся в комплексном видении регионального геоэкономического пространства. И если для Европы похожая ситуация во второй половине XX века оказалась предтечей выработки «общего ритма» и последующей всесторонней интеграции, то в Восточной Азии события пошли по совершенно иному пути.

Основная «цивилизационная трещина» пролегла между Японией и соседними странами в первой половине XX века, когда Китай и Корея

серьезно пострадали от японского милитаризма. Но уже в 1960–1970-е гг. большинство претензий были официально урегулированы, Япония многократно извинилась и выплатила солидные компенсации не только в виде прямых трансшей в бюджеты или предоставления беспроцентных кредитов бизнесу, но и отдельным семьям [Kim, 2017, с. 24–25].

Однако в 2000-е и 2010-е гг., по мере усиления межгосударственной экономической конкуренции в Восточной Азии, произошел откат к риторике к обвинений в духе 1950-х гг., т. е. фактор «исторической обиды» снова занял весомое место в информационной повестке и умело эксплуатируется властями Китая и Республики Корея как для переключения внимания населения с внутренних проблем на внешнего «недоброжелателя», так и в качестве весомого основания для пересмотра либо разрыва торгово-инвестиционных контрактов с японскими корпорациями в наиболее чувствительных отраслях народного хозяйства, например, в производстве «умной» электроники, телекоммуникационных систем и цифровой техники [Park, 2019, с. 195–197].

Есть еще один немаловажный момент, наличие сильных внерегиональных игроков. В первую очередь, это США, для которых Япония остается ключевым геополитическим и стратегическим союзником в Восточной Азии. Несмотря на ряд разногласий (в частности, выход США из проекта Транс-Тихоокеанского партнерства в период президентства Дональда Трампа), США и Япония совместно придерживаются принципов «неолиберального поворота» (базирующихся на максимальном распространении принципов ВТО+) в международной торговой системе, в то время как Китай продвигает иную стратегию, основанную на двустороннем и многостороннем торгово-инвестиционном сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Если в общих чертах – то происходит непрямо столкновение китаецентричных и западнорцентричных подходов к будущим очертаниям и вероятным лидерам мировой торговли. Япония и Республика Корея пытаются балансировать между этими двумя центрами сил, однако результаты этих усилий неоднозначны [Швыдко, Клюева, 2020, с. 80–81].

Большая уязвимость кроется и внутри экспортно-ориентированной модели как таковой. Зависимость от состояния внешних потребительских рынков вынуждает страны-продавцы подстраивать темпы и объемы производства товаров под нужды стран-покупателей, и любое снижение емкости этих внешних рынков по причине

каких-либо шоков либо структурных изменений неизбежно приводит к ухудшению и макроэкономических показателей экспортеров. Кризис 2008 г. сильно ударил по Японии – падение ВВП составило более 15 %.

В условиях «игры на одном поле» Китай, Япония и Республика Корея стремятся получить как можно больше конкурентных преимуществ, и когда ценовые механизмы уже не работают в должной мере, в дело вступает политика с целью создать восприятие (например, в США или странах ЕС) своей продукции как честной и правильной. Как можно торговать с Китаем, который строит «лагеря перевоспитания» в Синьцзяне? Лучше иметь дело с либеральной Японией, и желательно, чтобы японские товары производились не в КНР. Долгосрочные эффекты этой информационной войны оценить не просто, но их вклад в рост конфликтного потенциала велик. Недавний и яркий пример – санкции США против китайских компаний Huawei и ZTE. Сложно сказать, распространяли они шпионское программное обеспечение по требованию китайских военных или нет, но налицо усиление позиций японских и южнокорейских корпораций на американском рынке телекоммуникационных технологий после этого решения [Kapustina et al., 2020, с. 3–5].

Конечно, государствами Восточной Азии предпринимаются попытки диверсификации направлений экспорта, например, на рынки стран Южной и Юго-Восточной Азии. Это подтверждает и подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве в ноябре 2020 г. в рамках ежегодного саммита АСЕАН. Тем не менее фактическая заинтересованность членов АСЕАН в продукции с высокой добавленной стоимостью пока ограничена их скромными финансовыми возможностями, а уровень потребительских расходов граждан недостаточно высок для хотя бы частичной замены спроса со стороны населения США и ЕС, если иметь ввиду ситуацию постепенного снижения такого спроса в развитых странах в долгосрочной перспективе.

Пространство для маневра здесь чуть шире у Китая за счет производства и продажи товаров массового потребления, но всё чаще такие производства переносятся в страны с еще более дешевой рабочей силой – Индию, Камбоджу, Пакистан, Бангладеш.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применительно к реалиям восточноазиатского региона, медианное значение индексов интенсивности и взаимодополняемости торговли,

используемых для ранжирования стран в рейтингах международной конкурентоспособности (в парах «Япония – Китай», «Китай – Республика Корея» и «Япония – Республика Корея») превышает единицу. Это говорит о том, что значимость внутрирегиональных торгово-экономических связей постепенно снижается, а зависимость от внерегиональных рынков только возрастает. Взаимная вовлеченность стран Восточной Азии в процессы разрешения возникающих торгово-экономических споров без их эскалации до состояния взаимных обвинений и ограничений становится всё меньше.

Торгово-экономический конфликт между Японией и Республикой Корея, случившийся осенью 2019 г., лишнее тому подтверждение. Официально правительство Японии заподозрило южнокорейские военные структуры в перепродаже Северной Корее продукции двойного назначения японского происхождения, но реальные причины лежат в иной

плоскости и связаны с попытками Токио вернуть себе единоличное лидерство в сфере высоких технологий. Со стороны Японии был введен частичный запрет на поставку в Южную Корею редких материалов, необходимых для производства микросхем и другой электроники. В ответ на эти меры жители Кореи выступили с призывом к бойкоту японских товаров и развлекательной продукции [Гущин, 2020]. В итоге спор удалось урегулировать, но некоторые взаимные ограничения действуют и сейчас.

Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что конфликтный потенциал остается высоким, и реальная угроза международной безопасности в регионе только усиливается. Сохранение этой тенденции дополнительно усложнит задачу России по выстраиванию равновесных партнерских отношений со странами ВА, но при этом и создаст новые возможности для торгово-инвестиционного сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мозебах В. А. Японское «экономическое чудо»: сущность и подходы к пониманию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Вып. 4. Т. 18. С. 495–500. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500
2. Белов А. В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2017.
3. Kimura F. Исследовательская работа № 2009/22 Японская модель экономического развития. Релевантные и нерелевантные элементы для развивающихся стран. April 2009. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/RP2009-22.pdf>
4. Шаклеина Т. А. Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 10–26.
5. Terk E. Practicing Catching-Up: A Comparison of Development Models of East Asian and Central-Eastern European Countries // Ordnungspolitische Diskurse. 2014. No. 2. P. 2–40.
6. Tay S. The Asian Model of Development: from Crises to Transformation. В кн.: International Development: Ideas, Experience, and Prospect / B. Currie-Alder, R. Kanbur et al. (eds.). Chapter 37. Oxford: University Press Scholarship Online, 2014.
7. Solis M. China, Japan and the Art of Economic Statecraft // Report. The Brookings Institution, USA. February, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/research/china-japan-and-the-art-of-economic-statecraft/>
8. Kim G. Korea's Economic Relations with Japan // South Korea's Economic Relations with North-East Asia. 2017. No. 3. P. 23–29.
9. Park J. Korea's Path of Development in Retrospect: Linking Africa to the Korean Development Model // Re-Inventing Africa's Development. L.: Palgrave Macmillan. 2019. P. 177–205.
10. Швыдко В. Г., Ключева Е. А. Япония и США: сравнительный анализ новых подходов к двусторонним отношениям // Сравнительная политика. 2020. № 1. Т. 11. С. 75–87. doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10006.
11. Kapustina L. et al. US-China Trade War: Causes and Outcomes / L. Kapustina, L. Lipkova, Ya. Silin, A. Drevalev // SHS Web of Conferences. 2020. 73(01012). P. 2–13.
12. Гущин Е. Конфликт между Японией и Кореей – новая торговая война? // Российский центр исследований АТЭС. Февраль 2020. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/10/Monitoring_17-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F.pdf

REFERENCES

1. Mozebakh, V. A. (2018). Japanese “Economic Miracle”: the Essence and Approaches to Understanding. News of Saratov State University: History, International Relations, 18 (4), 495–500. doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500 (In Russ.)

2. Belov, A. V. (2017). Yaponiya: economica I biznes = Japan: economics and business. St.Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
3. Kimura, F. (2009, April). Research Paper No. 2009/22. Japan's Model of Economic Development. Relevant and Nonrelevant Elements for Developing Economies. UN University, UNU-WIDER, Japan. <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/RP2009-22.pdf>
4. Shakleina, T. A. (2020). American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control. RSUH/ RGGU Bulletin Series «Political Science. History. International Relations», 4, 10–26. (In Russ.)
5. Terc, E. (2014). Practicing Catching-Up: A Comparison of Development Models of East Asian and Central-Eastern European Countries. Ordnungspolitische Diskurse, 2, 2–40.
6. Tay, S. (2014). The Asian Model of Development: from Crises to Transformation. In B. Currie-Alder, R. et al (eds.), International Development: Ideas, Experience, and Prospect (ch. 37). Oxford: University Press Scholarship Online.
7. Solis, M. (2020, February). China, Japan and the Art of Economic Statecraft. Report. The Brookings Institution, USA. <https://www.brookings.edu/research/china-japan-and-the-art-of-economic-statecraft/>
8. Kim, G. (2017). Korea's Economic Relations with Japan. South Korea's Economic Relations with North-East Asia, 3, 23–29.
9. Park, J. (2019). Korea's Path of Development in Retrospect: Linking Africa to the Korean Development Model. Re-Inventing Africa's Development (pp. 177–205). London: Palgrave Macmillan.
10. Shvydko, V. G., Klyueva, E. A. (2020). Yaponiya i SSHA: sravnitel'nyy analiz novykh podkhodov k dvustoronnim otosheniyam = Japan and US: Comparative Analysis of New Approaches to Bilateral Relations. Comparative Politics Russia, 1, 75–87. doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10006. (In Russ.)
11. Kapustina, L., Lipkova, L., Silin, Ya., Drevalov, A. (2020). US-China Trade War: Causes and Outcomes. SHS Web of Conferences, 73(01012), 2–13.
12. Gushchin, E. (2020, February). Konflikt mezhdru Yaponiye I Koreey – Novaya trgovaya voyna? = Conflict between Japan and Korea – a new trade war? Russian APEC research center. https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/10/Monitoring_17-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнеев Константин Анатольевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук

Печищева Людмила Александровна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korneev Konstantin Anatolievich

PhD (History), Senior Researcher of Japanese Studies Center,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Pechishheva Lyudmila Aleksandrovna

PhD (History), Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy,
Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 17.05.2022
одобрена после рецензирования 09.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 17.05.2022
approved after reviewing 09.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

Пограничные противоречия в районе Великих африканских озер

Д. Тотх

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
19tohdani95@gmail.com*

Аннотация. В данной статье внимание обращено на страны, расположенные в восточной и центральной Африке. Район Великих африканских озер представляет собой сложную сеть политических и экономических взаимодействий, имеющих серьезные последствия для мира, безопасности и управления. Это также регион со взаимосвязанными конфликтами и общими фундаментальными проблемами, вытекающими из постколониальных вызовов государственному и национальному существованию.

Ключевые слова: пограничные конфликты, район Великих африканских озер, этническая принадлежность, политическая власть, этническое противоборство

Для цитирования: Тотх Д. Пограничные противоречия в районе Великих африканских озер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 30–35. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

Original article

Border Disputes in the African Great Lakes Region

Toth Daniel

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
19tohdani95@gmail.com*

Abstract. The focus of this article is the countries located in eastern and central Africa. The Great Lakes region is a complex web of political and economic interactions with major implications for peace, security and governance. It is also a region with interconnected conflicts and common fundamental problems arising from post-colonial challenges to state and national existence, which will be discussed in this article.

Keywords: border conflicts, the Great Lakes region, ethnicity, political power, ethnic confrontation.

For citation: Toth, D. (2022). Border disputes in the African Great Lakes Region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 30–35. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье анализируется динамика основных конфликтов в районе Великих африканских озер (РВАО). Обобщаются причины, динамика и последствия конфликтов. Правда, объем статьи не позволяет провести исчерпывающий анализ конфликта в каждой стране. Скорее, цель состоит в том, чтобы предоставить обзор основных причин конфликтов в странах района Великих африканских озер, факторов их поддержания, взаимосвязи и последствий для людей. Можно выделить следующие задачи исследования:

- рассмотреть пограничный узел противоречий;
- определить этническое противоборство как наследие колонизации;
- исследовать национальный вопрос в Демократической Республике Конго и «проблема баньямуленге».

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РВАО

Начиная с 1960-х гг., в районе Великих африканских озер периодически происходят конфликты, унесшие миллионы жизней. В Бурунди, Демократической Республике Конго (ДРК) и Руанде многие конфликты глубоко взаимосвязаны и взаимозависимы. А манипулирование идентификацией и стереотипами, конкуренция за доступ к власти и ресурсам часто являлись основными движущими силами противоречий.

Классическая классификация конфликтов на межгосударственные и внутригосударственные в районе Великих африканских озер представляется неприменимой, поскольку они имеют тенденцию к территориальному расширению и смещению их эпицентра из одного локуса в другой. Кроме того, конфликты в районе Великих африканских озер динамичны и сложны, поскольку в них участвуют многочисленные и взаимосвязанные региональные и международные действующие лица.

Однако эти раздоры имеют общие черты, связанные с вопросами управления, разделением идентичности, структурным насилием, эксплуатацией и равным доступом к природным ресурсам, которые заметно присутствуют. На основании имеющихся данных были выбраны следующие методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, восхождение от абстрактного к конкретному.

ПОГРАНИЧНЫЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В Восточной Африке находятся одни из самых больших и глубоких озер в мире. Но многие из них также обозначают границы между странами. Колониальная власть искусственно провела границы между странами (и часто по озерам), что привело к затяжным конфликтам из-за суверенитета и природных ресурсов. В результате сегодня существует более высокий конфликтный потенциал в приграничных регионах. В продолжающемся споре о своих претензиях на землю и ресурсы некоторые государства до сих пор ссылаются на демаркацию колониальной эпохи.

Малави, например, имеет право претендовать на всю северную половину озера Малави на границе с Танзанией в соответствии с соглашением, датированным 1890 г. Однако это отклоняется от другого общепринятого понимания закона, согласно которому границу следует проводить посередине озера. Пока угрозы передать спор в Международный суд не материализовались. Некоторые наблюдатели настаивают на внесудебном урегулировании, однако недавнее обнаружение нефти под озером только еще больше усложнило ситуацию.

Еще одним важным фактором является то, как колонисты провели эти границы. Как правило, они размещали столицу довольно далеко от этих границ. Поэтому возникли проблемы с признанием государственной власти и способности центральных правительств контролировать эти границы и окраины.

В споре о региональной гегемонии пограничный контроль служит демонстрацией силы страны. Это видно из спора о претензиях на остров Мигинго на озере Виктория, где угандийские силы закрыли принадлежащий Кении детский сад на том основании, что он не может оставаться открытым без консультации с правительством Уганды. Кстати, обе страны претендуют на остров, а полиция Уганды и Кении в разное время оккупировала остров.

В течение многих десятилетий переплетающиеся вопросы гражданства, прав на землю и этнической принадлежности в сочетании с отсутствием эффективной государственной властью и наличием богатых месторождений полезных ископаемых приводили к нестабильности и вооруженному противостоянию на востоке ДРК, чьи жители тутси были особенно вовлечены в конфликт между «коренным» и «поселенческим» населением. Большая часть боевых действий в Конго 1996–1997 и 1998–2003 годов происходила именно на востоке [Kanyangara, 2016].

15 ноября 2012 года возобновились ожесточенные бои между вооруженными силами

Демократической Республики Конго (ВСДРК) и отколовшейся группой солдат, известной как «М23». Вооруженные столкновения произошли в нескольких деревнях, главным образом на территории Рутшуру в Северном Киву. Самым серьезным последствием подобных боевых действий является крупномасштабное перемещение населения.

По мере того, как ВСДРК выделяли ресурсы для борьбы с движением «М23», ситуация с безопасностью в других частях провинций Киву быстро ухудшалась. На передовой боевых действий между «М23» и ВСДРК мирные жители оказались в затруднительном положении; многим пришлось покинуть места проживания. Правительство не хочет открывать новые лагеря для ВПЛ, число которых сократилось более чем на треть с 2009 г. Многие из перемещенных лиц живут в плохих условиях во временных лагерях [Court, 2013].

Конго также имеет пограничные противоречия с Угандой. Армия Уганды имеет испорченную репутацию своими вторжениями в ДР Конго в 1990-х и начале 2000-х гг. В 1999 и 2000 гг. вооруженные силы Уганды и Руанды, каждая из которых поддерживала свою фракцию повстанческой группировки КОД, столкнулись в конголезском городе Кисангани.

КОД боролось за свержение тогдашнего президента Лорана Кабилы. В историю это противостояние вошло как Шестидневная война. В ходе нее более 1000 человек были убиты (в июне 2000 г.), когда угандийские и руандийские силы сражались за контроль над городом [Kanyangara, 2016].

Угандийские войска были обвинены в нарушениях прав человека в отношении населения в ходе боевых действий. В частности, что они сексуально эксплуатировали местных женщин. Силы Уганды также обвинялись в разграблении огромных природных ресурсов Демократической Республики Конго. В отчете ООН за 2001 год говорится, что силы из Уганды, а также других соседей разграбили полезные ископаемые, кофе, древесину и домашний скот. В 2005 г. Международный суд постановил, что Уганда должна выплатить репарации ДР Конго за незаконное вторжение. Деньги до сих пор не переданы.

Богатый ресурсами регион десятилетиями привлекал повстанцев. По некоторым данным, там может базироваться не менее 120 различных группировок боевиков. Борьба шла и идет не столько за контроль над богатством страны, сколько за политическую власть. Некоторые соседние страны были обвинены в поддержке повстанцев, чтобы извлечь выгоду из хаоса за счет грабежа. Несмотря на то, что президент Феликс Чисекеди объявил так называемое осадное положение, по сути, военное положение, в двух пострадавших провинциях нападения и убийства жителей продолжают [Court, 2013].

Политический кризис 2015 г. и его последствия привели к серьезной напряженности в отношениях между Бурунди и Руандой, странами глобального севера и НПО. Бурунди имеет общую границу протяженностью 236 км (147 миль) с ДРК (провинция Южное Киву). Граница остается очень прозрачной и важна для незаконного оборота полезных ископаемых, оружия, наркотиков и контрабанды товаров (включая грузовики с топливом, пивом, тканями, подержанной одеждой, скотом и другими импортными товарами) [Kanyangara, 2016].

На равнине Русизи, единственной сухопутной границе между ДРК и Бурунди, происходили важные межобщинные и внутриобщинные столкновения на стороне границы ДРК. Оттуда действуют многочисленные вооруженные группы различных по численности и виду, в том числе бурундийские повстанцы, которые время от времени совершают вторжения в Бурунди. Бурундийская армия и Имбонеракуре («те, кто далеко видит» на кирунди, национальном языке) также реже совершают вторжения в ДРК.

По состоянию на май 2019 г. в районе Великих Африканских озер насчитывалось около 347 100 бурундийских беженцев, из которых более 45 тыс. находились в ДРК, а в Бурунди – более 78 тыс. конголезских беженцев. Передвижение беженцев часто бывает довольно изменчивым, поскольку они «неофициально» посещают страну своего происхождения, а их навещают друзья и родственники, оставшиеся дома [Ngwu, 2019].

На сегодняшний день добровольная репатриация бурундийских беженцев была относительно ограниченной, но давление со стороны бурундийских, танзанийских, угандийских и конголезских властей может вызвать массовые перемещения обратно в Бурунди или в альтернативные страны убежища, такие как Руанда или Уганда.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОТИБОБОРСТВО КАК НАСЛЕДИЕ КОЛОНИЗАЦИИ

Причины и динамика конфликта в районе Великих африканских озер многочисленны и сложны. Это и неравный доступ к государственным и природным ресурсам, и отсутствие равных возможностей для доступа к политической власти, и распространение стрелкового оружия. Вот лишь некоторые из факторов, на которых поддерживается конфликт в регионе. Часто эти проблемы лежат в основе фактического или предполагаемого неравенства и недовольства между идентичностями, что может привести, среди прочего, к насильственному выражению этих недовольств [Сидорова, 2019].

Эти факторы также связаны со структурными проблемами государственной власти управления и неэффективного управления экономикой, такими как безответственный сектор безопасности, долговое бремя, непопулярная макроэкономическая политика, коллапс социальных услуг и плохие условия торговли. В этом разделе основное внимание будет уделено основным причинам, вызывающим конфликт в стране, что, в свою очередь приводит к региональным последствиям, таким как этнические разногласия, отсутствие доступа к земле и природным ресурсам, а также проблемы демократии и управления [Kanyangara, 2016].

В существующей литературе о конфликтах в районе Великих африканских озер этническая составляющая признается едва ли не главным фактором разногласий в этих странах. Однако следует отметить, что само по себе наличие различных этнических групп в той или иной стране недостаточно для того, чтобы спровоцировать конфликт. Поэтому полиэтнические общества могут процветать за счет своего разнообразия. Как таковая этническая неоднородность не порождает войн, а ее отсутствие не обеспечивает мира.

Тем не менее в отличие от других стран и регионов, конфликты в Бурунди, Руанде, ДРК и Уганде были мотивированы не идеологией, а, как правило, способностью политических лидеров возбуждать этническую вражду в своих целях. Чтобы понять региональное измерение этнической принадлежности в районе Великих африканских озер, нужно сначала понять, что этническое распределение хуту и тутси не ограничивается только этой местностью. Более двух миллионов хуту и тутси проживают за пределами Руанды и Бурунди в соседних государствах. Некоторые «прослеживают» свою родословную до провинции Северное Киву ДРК (баньярванда) или провинции Южное Киву (баньямуленге) [Ngwu, 2019].

Так, можно отметить растущий дефицит земли и геноцид в Руанде в 1994 г. Причины геноцида 1994 г. в Руанде многообразны и вызывают споры. Признавая важность таких факторов, как колониальное наследие, экономический спад, политика структурной перестройки, внутренняя оппозиция правительству и отстранение международного сообщества, существует множество источников, в которых подчеркивается роль растущего дефицита земли в усугублении межэтнической напряженности в Руанде. Вместе с тем стоит признать, что с 1994 г. правительство Руанды добилось значительного прогресса в области безопасности и человеческого развития.

Причины геноцида 1994 г. многообразны и вызывают споры. В большинстве отчетов

подчеркивается непреодолимый антагонизм между хуту и тутси, унаследованный от колониального прошлого Руанды. Тем не менее несмотря на признание важности таких факторов, как экономический спад, политика структурной перестройки, внутренняя оппозиция правительству и отстранение международного сообщества, существует множество публикаций, в которых подчеркивается усугубляющая роль растущего дефицита земли и неравенства в сельских районах в Руанде.

Исторически Руанда сталкивалась с множеством проблем, связанных с нехваткой земли. Когда начался геноцид, Руанда была самой густонаселенной неостровной страной Африки, где плотность населения достигала 843 человек на квадратный километр в некоторых сельских районах. Более 90 % населения полагалось на мелкое земледелие, а темпы роста населения превысили 3 %. Нехватка земли усугублялась ее неравным распределением в пользу политической элиты, а также сельских родственников. Подсчитано, что до геноцида 43 % малообеспеченных семей владели лишь 15 % обрабатываемой земли, в то время как 16 % богатых семей владели 43 % обрабатываемой земли.

Геноцид 1994 г. произошел в уникальном контексте, обусловленном экономическими трудностями, политическими разногласиями и социальными расколами, уходящим корнями в колониальный период. Потеря средств к существованию и бедность в сельской местности усугубили существующую напряженность и могли быть использованы правительством для разжигания насилия против тутси. Нынешнее правительство признает важность этих вопросов и сочетает программы справедливости и примирения с амбициозными сельскохозяйственными реформами.

Стоит также заметить, что набеги на домашний скот и конкуренция за воду и пастбища приводят к циклам взаимного насилия между группами скотоводов в кенийско-угандийском пограничном районе. Более частые и сильные засухи, а также распространение оружия из соседних стран еще больше усугубляют конфликтную ситуацию.

Еще раз повторим, доступность современного оружия, постепенная эрозия традиционных институтов смягчения конфликтов, отсутствие адекватной государственной защиты, а также частые засухи и общая уязвимость скотоводческих общин являются одними из основных факторов, способствующих межобщинным конфликтам в «кластере Карамоджа» [Сидорова, 2011].

Правительство Кении, как, впрочем, и Уганды, а также многочисленные неправительственные организации, церковные организации и местные инициативные группы принимают участие

в различных стратегиях по сдерживанию насилия на кенийско-угандийской границе. Тем не менее эффективность этих мер была поставлена под сомнение, а страх перед нападениями со стороны групп из-за границы по-прежнему беспокоит местные общины. В частности, прогнозируемое увеличение частоты засух в ближайшие годы может привести к новой вспышке трансграничного насилия.

Таким образом, как только в Руанде, Бурунди, Уганде или на востоке ДРК вспыхивает конфликт с этническим фактором, политикам и другим элитам, имеющим прямые интересы, очень легко манипулировать и использовать эти этнические связи для создания союзов, независимо от границ трех страны.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДР КОНГО И «ПРОБЛЕМА БАНЬЯМУЛЕНГЕ»

В восточной части ДРК на протяжении десятилетий было мало периодов мира. Сегодня очаг насилия находится в Северном и Южном Киву и Итури. В Южном Киву насилие против баньямуленге перешло в новую фазу с середины 2017 г., когда экономическая война и осада были добавлены к арсеналу того, что кажется долгосрочным планом полного уничтожения этого народа в ДРК [Mulindwa, 2020].

Гражданские лица баньямуленге неоднократно становились жертвами нападений, совершаемых местными и иностранными вооруженными формированиями, иногда поддерживаемыми национальной армией (ВСДРК). С 2017 по 2021 год более трехсот деревень баньямуленге были обращены в пепел, их жители чудом спасались бегством от насилия. В то время как земля и скот когда-то обеспечивали баньямуленге достойную жизнь, теперь оба источника дохода уничтожены.

Насилие не имеет какой-то одной причины. В сложной обстановке ожесточенных конфликтов на востоке ДРК целенаправленные убийства баньямуленге основываются на утверждении, что они являются «руандийскими захватчиками», которых следует уничтожить. В настоящее время под руководством государства предпринимаются усилия по прекращению боевых действий как в Итури, так и в Северном Киву, где правительство объявило «чрезвычайное положение», но не в Южном Киву. Конголезское правительство не сделало ничего, чтобы предотвратить эскалацию насилия, которую некоторые авторы определяют как медленный геноцид [Жерлицына, Костелянец, Сидорова, 2018]. В некоторых случаях национальная армия выступала сторонним наблюдателем или даже соучастником насилия со стороны ополченцев,

уничтожая деревни и грабя скот. Поскольку ВСДРК в значительной степени являются недееспособной армией, они, похоже, не в состоянии предотвратить массовые зверства и по политическим причинам не заинтересованы в защите гражданских лиц, которых называют «иностранцами».

И все же за последние два года район Великих африканских озер добился больших успехов в достижении мира, безопасности и стабильности. Примеры такого прогресса включают:

- плавный переход власти после выборов в Демократической Республике Конго (ДРК) в декабре 2018 года;
- мирные выборы в Бурунди в мае этого года; продолжающийся диалог между основными странами региона, а именно ДРК, Руандой, Угандой и Руандой;
- прогресс в репатриации разоруженных комбатантов на востоке ДРК;
- возобновление интереса к экономическому сотрудничеству и интеграции между странами региона.

Несмотря на успехи, соответствующие осуществлению Рамок мира, безопасности и сотрудничества, для Демократической Республики Конго и региона, остается много проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, район Великих африканских озер представляет собой сложную сеть политических и экономических взаимодействий, имеющих серьезные последствия для мира, безопасности и управления. Это также регион со взаимосвязанными конфликтами и общими фундаментальными проблемами, вытекающими из постколониальных вызовов государственному и национальному строительству.

Страны района Великих африканских озер, особенно ДРК, Руанда и Бурунди, частично различаются по своей истории, размаху войн и уровню развития, но у них есть некоторые сходства, которые могут объяснить их взаимосвязанные эндемические насильственные конфликты. Транснациональные этнические группы и «прозрачные» границы облегчают «взаимное заражение» насильственного конфликта. Например, геноцид в Руанде усилил трансграничные этнические связи между ней, ДРК и региональными повстанческими группами на этнической основе. Это также привело к появлению значительного числа беженцев-«воинов», которые одновременно дестабилизируют Руанду и восточную часть ДРК, которая стала для бурундийских вооруженных групп тыловой базой для нападения на свою страну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kanyangara P. Conflict in the Great Lakes Region // Accord. 2016. № 1. P. 1–20.
2. Court A. The Banyamulenge of South Kivu: The 'Nationality Question' // African Studies. 2013, Vol. 72. № 3. P. 416–439.
3. Ngwu E. Natural Resources and Conflicts: Towards a Territorial Materialism of Boundary Disputes in East Africa // Central European Journal of International and Security Studies. 2019. Vol. 13. № 2. P. 91–110.
4. Сидорова Г. М. Африканский вектор российской дипломатии // Дипломатическая служба. 2019. Вып. 1. С. 63–69.
5. Сидорова Г. М. Россия и Африка: этапы сотрудничества и перспективы // Мир и политика. 2011. Вып. 2(53). С. 114–122.
6. Mulindwa P. Interstate Border Conflicts and their Effects on Region-Building and Integration of the East African Community // African Journal of Governance and Development. 2020. Vol. 9. № 2. P. 599–618.
7. Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.

REFERENCES

1. Kanyangara P. (2016). Conflict in the Great Lakes Region. Accord, 1, 1–20.
2. Court A. (2013). The Banyamulenge of South Kivu: The 'Nationality Question'. African Studies, 72 (3), 416–439.
3. Ngwu E. (2019). Natural Resources and Conflicts: Towards a Territorial Materialism of Boundary Disputes in East Africa. Central European Journal of International and Security Studies, 13 (2), 91–110.
4. Sidorova, G. (2019). African vector of Russian diplomacy. Diplomatic Service, 1, 63–69. (In Russ.)
5. Sidorova G. (2011). Russia and Africa: Stages of Cooperation and Prospects. Mir i politika. 2(53), 114–122. (In Russ.)
6. Mulindwa P. (2020) Interstate Border Conflicts and their Effects on Region-Building and Integration of the East African Community. African Journal of Governance and Development, 9(2), 599–618
7. Zherlicyna, N., Kostelyanec S., Sidorova G. (2018). Ugrozy bezopasnosti Afriki: sovremennyye tendencii = Threats to Africa's security: current trends. Moscow: FGBOU VO MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тотх Даниел

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Toth Daniel

Postgraduate Student of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 11.04.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

Информационное противоборство иностранной вооруженной интервенции в России (1918–1922)

А. Я. Касюк

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
imoispn225@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из самых сложных периодов в истории нашей страны – иностранной вооруженной интервенции 1918–1922 гг. Существенное внимание в статье уделено вопросам информационного обеспечения интервенции со стороны правящих кругов государств-интервентов, а также мерам по пропагандистскому противодействию интервенции, предпринятым правительством России.

Ключевые слова: вооруженная интервенция, информационное противоборство, пропагандистская кампания, печатная пропаганда, агитационно-пропагандистские материалы, листовки, устная пропаганда, радиопропаганда, наглядная агитация

Для цитирования: Касюк А. Я. Информационное противоборство иностранной вооруженной интервенции в России (1918–1922) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 36–43. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

Original article

Information Confrontation during the Years of Foreign Armed Intervention in Russia in 1918–1922

Arsen Y. Kasyuk

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
imoispn225@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the most difficult periods in the history of our country – the foreign armed intervention of 1918–1922. Considerable attention is paid in the article to the issues of information support of intervention by the ruling circles of the interventionist states, as well as measures to propagandize counteraction to intervention undertaken by the Russian government.

Keywords: armed intervention, information confrontation, propaganda campaign, printed propaganda, propaganda materials, leaflets, oral propaganda, radio propaganda, visual propaganda

For citation: Kasyuk, A. Y. Information confrontation during the years of foreign armed intervention in Russia in 1918–1922. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 36–43. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_36

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука, да и частично историки 90-х годов XX в. и нулевых XXI в. крайне тенденциозно, главным образом с классовых позиций подходили к освещению событий, связанных с иностранной военной интервенцией западных государств в России в 1918–1922 гг. Главной причиной оправдания агрессии интервентами в подавляющем большинстве случаев указывалось на стремление империалистического Запада ликвидировать власть большевиков в России, вернуть к управлению государством законно избранные демократические структуры, «остановить большевизацию Европы» [Chamberlin, 1935, с. 152]. Все преподносимые интервентами подобные утверждения являлись ничем иным как попыткой пропагандистского прикрытия и оправдания интервенции, поэтому такое громадное значение интервенции придавали информационному обеспечению действий своих войск в ходе интервенции.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

Планы расчленения территории России и завладения ее богатствами правительства стран Антанты и Соединенных Штатов Америки стали разрабатывать сразу после смены власти в России в октябре 1917 г. Военный кабинет Великобритании уже 7 декабря 1917 г. на своем заседании вынес на обсуждение вопрос о возможности военной интервенции в России, а 23 декабря 1917 г. правительства Англии и Франции заключили соглашение о разделе России на колониальные зоны влияния в ходе предстоящей вооруженной интервенции [Кургузов, 2016, с. 26]. В соответствии с соглашением северное побережье Черного и Азовского морей отходит под контроль Франции, а восточное – Великобритании [Князев, URL].

Весной 1918 г. Англия, Франция, Япония, а затем и США приступили к реальному воплощению в жизнь планов вооруженной интервенции против советской России. Чтобы завуалировать конечную своих планов перед населением России и мировым общественным мнением правительства стран-интервентов всеми возможными способами с самого начала стали распространять информацию о «бескорыстии» нахождения своих войск на территории России, о невмешательстве во внутренние дела Российского государства и якобы защите населения Сибири и Дальнего Востока от угрозы порабощения Германией. В качестве аргументов последнего утверждения стали

распространяться слухи о восстании немецких военнопленных, значительное число которых находилось в Сибири. 30 марта 1918 г. военное министерство США, ссылаясь на заявления консулов США и Франции в Иркутске, стало сообщать, что «20 тыс. германских пленный захватили Иркутск» [Кубрикова, 2017, с. 133]. Эти ложные утверждения не были опровергнуты даже после того, как официальные правительственные органы РСФСР организовали инспекционную поездку в Сибирь сотрудников английского посольства и представителей американской миссии Красного Креста.

Еще одним информационным поводом для вторжения войск интервентов являлось утверждение о необходимости оказания помощи в эвакуации частей чехословацкого корпуса, дислоцировавшихся в 1918–1920 гг. вдоль всей Транссибирской магистрали, от Поволжья до Дальнего Востока.

Особо интервентов привлекали богатства Сибири и Дальнего Востока. Американские миллиардеры давно мечтали прибрать к своим рукам все эти неисчерпаемые богатства, превратить Россию в свою колонию. Не удивительно, что по своей численности контингент американских войск, принимавших участие в военной интервенции в Забайкалье и на Дальнем Востоке, насчитывал 9 тыс. человек, без учета железнодорожников и иных спецов, а также контрразведчиков, и уступал по численности только войскам Японии [Хитрый, 2012, с. 143]. К октябрю 1918 г. численность контингента японских вооруженных сил в России составила 73 тыс. человек [Шишов, 2005, с. 269]. К концу 1918 г. общая численность войск интервентов, включая части чехословацкого корпуса, составляла уже 150 тыс. человек [Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия, 1987, с. 230].

Пропагандистскую кампанию, проводимую американскими войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, координировало американское правительственное бюро печати со штаб-квартирой во Владивостоке, которое возглавлял журналист Артур Буллард. Под покровительством бюро издавались на русском языке журналы, газеты, бюллетени: «Дружеское слово», «Дейли ньюс», «Американские бюллетени». Радиопропаганда почти до конца 1922 г. велась американцами через радиостанцию на острове Русском¹.

Вооруженные операции интервентов подкреплялись массивной идеологической обработкой населения оккупированных районов. Особо на этом поприще отличилось американское общество «Христианский союз молодых людей» (ХСМЛ).

¹Российский государственный военный архив. Ф. 221. Оп. 1. Д. 725; РГИА ДВ. Ф. 726. Оп. 3. Д. 32.

Правление общества находилось в оккупированном Омске, оно поддерживало самую тесную связь с американской военной миссией. Ячейки общества учреждались на территории всей страны. В населенных пунктах демонстрировались кинофильмы, широко рекламирующие американский образ жизни. В ряде городов Сибири и Дальнего Востока, в том числе в Верхнеудинске и Владивостоке, были открыты «народные читальни и библиотеки». Учитывая преобладание сельского населения в этих районах России, ХСМЛ уделял особое внимание работе с жителями деревень.

Части и подразделения вооруженных сил Японии, принимавшие участие в вооруженной интервенции против России в Сибири и на Дальнем Востоке, в различный период времени насчитывали от 70 до 120 тыс. солдат и офицеров [Алейникова, 2018, с. 16]. Однако по масштабам распространения печатной пропагандистской продукции среди военнослужащих и населения России японцы существенно отставали от американцев. На возможностях ведения пропаганды японцами существенным образом сказывался языковой барьер, далеко не все офицеры пропагандистских подразделений японской армии владели русским языком.

В целях усиления информационного воздействия на военнослужащих Красной Армии и население России японское правительство 1 мая 1919 г. учредило во Владивостоке осведомительное бюро, поставив перед ним задачу снабжение русских газет выгодной ему информацией¹. Японцы под руководством журналиста Г. Ямада, возглавлявшего бюро, пытались организовать издание в Харбине большой собственной ежедневной газеты «Сибиря симбун», предназначенной для населения восточного региона (*Голос Приморья*, 05.01.1919). С изданием газеты у японского командования не получилось, однако, им удалось продвигать значительное количество своих пропагандистских материалов в харбинских газетах. Особенно в качестве автора в этих вопросах преуспевал комендант японских войск харбинского гарнизона Нияко (*На Красный Урал*, 04.05.1919). Начиная с мая и до конца 1919 г., материалы Японского осведомительного бюро публиковали практически все более-менее значимые газеты Дальнего Востока. На ряду с этим большое внимание с целью оказания влияния на общественное мнение уделялось подкупу собственных репортеров русских газет [Солодовников, 1928, с. 51].

Самого большого влияния на общественное мнение населения восточного региона России японская пропаганда добилась в 1920 г.

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 374. Л. 110.

С 11 апреля 1920 г. издававшаяся во Владивостоке газета «Владиво-Ниппо» стала выходить, кроме японского, на русском языке, в публикации материалов газеты принимал участие в том числе и ряд русских журналистов. Активно действовал в этот период времени также пропагандистский аппарат оккупационных войск японской армии. Командующий Крестьянской революционной армией Прибайкалья следующим образом характеризовал его деятельность: «Здесь у нас, в Забайкалье, японское командование засыпает нас воззваниями, в которых, прикрываясь гуманностью, якобы искренними желаниями помощи нам, пускается на разные провокационные предложения» [Партизанское движение в Бурятии: сб. документов, 1965, с. 145]. Значительная часть листовок издавалась за подписью командира 5-й японской дивизии генерал-лейтенанта Судзуки².

Пропагандистская деятельность интервентов, несмотря на все предпринимаемые усилия и затраченные финансовые средства, не смогла оказать заметного изменения в сознании как военнослужащих Красной Армии, так и населения России. Причиной тому была вовсе не деятельность РКП(б) и советского правительства по оказанию сопротивления «классовым врагам и международному империализму», как утверждалось в советской историографии, а в первую очередь кровавый беспредел и беззастенчивый грабеж, чинимый интервентами, нежелание большинства населения России подчиняться диктату интервентов. Как утверждалось в отчете белогвардейского офицера штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева от 3 апреля 1919 г.: «Таково отношение японцев здесь, в Амурской области, где они уже представляются населению в роли завоевателей»³. Подавляющее большинство людей воспринимало распространяемую интервентами информацию об их бескорыстии как попытку обмануть русских, завладеть территорией и природными богатствами России. Невосприятие русским населением иностранной пропаганды предопределило ее малую эффективность и в конечном итоге привело к краху.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Пропагандистская работа среди интервентов велась по линии:

² Российский государственный военный архив. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 56. Л. 35; ГАЗК. Ф. Р-334. Оп. 2. Д. 36. Л. 441, 442, 453; Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 14. Л. 53 об., 54.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 47. Л. 31–36.

- государственных и общественных организаций,
- политических органов Красной Армии,
- большевистских партийных органов,
- иностранных групп при ЦК РКП(б).

В декабре 1917 г. при Народном комиссариате иностранных дел был создан отдел международной революционной пропаганды, переименованный в марте 1918 г. в отдел иностранной политической литературы. Возглавлял это отдел американец Б. Рейнштейн, комиссаром отдела являлся известный американский публицист Альберт Рис Вильямс, в английской секции отдела работал писатель Джон Рид (*Военно-исторический журнал*, 1967, № 10, с.88). В декабре 1918 г. этот орган был значительно расширен и на его основе создан отдел советской пропаганды (Агитпроп). Он занимался подготовкой и изданием листовок, воззваний, брошюр и газет на иностранных языках. Агитпроп стал одним из важнейших органов Советского правительства по ведению пропаганды, нацеленной на личный состав войск Антанты. В отдел были направлены опытные большевики, владевшие иностранными языками, а также журналисты, писатели, пропагандисты из числа иностранных коммунистов. Для ведения пропаганды среди англо-американских интервенционистских войск при отделе была специально создана англо-американская секция.

В конце 1917 г. при ВЦИК был образован отдел иностранной пропаганды. Отдел издавал литературу на иностранных языках, предназначенную для войск и населения противника: официальные документы ЦК РКП(б) и Советского правительства, брошюры, газеты, листовки. Задача ведения политической пропаганды на противника была возложена, кроме того, на ВЦСПС.

Основные пропагандистские усилия, направленные на интервенционистские войска, принимались со стороны политических органов Красной Армии. Так, в апреле 1918 г. в целях организации ведения пропаганды на войска интервентов при Народном комиссариате по военным делам было создано Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюровоенком)¹, которое 15 мая 1919 г. было переименовано в Политуправление Реввоенсовета Республики (ПУРВРСР), которое фактически являлось военным отделом ЦК партии. Политуправлением Реввоенсовета готовилось очень много агитационных материалов для войск противника. Однако из-за трудностей с их доставкой, необходимости высокой оперативности пропаганды (разъяснение и использование местных, близких

читателям фактов) основная тяжесть работы падала на армейские политорганы.

Политорганы Красной Армии развернули поистине активную работу в войсках и тылу противника. ПУРВРСР требовал от войсковых пропагандистов знать противника, особенно содержание его агитлитературы². Редакционно-издательские отделы занимались подготовкой и изданием агитационно-пропагандистских материалов. Так, редакционно-издательский отдел 12-й армии за один месяц 1920 г. выпустил для распространения среди солдат польской армии 2789 тыс. газет «Жолнеж польски», 40 тыс. экз. приложений к газете, 43 тыс. экз. газеты «Глос коммунисты», 55 тыс. экз. различных брошюр, 1 238 700 экз. воззваний³.

Иногда политические органы становились единственным проводником большевистских идей в массы противника. К такому положению приводили сами условия боевой обстановки, хозяйственная разруха, организационная неразбериха, нарушение линий связи, которые исключали во многих районах возможность четкой и планомерной деятельности государственных органов. В отдельные части Всебюровоенком направлял своих уполномоченных, где они специально занимались вопросами распространения пропагандистской литературы среди войск интервентов⁴.

Активно пропагандистскую работу среди войск противника вели подпольные большевистские организации, действующие на оккупированной территории. Так, в декабре 1918 г. в Одесский порт вошли французские суда. Через 2 часа после их прихода в подпольной типографии, устроенной в каменоломнях, уже печатались листовки возвания к солдатам и матросам армии интервентов с призывами к солидарности с русскими рабочими. Одним из руководителей подполья была француженка Жанна Лябурб [Светенко, 2019]. Агитация была настолько успешной, что уже к марту 1919 г. встал вопрос об организации восстания всего французского гарнизона, а 5 апреля французы покинули Одессу (*Исторический архив*, 1958, №1, с. 26). 19 апреля 1919 г. началось восстание матросов французской эскадры, стоявшей в Крыму близ Севастополя. Матросы кораблей отказались выполнять приказы адмирала Амета. Требования матросов были жесткими: немедленное возвращение во Францию. Это выступление означало, что французский флот в Чёрном море становился практически небоеспособным.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 17, Оп. 4, Д. 132, Л.1-36.

³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 63, Оп. 1, Д. 181, Л. 61-62.

⁴ Российский государственный военный архив, Ф. 8, Оп. 1, Д. 16, Л. 133.

¹ Российский государственный военный архив, Ф.8, Оп. 1. Д. 320, Л. 57.

Для объединения усилий и координации пропагандистской работы на оккупированной интервентами территории при ЦК РКП(б) в конце 1918 г. было образовано Центральное бюро коммунистических партий и организаций оккупированных районов [Драбкина, 1942]. При подпольных ревкомах создавались специальные коллегии иностранной пропаганды.

В общей системе большевистской пропаганды на войска интервентов важнейшее место занимала деятельность Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Вместе с Агитпропом группы готовили листовки на американских, английских, немецких, французских и других солдат, оказывали практическую помощь командирам и политорганам Красной Армии в организации пропаганды среди войск противника.

Во фронтовых и армейских политорганах с помощью иностранных групп при ЦК РКП(б) создавались интернациональные секции, национальные группы, отделения международной пропаганды и т. п. Так, в политотделе 5 армии с лета 1919 г. успешно действовала иностранная секция, которая позднее была преобразована в интернациональное отделение. Возглавлял это отделение чешский писатель Ярослав Гашек¹. В армиях Западного и Юго-Западного фронтов в 1920 г. существовали польские отделения². Перед убитием в действующую армию члены иностранных групп проходили инструктаж в ЦК РКП(б), они были хорошо информированы о настроениях солдат вражеских войск, знали их нужды и проблемы.

Хорошо продуманная, разветвленная система организации пропагандистской работы среди войск интервентов давала положительные результаты. Это были вынуждены признать и сами противники (*Часовой, 1929, № 15–16, с. 25*). Солдатам интервентов раскрывали, в первую очередь, захватнические цели их правительств, среди них велась пропаганда солидарности трудящихся всех стран. Солдат призывали поддерживать лозунг «Руки прочь от Советской России!»³ Классовый подход в пропаганде позволил дать точный недвусмысленный ответ на важнейший вопрос: кому нужна война, за что гибнут тысячи солдат? Вот только названия некоторых из листовок: «За что вы сражаетесь?», «На чьей вы стороне, рабочих или капиталистов?», «Социалистическая революция, капиталистическая Антанта», «Почему они не

отправляют вас домой?» Ответы на эти и другие волнующие солдат вопросы привлекали внимание солдат, будоражили их возбужденные мысли, указывали пути к действиям.

Основными видами печатной продукции на войска и население противника были листовки, газеты и брошюры⁴. Среди них были, в первую очередь, материалы, отличающиеся высокой документальностью: «Декреты, изданные в Российской республике», «Конституция Российской республики», обращения Советского правительства «К народам и правительствам союзных стран» и др. В инструкции Политуправления Реввоенсовета по распространению агитматериалов указывалось, что «иногда один-два десятка прокламаций скорее и вернее могут сломить силу неприятеля, чем тысячи и миллионы выпущенных пуль и снарядов» [Политическая работа, 1919, с. 143–144].

Устная пропаганда велась как на оккупированной территории, так и непосредственно на фронте. На Западном фронте для ведения устной пропаганды большевистские пропагандисты применили агитпоезд, с помощью которого осуществлялась агитация среди местных поляков. Кроме агитпоездов на отдельных участках фронта использовались агитпароходы⁵.

Одной из эффективных форм большевистской пропаганды была наглядная агитация. Идейная сила революционного плаката и рисунка была столь велика, что даже противник вынужден был признать это [Полонский, 1925, с. 63].

В годы иностранной интервенции радиосредства еще не получили широкого применения. В 1918 г. из Москвы начали вестись регулярные радиопередачи на французском, английском и немецком языках. Главное место в них занимали передачи содержания официальных документов и политические информации. Радисты противника принимали воззвания, призывы, обращения, которые затем нелегальным путем передавались сослуживцам (*Морской сборник, 1927, № 5, с. 26*).

На ряде участков фронта имели место случаи братания солдат противника с красноармейцами. В ходе этих контактов американские солдаты заявляли: «Нас обманули наши генералы. Они везли нас воевать в Россию против немцев, но мы здесь не видим ни одного немца, воюем против русских, которые нам ничего плохого не сделали. Нам надоело воевать, и мы требуем вернуть нас в США»⁶.

¹ Российский государственный военный архив, Ф. 185, Оп. 2, Д. 797, Л. 27.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 63, Оп. 1, Д. 181, Л. 32.

³ Государственный музей революции. Док. 12160/43, Л. 113.

⁴ Государственный архив Российской Федерации, Ф. 9550, Оп. 6.

⁵ Государственный архив Российской Федерации, Ф. 1235, Оп. 139, Ф. 1252.

⁶ Российский государственный военный архив, Ф. 105, Оп. 1, Д. 121, Л. 10-15.

Значительная пропагандистская работа осуществлялась среди военнопленных. О результативности этой работы свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1918 г. в составе частей Красной Армии сражалось более 130 тыс. иностранных военнопленных¹.

Большевики подчеркивали, что солдаты противника обмануты их правящими кругами и поэтому не виновны в происходящем. Большевицкая пропаганда взывала к лучшим чувствам людей, будила у солдат интервенционистских армий человеческое достоинство. Одновременно командование Красной Армии требовало от личного состава своих войск с уважением относиться к солдатам противника, принявшим решение сдаться в плен. В инструкции комиссару полка действующей армии, принятой на совещании политических работников Западного фронта в 1919 г., содержался специальный (десятый) параграф, обязывающий комиссара лично следить за человеческим обращением с пленными, за их питанием и быстрой отправкой в тыл (*Военно-исторический журнал*, 1939, № 5, с. 77). В листовке-пропуске, распространенной на советско-польском фронте в 1920 г., говорилось: «Всякий командир, комиссар и красноармеец обязан встретить по-братски польского солдата, предъявившего этот пропуск...»².

В годы иностранной интервенции на первых порах большевицкая пропаганда не была лишена недостатков. Некоторые листовки были слишком длинны, не содержали четкой и веской аргументации. Вместе с тем все это ничуть не умаляет того огромного вклада, который внесла большевицкая пропаганда в разгром войск иностранной интервенции. Солдаты войск Антанты, прибывшие в Россию, были убеждены, что они пришли с благородной миссией спасать русский народ от Германии, от варваров-большевиков. И разубедить их в этом стоило большого труда.

Ожесточенные бои, неизбежные потери зарождали в сознании солдат сомнения в правдивости заявлений правительства и утверждений командования. Однако процесс прозрения солдат только на основе собственного боевого опыта протекает медленно. В этих условиях пропаганда в значительной мере способствовала усилению воздействия на сознание личного состава. Активная большевицкая пропаганда наряду с нарастающими ударами Красной Армии способствовала быстрейшему провалу военной интервенции

против России. В конце 1919 г., пожалуй, уже не оставалось ни одного руководителя оккупационных армий, не говоря уже о рядовых исполнителях, которые не сознавали и не признавали бы потерю боеспособности и повсеместное разложение своих войск и огромную роль в этом большевицкой пропаганды. «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска, – говорил В. И. Ленин в феврале 1920 г. – Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат» [Ленин, 1974].

Значение пропагандистской работы, проводившейся среди войск и населения противника, вынуждены были признать даже враги России. Французский военный теоретик генерал Б. Серриньи писал: «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали в нужный момент агиткампании, направленные параллельно к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения» [Серриньи, 1924, с. 91].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории вооруженной иностранной интервенции в России в 1918–1922 гг., в том числе ее информационного обеспечения, является в настоящее время чрезвычайно актуальным в связи достаточно сложным текущим международным положением и теми вызовами, с которыми сталкивается наша страна. Пропаганда государств Антанты, базировавшаяся в годы интервенции на лжи и обмане, использовавшая преимущественно информационно-психологические методы воздействия, могла рассчитывать на определенный временной тактический и оперативный, но не на стратегический успех, что и обусловило провал всей иностранной вооруженной интервенции.

Опыт пропаганды по разложению войск противника в годы иностранной интервенции явился первым успешным массовым применением пропаганды на противника со стороны Советского государства. Причины высокой эффективности пропаганды среди войск и населения противника заключались в том, что она рассматривалась Советским правительством как важнейшее государственное дело, велась в значительных масштабах, на ее организацию выделялись необходимые материальные ресурсы и средства. Пропаганда

¹Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Ф. 17, Оп. 4, Д. 57, Л. 14.

²Российский государственный военный архив, Ф. 9, Оп. 8, Д. 161, Л. 210.

строилась с учетом знания условий обстановки, морально-политического состояния противника. Она использовала все имеющиеся в ее распоряжении формы и методы. Содержание агитационных материалов отличалось актуальностью, конкретностью, доходчивостью, учитывало особенности социальной психологии объектов воздействия.

Результаты информационного противоборства в годы иностранной военной интервенции против России в 1918–1922 гг. явились одним из основных факторов, обеспечивших исход вооруженного противоборства, внесли решающий вклад в решение судьбы существования нашей страны как самостоятельного, независимого государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chamberlin W. The Russian Revolution. N.Y. : Macmillan Co, 1935. Vol. 2. P. 150–172.
2. Кургузов В. Л. Интервенция в советской России глазами интервентов (1918–1922) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4–5. С. 20–33.
3. Князев С. «Думали, что их примут как освободителей»: как завершилась интервенция Антанты на Юге России. URL: <https://russian.rt.com/science/article/575931-istoriya-rossiya-antanta-intervenciya>.
4. Кубрикова Ю. А. К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ : ВСГУТУ. 2017. С. 132–135.
5. Хитрий В. Г. Партизаны и американские интервенты в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1922) // Армия и общество. 2012. № 2. С. 140–147.
6. Шишов А. В. Разгром Японии и самурайская угроза. М. : Алгоритм : Эксмо. 2005.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия. 1987.
8. Алейникова А. А. Борьба с японскими интервентами в Сибири // Вооруженные силы и история Байкальской Сибири: материалы студ. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 30 марта 2018 г. Иркутск : ИГУ, 2018. С. 15–23.
9. Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Из записок русского революционера. Прага : собственное изд., 1928.
10. Партизанское движение в Бурятии: сб. документов. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1965.
11. Светенко А. Будни революции. 1917 год. СПб. : Питер, 2019.
12. Драбкина С. Разложение германских оккупационных войск в России в 1918 году // Исторический журнал. 1942. № 1–2. С. 66–67.
13. Политическая работа в Красной Армии (Положения, инструкции, схемы, штаты и т. п.). Киев : Политическое управление Народного Комиссариата по военным делам. 1919.
14. Полонский В. Русский революционный плакат. М. : ГИЗ, 1925.
15. Ленин В. И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. М. : Политиздат. 1974.
16. Серринь Б. Размышления о военном искусстве: пер. с фр. М. П. Каменского. Л. : Воен. изд-во ЛенВО, 1924.

REFERENCES

1. Chamberlin, W. (1935). The Russian Revolution, 2, 150–172. N.Y.: Macmillan Co.
2. Kurguzov, V. L. (2016). Intervention in the Soviet Russia as viewed by the interventionists (1918–1922). «White spots» of Russian and world history, 4–5, 20–33. (In Russ.)
3. Knyazev, S. (2018). «Dumali, chto ih primut kak osvoboditelej»: kak zavershilas' intervenciya Antanty na YUge Rossii = «They thought they would be accepted as liberators»: how the Entente intervention in Southern Russia ended. <https://russian.rt.com/science/article/575931-istoriya-rossiya-antanta-intervenciya> (In Russ.)
4. Kubrikova, Yu. A. (2017). K voprosu ob informacionnoj vojne v hode inostrannoj intervencii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoj vojny = To the question of information war held during the time of the foreign intervention in Siberia and the far East during the Civil War. Sibir' v gody Velikoj Rossijskoj revoljucii (k 100-letiju revoljucionnyh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii) (pp. 132–165): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
5. Hitrij, V. G. (2012). Partizany i amerikanske interventy v gody grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.) = Partisans and American interventionists during the Civil War in the Russian Far East (1918–1922). Armija i obshhestvo, 2, 140–147. (In Russ.)
6. Shishov, A. V. (2005). Razgrom Yaponii i samurajskaya ugroza = The defeat of Japan and the Samurai threat. Moscow: Algorithm : Eksmo. (In Russ.)
7. Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR: Enciklopediya. (1987) = The Civil War and military intervention in the USSR: Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)

8. Alejnikova, A. A. (2018). Bor'ba s japonskimi interventami v Sibiri = The struggle against Japanese interventionists in Siberia. Vooruzhennye sily i istorija Bajkal'skoj Sibiri (pp. 15–23): The digest of articles of a student scientific and practical conference (In Russ.)
9. Solodovnikov, B. (1928). Sibirskie avantury i general Gajda. Iz zapisok russkogo revolyucionera = Siberian adventures and General Haida. From the notes of a Russian revolutionary. Prague: own publishing house. (In Russ.)
10. Partizanskoe dvizhenie v Buryatii: sb. Dokumentov (1965) = The partisan movement in Buryatia: collection of documents. Ulan-Ude: Buryat. book of publishing. (In Russ.)
11. Svetenko, A. (2019). Budni revolyucii. 1917 god = Everyday life of the revolution. 1917. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
12. Drabkina, S. (1942). Razlozhenie germanskih okkupacionnyh vojsk v Rossii v 1918 godu = The disintegration of the German occupation forces in Russia in 1918. Historical Journal, 1–2, 66–67. (In Russ.)
13. Politicheskaya rabota v Krasnoj Armii (Polozheniya, instrukcii, skhemy. shtaty i t. p.). (1919) = Political work in the Red Army (Regulations, instructions, schemes. states, etc.) (143–144). Kiev: Political Department of the People's Commissariat for Military Affairs. (In Russ.)
14. Polonskij, V. (1925). Russkij revolyucionnyj plakat = Russian revolutionary poster. Moscow: GIZ. (In Russ.)
15. Lenin, V. I. (1974). Rech' na bespartijnoj konferencii Blagushe-Lefortovskogo rajona 9 fevralya 1920 g = Speech at the non-party conference of the Blagushe-Lefortovsky district on February 9, 1920. Full Collection of soch, 40, 124. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
16. Serrin'i, B. (1924). Razmyshleniya o voennom iskusstve. Per. s franc. M. P. Kamenskogo = Reflections on the art of war. Translated from French by M. P. Kamensky. Leningrad: Military publishing house LenVO. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Касюк Арсен Яковлевич

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasyuk Arsen Yakovlevich

Doctor of History (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of Technological Communications,
Institute of International Relations and Social-political Studies,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 30.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 30.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_44

Международные отношения в условиях новых угроз безопасности, вызовы и угрозы XXI века: поиск решения

Х. И. Ноиббахуш

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
hossein.noeebahoosh@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются международные отношения в условиях новых угроз безопасности и их решения. Специалисты в области международных проблем сходятся во взглядах, что эффективное развитие государства в рамках замкнутого национального хозяйства является невозможным в условиях современных глобальных процессов. Только взаимодействие с иными субъектами мировой системы способны обеспечить любой стране условия, крайне необходимые для прогресса и сотрудничества с другими государствами.

Ключевые слова: глобализация, Иран, Россия, Международные отношения, безопасность

Для цитирования: Ноиббахуш Х.И. Международные отношения в условиях новых угроз безопасности, вызовы и угрозы XXI века: поиск решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 44–48. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_44

Original article

International Relations under the Conditions of New Threats to Security, Challenges and Threats of the 21st Century: Search for a Solution

Noeebahoosh Hossein

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Hossein.noeebahoosh@gmail.com

Abstract. This article discusses international relations in the face of new security threats and their solutions. Specialists in the field of international problems agree that the effective development of the state within the framework of a closed national economy is impossible in the conditions of modern global processes. Only interaction with other subjects of the world system can provide any country with the conditions that are essential for progress and cooperation with other states.

Keywords: globalization, Iran, Russia, International relations, security

For citation: Noeebahoosh, H. (2022). International relations under the conditions of new threats to security, challenges and threats of the 21st century: Search for a solution. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 44–48. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_44

ВВЕДЕНИЕ

О возникновении нового мирового порядка на сегодняшний день сигнализируют постоянные изменения мирового геополитического пространства. Стремительно формируются новые центры силы, экономические и политические отношения, о чем свидетельствует современная архитектура мироустройства. Появляются новые локомотивы, которые задают векторы мирового развития.

Соответственно, становится актуальным изучение истоков становления нового миропорядка и прогнозирование будущих тенденций развития международных отношений с учетом новых угроз безопасности. Необходимо находить более современные формы взаимодействия для дальнейшего развития международных процессов в условиях глобализации, так как традиционные форматы стали неэффективными. Страны-лидеры переходят к многополярности, что дает возможность международным организациям создавать новые механизмы и рычаги баланса сил в мире. За последнее время потерпели изменения политические, социальные и экономические конфигурации, имевшие определенное место в мире. Следует отметить, что необходимость изучения данной проблемы обусловлена нехваткой специальных комплексных научных исследований [Идрисов, 2021].

Российские и зарубежные специалисты в области международных проблем сходятся во взглядах, что эффективное развитие государства в рамках замкнутого национального хозяйства является невозможным в условиях современных глобальных процессов. Только открытая внешнеполитическая стратегия, активное взаимодействие с иными субъектами мировой системы способны обеспечить любой стране условия, крайне необходимые для устойчивого прогресса и эффективного сотрудничества с другими государствами.

Основными угрозами с конца XX – начала XXI в. выступали неурегулированность ситуации в Палестине, Сирии, Афганистане, на Северном Кавказе РФ, вооруженный конфликт между Израилем и ливанской «ХезБолла», «ядерный вопрос Ирана». Продолжают оцениваться как высокие риски террористических и экстремистских проявлений в Индии, Пакистане, Ливане, Йемене, Сомали, а также в Турции, Израиле [Панарин, 2021].

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

В начале XXI века в условиях динамичного развития военно-политических процессов, политической, экономической и социальной нестабильности

в мире сохраняется в основном неопределенное состояние. Военные аналитики обращают внимание на сохранение возможности возникновения региональных и внутренних конфликтов на этнической, межнациональной и религиозной основе. Нынешний военный конфликт на Украине, который получил различное название и оценку в российских и зарубежных СМИ и официальных источниках, – яркое тому подтверждение. Безусловно, это самый напряженный и драматический период в международных отношениях, который отмечается с момента окончания «холодной войны», поскольку мир «разделился» на три лагеря: РФ и ее союзники, страны, предпринявшие различного рода санкции в отношении России, и страны, проявляющие нейтралитет в отношении ситуации на Украине. Обострение ситуации в течение 2022 г. достигло такого пика, что лидеры ядерных государств заговорили о возможности применения ядерного оружия для «защиты своих интересов». Пранкеры Владимир Кузнецов и Алексей Столяров провели видеоконференцию с главой минобороны Великобритании Бенем Уоллесом от имени премьер-министра Украины Дениса Шмыгаля. В начале разговора Уоллес, отвечая на вопрос «украинской стороны» о возможной реализации ядерной программы с целью защиты от России, подчеркнул, что «вряд ли это понравится России»¹.

Не конвенционный характер химического, биологического и радиологического оружия по-прежнему влияет на эволюцию современного терроризма, его формы и методы деятельности, создавая эффективный инструмент дестабилизации внутри- и внешнеполитических отношений, подрыва национальной и международной безопасности государств и личности.

Общим в новых формах современного терроризма является нанесение разрушительных и невозполнимых человеческих или хозяйственных убытков, внушение паники, страха среди гражданского населения, а в случае открытого вооруженного конфликта – нанесение физического вреда комбатантам. Сложность решения и урегулирования противоречий террористической угрозы отражается в сложности урегулирования путем привлечения традиционных методов и способов современной дипломатии, приводит к необходимости пересмотра существующих систем теоретико-практических мероприятий по минимизации напряжения, преодоления причин и предупреждения последствий террористической деятельности.

Современный этап развития цивилизации обусловлен взаимосвязанностью всех сфер

¹ URL: <https://iz.ru/1308534/2022-03-21/prankery-vovan-i-leksus-pozvonili-ministru-oborony-velikobritanii>

и уровней человеческой жизни и деятельности, т. е. глобализация означает вовлечение большой части человечества в единую открытую систему финансово-экономических, политических, социальных, культурных связей на основе новейших информационных средств и телекоммуникаций. Информационная революция сочетается с экологической и становится сущностью мировой институциональной и культурной трансформации [Бартош, 2021].

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Среди глобальных проблем современности, к которым привлечено внимание авторитетных ученых, политических лидеров и международных организаций, особо выделяется проблема объективного усложнения структуры международных отношений и взаимосвязанные с ней проблемы глобальной международной безопасности, поддержания устойчивого мира, предупреждения конфликтов, противодействия международному терроризму. Основой глобальных проблем являются процессы и явления глобального масштаба, связанные с проблемой существования человеческой цивилизации. Именно глобальный характер проблем детерминирует необходимость объединения всех стран для их решения. Необходимость международного взаимодействия в сфере противодействия пандемиям обуславливается следующими факторами [Панарин, 2021]:

- глобальным характером многих общечеловеческих проблем;
- трансграничным характером разрастания проблем;
- международными обязательствами по охране здоровья и жизни населения стран, наличием международных ресурсов;
- выгодами от международного обмена опытом и технологиями, возможностями привлечения международных усилий в разрешение проблем.

Среди основных направлений развития международного сотрудничества следует выделить следующие:

- создание эффективной системы международной ответственности, в том числе ответственности за нарушения договоров о противоэпидемиологической профилактике и защите;
- организация взаимодействия и сотрудничества по предотвращению распространения эпидемий [Шульц, Бочкарев, Кульба, 2020].

Эти направления можно реализовать с помощью: финансовой и технической поддержки

развивающихся стран; разработки действенной сыворотки и вакцины; создания механизма международного сотрудничества в сфере обмена знаниями и технологиями и др. Особое внимание ученые уделяют исследованию распространения вирусов и инфекционных заболеваний и мер коллективной защиты от них.

РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из основных форм международного взаимодействия в решении проблем пандемии является заключение договоров и других видов международных соглашений, которые используются для координации охранных мероприятий в разных странах. Участниками двусторонних и многосторонних соглашений и международных конвенций являются государства, которые имеют общие проблемы или интересы. Актуальность противодействия в международной сфере инфекционным заболеваниям связана с ростом трудовой миграции, количеством туристических и деловых вояжей, в частности в те регионы, которые раньше из-за ограниченных транспортных услуг были недоступны или путешествие длилось несколько дней или недель.

Пандемия показала уязвимость, а также иллюзорность свободы перемещения граждан. Люди часто были не готовы к некоторым эффектам такой свободы. Для стран проблема ограничения свободы передвижения несет в себе также и миграционную составляющую, поскольку ситуация с пандемией наложила на проблемы отношений стран, принимающих рабочую силу, и стран-поставщиков трудовых ресурсов. Можно предположить, что пандемия только усугубит, а в лучшем случае временно приглушит разногласия между государствами относительно приема и размещения на своих территориях беженцев и мигрантов. Ограничения были введены и по перемещениям внутри страны, прогнозируется, что некоторые из них могут сохраниться и по окончании кризиса.

Пандемия также может приобрести и идеологическое измерение – масштабное ограничение свобод как удар по одному из достижений демократии. Естественно, свобода перемещений в будущем преимущественно будет восстановлена, но некоторые вопросы глобализации еще более усугубятся. Усилятся споры как о ценностях различных политических систем, так и о их эффективности, возможности гарантировать уровень жизни, а также экономические и социальные права. По мере снижения опасности пандемии прогнозируется «ремиссия», мировая экономика начнет набирать

обороты, а восстановление займет определенное время. Так, по данным опроса, большинство компаний приостановили найм персонала, что свидетельствует о «замораживании» деятельности. Соответственно, правительства стран разрабатывают меры по выходу из кризиса, вызванного пандемией и восстановления социально-экономических параметров жизни. Коллективные действия международных организаций оказались запоздалыми и недостаточными. Одна из причин – политическая фрагментация и напряженность в международной политике. Международные институты, созданные еще в прошлом веке и не реформированные в посткризисный период, ослаблены противоречиями между странами-членами. Другая причина – доминирование националистического подхода в поиске решений глобальных проблем. Еще одна причина – отсутствие глобального форума для осуществления международного сотрудничества в интересах благополучия и защиты граждан. ООН, созданный как раз для реализации этой миссии, оказался жертвой «кризиса многосторонности», выразившегося в жестких межгосударственных противоречиях.

G20 эффективнее справляется со своими ключевыми задачами поддержания финансовой стабильности и обеспечения условий для сильного, устойчивого и инклюзивного роста, чем с задачей преодоления неравенства и благополучия всего общества. «Двадцатке» потребовалось время и значительные усилия для согласования коллективного ответа на кризис COVID-19 и его экономические и социальные последствия. Хотя решения ее лидеров подвергаются критике, «Группа двадцати» приняла на себя ответственность за координацию коллективных действий, взяла обязательства по мобилизации ресурсов для защиты здоровья, экономического роста, занятости и развития, поручила министрам здравоохранения и финансов разработать план действий по совместной борьбе с пандемией; наметила направления работы с ВОЗ, МВФ, ГВБ и МБР для реализации скоординированной финансовой помощи уязвимым странам [Идрисов, 2021].

Очень важно, чтобы члены «Группы двадцати» реализовали принятые решения и к следующей встрече выработали конкретные обязательства по защите жизни людей, поддержке развивающихся стран и укреплению систем здравоохранения.

Таким образом, кардинальные изменения в международных отношениях сделали актуальной задачу становления новой системы международной безопасности. Очевиден тот факт, что результатом конфликта непременно является огромный ущерб как для стороны, потерпевшей поражение,

так и для вышедшей победителем стороны. Поскольку избежать потерь в конфликте невозможно, очевидно, весь смысл воздействия на него может и должен быть сведен к поиску, прежде всего, путей устранения негативных последствий. Важно и то, что сама процедура предотвращения и урегулирования разногласий является достаточно сложной и не всегда имеет положительный результат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последних десятилетий свидетельствуют о том, что в политике все еще довольно часто преобладают силовые методы борьбы, но они не всегда дают желаемый результат. Такие методы обычно используются опосредованно, путем демонстрации военного могущества конфликтующего государства с целью побуждения противника не прибегать к вооруженной борьбе, а также принуждению его капитулировать без войны. Однако глобализация существенно изменяет современное представление о цивилизации и ведет к совершенно новому видению перспектив мирового развития. В настоящее время наблюдается комплексное использование и социально-политических, и экономических, и дипломатических и информационных и военных факторов для достижения политических целей.

Урегулированию международных конфликтов на сегодняшний день способствуют объективные тенденции мирового развития. *Во-первых*, в мире возникает понимание бессодержательности и опасности военных методов решения спорных вопросов – стороны обычно переходят к политическому диалогу и стратегическим коммуникациям на переговорах. *Во-вторых*, усиливаются интеграционные процессы путем разрушения межгосударственных и межрегиональных барьеров, что создает условия для формирования союзов, ассоциаций, объединений государств, ставящих целью объединение сил и возможностей для обеспечения максимального сотрудничества, которое будет уменьшать возможность конфликтных ситуаций.

Основная ответственность за предупреждение конфликтов возлагается на национальные правительства, потому что только они имеют право удерживать средства, полученные из налоговой базы, и распоряжаться ими в ходе разрешения кризисной ситуации. При вовлечении этих средств в превентивную деятельность (в целях предупреждения международного вооруженного политического конфликта) главной задачей правительства является, прежде всего, уменьшение количества человеческих жертв, а также

снижение количества расходов государственных средств внутри страны. Так, идея превентивной дипломатии не просто исследуется, но всесторонне поддерживается и культивируется ООН уже на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому,

когда возникает необходимость, правительства государств в своей превентивной деятельности в любом случае могут опираться на международные организации, прежде всего, на находящиеся в рамках системы ООН.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Идрисов Р. Ф., Кузина Н. В. Внешние вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке // Международный правовой курьер. 2021, № 6. С. 70–76. URL: <http://inter-legal.ru/vneshnie-vyzovy-i-ugrozy-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii-v-xxi-veke-1>
2. Панарин И. Н. Гибридная война и геополитика. М. : Горячая линия – Телеком, 2021.
3. Бартош А. А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М. : Горячая линия – Телеком, 2021.
4. Шульц В. Л., Бочкарев С. А., Кульба В. В. Сценарное исследование проблем обеспечения общественной безопасности в условиях цифровизации. М. : Проспект, 2020.

REFERENCES

1. Idrisov, R. F., Kuzina, N. V. (2021). External challenges and threats to the national security of the Russian Federation in the XXI century. International Legal Courier, 6, 70–76. <http://inter-legal.ru/vneshnie-vyzovy-i-ugrozy-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii-v-xxi-veke-1> (In Russ.)
2. Panarin, I. N. Gibridnaja vojna i geopolitika = Hybrid war and geopolitics. Moscow: Gorjachaja linija – Telekom. (In Russ.)
3. Bartosh, A. A. (2021). Konflikty XXI veka. Gibridnaja vojna i cvetnaja revoljucija = Conflicts of the XXI century. Hybrid war and color revolution. Moscow: Gorjachaja linija – Telekom. (In Russ.)
4. Shults, V. L., Bochkaev, S. A., Kulba, V. V. (2020). Scenarnoe issledovanie problem obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti v uslovijah cifrovizacii = Scenario study of the problems of ensuring public safety in the context of digitalization. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хоссейн Ноиббахуш

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Noebahaosh Hossein

postgraduate student of the Department of International Relations and Foreign Policy
of Russia, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.05.2022
одобрена после рецензирования 13.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 12.05.2022
approved after reviewing 13.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 93/94

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_49

К вопросу о соблюдении партийных принципов работы с офицерскими кадрами войск НКВД – МВД СССР в 1945–1948 гг.

С. А. Олейник

*Международный юридический институт, Москва, Россия
oleynik.s.a@mail.ru*

Аннотация. В послевоенные годы на войска правопорядка были возложены ряд важных и ответственных задач государственной важности. Это и борьба с националистическим подпольем в западных регионах страны, охрана и конвоирование чрезвычайно обширного количества военнопленных, охрана объектов стратегической важности и т. д. Успешное выполнение поставленных задач свидетельствует о масштабах полученного практического опыта во всех сферах жизнедеятельности войск, в том числе кадровой работы, что требует необходимость их научного осмысления.

Ключевые слова: кадры, кадровый состав, офицерские кадры, подготовка и обучение кадров, расстановка кадров

Для цитирования: Олейник С. А. К вопросу о соблюдении партийных принципов работы с офицерскими кадрами войск НКВД–МВД СССР в 1945–1948 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 49–53. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_49

Original article

On the Issue of Compliance with the Party Principles of Working with Officers Troops NKVD – MVD USSR in 1945–1948

S. A. Oleynik

*International Law Institute, Moscow, Russia
oleynik.s.a@mail.ru*

Abstract. In the post-war years, the law enforcement forces were assigned several important and responsible tasks of national importance. The fight against the nationalist underground in the western regions of the country, the protection and escort of an extremely large number of prisoners of war, the protection of objects of strategic importance, and many others. The successful completion of the assigned tasks testifies to the extent of the practical experience gained in all spheres of the life of the troops, including personnel work. But have the declared party and state principles of working with personnel always been observed in the process of their real implementation?

Keywords: personnel, personnel, officer personnel, training and education of personnel, placement of personnel

For citation: Oleynik, S. A. (2022). On the issue of compliance with the party principles of working with officers troops NKVD – MVD USSR in 1945–1948. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 49–53. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_49

ВВЕДЕНИЕ

С началом проведения специальной военной операции на Украине, как и более семидесяти лет назад, вопросы организации работы с кадрами государственных структур обеспечения общественной безопасности продолжают оставаться актуальными для поддержания высокой обороноспособности государства. Мы полагаем, что изучение работы с кадрами этих структур должно выстраиваться с опорой не только на позитивный, но на и негативный накопленный исторический опыт, что в дальнейшем, несомненно, поможет избежать повторения допущенных ошибок [Климов, Олейник, 2021, с. 153–154].

Таким образом, исследование исторического опыта организации кадровой деятельности в войсках правопорядка¹, а именно – практическое воплощение тех постулатов, которые закладывались высшим партийным и политическим руководством страны в сфере работы с военными кадрами, а также вопросы реализации кадровой политики государства в войсках НКВД – МВД СССР, представляют интерес как научный, так и практический, особенно в условиях современного противостояния России и Запада [Олейник, 2021, с. 40–45].

РАБОТА С КАДРАМИ ВОЙСК НКВД – МВД СССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Весьма серьезному воздействию на общую организацию служебно-боевой деятельности, а также организационно-штатную структуру войск правопорядка после окончания войны оказало объявление Советским правительством демобилизации офицерского состава Вооруженных сил страны. Данное событие нашло закономерное отражение в ряде принятых в этом направлении нормативных правовых актов.

Среди этих актов следует отметить Закон СССР «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» от 23 июня 1945 г. [Русский архив. Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1997, с. 378–379], а кроме того, и принимавшихся в свете реализации указанного закона приказах по Наркомату внутренних дел СССР (среди наиболее

¹ Структурно входили в состав различных органов государственной власти СССР – НКВД-МГБ-МВД СССР, МООП РСФСР, МООП-МВД СССР. Под внутренними войсками в работе понимаются войсковые структуры внутренних и конвойных войск, внутренней и конвойной охраны, далее – внутренние войска МВД СССР. В настоящее время как правопреемники внутренних войск – войска национальной гвардии РФ. В ряде источников упоминаются как войска правопорядка. – *Прим. автора.*

характерных из них – от 27 сентября и от 16 октября 1945 г.2).

В рамках практической реализации указанных выше нормативных документов уже к 1 февраля 1947 г. кадровыми инстанциями и командованием было уволено в запас и в отставку 4549 офицеров³, полная же, предписанная этим законом демобилизация военнослужащих (в том числе и офицерского состава) из действующей армии завершилась, как указано в некоторых источниках, к 1948 г. [История войск правопорядка России., 2021, с. 19].

Поэтому вполне закономерным представляется вопросы: каким образом осуществлялся отбор офицерских кадров для продолжения военной службы, кто подлежал строгому кадровому отсеку, на кого возлагалось решение столь серьезных задач, стоящих перед войсками НКВД.

Как мы уже говорили, перед началом самой страшной войны в истории нашего государства войска НКВД СССР были оснащены (для того периода) внушительной ресурсной базой, достаточно хорошо были укомплектованы офицерскими кадрами [Климов, Олейник, 2021, с. 153–156].

Однако после окончания войны наша страна столкнулась с катастрофическим ухудшением уровня жизни населения. В работах некоторых исследователей прямо отмечается, что при этом улучшение качества жизни населения явно не было декларировано как одна из приоритетных задач органов государственной власти [Филипчук, 2011, с. 24], основная же задача состояла в обеспечении надежной системы обороноспособности, опирающейся в первую очередь на ядерный щит, которая несомненно была высокоэффективно достигнута высшим военно-политическим руководством.

О сложностях в бытовом плане, которые касались абсолютно всех категорий граждан государства, в том числе и военнослужащих рассматриваемых нами войсковых структур, мы уже указывали в наших работах [Олейник, 2021, с. 40–45], но хотелось бы еще раз акцентировать на этом внимание. Например, как указывает в своих автобиографических воспоминаниях доктор политических наук, профессор В. К. Белозёров: «... в 1950 году родители поженились, первые годы жили, как и многие, в нужде... Первые два года совместной жизни у родителей была одна фуфайка на двоих...» (цит. по: [Наши судьбы: библиографические очерки, 2020, с. 130]).

При этом следует заметить, что военнослужащие войсковых структур государства были всё же в более привилегированном положении по

² Российский государственный военный архив. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 238. Л. 275.

отношению к гражданскому населению. В частности, интересны архивные документы, касающиеся деловой переписки по вопросу выплаты так называемых «ординарских денег» (выплачивались офицерам в качестве компенсации за вольнонаемную прислугу).

Так, в адрес министра внутренних дел СССР в начале 1950 г. обратился откомандированный на курсы усовершенствования при войсковой части 75036 в Ленинграде капитан «Г». В этом письме офицер ставил вопрос о том, что военнослужащим Советской армии, проходившим обучение, данная выплата выплачивалась, но ему руководством курсов в ней было отказано. В ответе заместителя начальника отдела кадров конвойных войск МВД СССР № 27/3-867 от 18.04.1950 г. разъяснялось, что начальнику курсов направлено необходимое пояснение. На основании этого разъяснения офицеру «Г» были выплачены «ординарские деньги» из расчета 300 рублей в месяц за весь период обучения на курсах¹.

Вполне понятно, что жизнь в тот период времени была чрезвычайно тяжелой, и действительная военная служба гарантировала весьма достойный уровень материального довольствия (особенно для офицерских кадров), однако необходимость восстановления народного хозяйства Советского Союза и ограниченность в ресурсах явилась веле-нием времени по сокращению Вооруженных сил страны и количества тех самых офицерских кадров. Закономерным представлялся вопрос оставления на службе лучших из них.

В рамках практического воплощения указанных выше нормативов и в процессе реализации указаний Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР о проведении широкой демобилизации военнослужащих от 27.09.1945 г. № 001095 была подписана докладная записка за подписью заместителя наркома внутренних дел по войскам в адрес руководителя ведомства Л. П. Берии № 17/00700 от 09.11.1945 г.², в которой сообщалось о выполнении намеченных целей, так как уже к 01.11.1945 г. было уволено 65 447 военнослужащих войск правопорядка³.

Процедура сокращения личного состава войск НКВД – МВД СССР сопровождалась при этом полной переаттестацией офицерского состава, по результатам этих мероприятий офицерам как раз и должно было сообщаться о перспективах

прохождения службы, либо же они представлялись к увольнению.

К окончанию 1946 г. на основании еще одного постановления Совета Министров СССР от 03.10.1946 г. общая штатная численность войск МВД СССР была еще раз подвергнута существенному сокращению (100 тыс. воинских должностей), что требовало проведения еще одной обширной, всеобщей аттестационной компании⁴.

Вопросы организации аттестации офицеров войск правопорядка были директивно закреплены в качестве основного приоритета в деятельности командиров и начальников, это стало наиболее важным и существенным направлением в организации работы командования с офицерскими кадрами войск НКВД – МВД СССР в первые годы после окончания войны.

В качестве характерного примера стоит выделить рассекреченные архивные материалы, среди которых директивное указание начальника конвойных войск НКВД СССР генерал-лейтенанта В. М. Бочкова от 04.05.1945 г. № 22/3-02002, принятое во исполнение указаний наркома и его заместителя по войскам⁵. В этом документе содержалось строгое указание подчиненным неукоснительно учитывать состояние служебнобоевой деятельности офицеров, уровень их личной дисциплинированности, а также руководимых ими подразделений в рамках выполнения задач, связанных с подготовкой на них аттестационных материалов.

Однако на практике эти указания выполнялись лишь от случая к случаю. Очень частыми были факты, когда в отношении офицеров войсковых структур обеспечения общественной безопасности аттестационные материалы не готовились вовсе или готовились, как приходит к выводу автор на основе анализа архивных материалов, без соблюдения основополагающего правительственного и партийного требования персональной оценки качеств командных кадров⁶.

Приведем следующий пример. В процессе подготовки аттестационных материалов к назначению на высшую воинскую должность одного из офицеров 319-го полка 50-й конвойной бригады старшего лейтенанта «Ф», мы можем проследить некоторые особенности, связанные с документальным отображением этого направления работы.

Как указано в архивном документе, в процессе инспекторской проверки, проводившейся

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1007. ЛЛ. 51–60.

² Российский государственный военный архив. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.

³ Около 8 % от штатной численности войск. – Прим. автора.

⁴ Российский государственный военный архив. Ф. 38651. Оп. 1. Д. 109. Л. 121.

⁵ Российский государственный военный архив. Ф. 40. Оп. 1. Д. 941. Л. 14.

⁶ Словарь-справочник агитатора и политинформатора. М.: Политиздат. 1977. С. 26.

в указанном полку в марте 1945 г., комиссией было принято решение предать указанного офицера «...за разложение воинской дисциплины использование служебного положения в личных целях и систематическое пьянство...» суду военного трибунала. Вместо этого в апреле 1945 г. указанный офицер был представлен к присвоению очередного воинского звания «капитан». Это представление было направлено через все кадровые, политические и командирские инстанции, после чего, имея весьма солидный вид и обретя все необходимые подписи должностных лиц от заместителя командира батальона до командира конвойной бригады, поступило для рассмотрения и подготовки приказа по войскам в кадровый орган конвойных войск НКВД СССР в мае 1945 года. В дальнейшем, только после указаний вышестоящего командования, данный офицер был уволен в запас (естественно без присвоения воинского звания)¹.

Представленный частный пример конечно же не представляет собой отражение всей многообразной организации кадровой работы в войсках правопорядка. Однако автор на основе анализа имеющихся архивных материалов осмелится констатировать, что именно этот эпизод прекрасно иллюстрирует, какой одновременно сложной и противоречивой являлась организация работы с офицерскими кадрами и ее документальное отображение в послевоенный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вполне естественно, что работа с офицерскими кадрами войсковых структур общественной безопасности в послевоенные годы была под

весьма пристальным вниманием со стороны высших должностных лиц государства. Следует заметить, что все факты негативного характера (нарушения воинской дисциплины, правонарушения, преступления) в обязательном порядке докладывались непосредственно руководителю ведомства или его заместителю по войскам.

Необходимость внимательного отношения к офицерам этих войсковых структур было продиктовано особенностями поставленных перед ними и выполняемых ими специфических служебно-боевых задач, в мирное время, но часто с риском для жизни.

Однако практическая реализация на местах организации работы с офицерскими кадрами войск НКВД – МВД СССР в первые послевоенные годы оставалась далекой от совершенства. Даже несмотря на достаточно высокую привлекательность военной службы, с точки зрения социально-экономической обстановки в государства, допускались серьезные просчеты в организации расстановки военных кадров, их служебной аттестации. Одной из причин (среди прочих), допускавших ошибок при назначении и аттестации офицеров войсковых структур, следует признать низкий уровень качества документационного обеспечения кадровой деятельности.

Подводя итог, позволительно было бы сделать также вывод о часто лишь декларативно внимательном отношении органов государственной власти к организации по подбору и расстановке офицерских кадров и соблюдении партийных принципов подбора кадров. Но практика применения и реализации ведомственных директивных указаний свидетельствует о том, что, к сожалению, имели место и нарушения в работе с кадрами. Для ее качественного улучшения в современных условиях эти проблемные вопросы следовало бы проанализировать, чтобы не повторять подобных ошибок в дальнейшем.

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 40. Оп. 1. Д. 941. Л. 16.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Климов А. А., Олейник С. А. Отдельные особенности работы с офицерскими кадрами войск НКВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). С. 190–198. doi.org/10.52070/2500-347X_2021_4_845_190.
2. Олейник С. А. Особенности государственной кадровой политики во внутренних войсках МВД СССР в 70-е гг. XX века // Всеобщая история. 2021. № 9. С. 40–45. doi.org/10.25791/vseist.03.2021.1139
3. Русский архив. Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М.: ТЕРРА, 1997.
4. История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской Империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: военно-исторический труд: в 5 т. / под общ. ред. В. В. Золотова. М.: На боевом посту, 2021. Т. 4: Войска НКВД-МГБ-МООП-МВД СССР (1945–1991).

5. Филипчук И. В. Общественно-политическое развитие Горьковской области в 1946–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2011.
6. Наши судьбы в единую слиты: биографические очерки / Региональная общественная организация «Поморское землячество в Москве» ; рук. В. Ф. Новожилов ; ред. идея В. Н. Енягин. М. : Столица-8, 2020.

REFERENCES

1. Klimov, A. A., Oleinik, S. A. (2021). Separate features of work with officers of the NKVD troops of the USSR at the final stage of the Great Patriotic War. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 4(845), 190–198. doi.org/10.52070/2500-347X_2021_4_845_190 (In Russ.)
2. Oleinik, S. A. (2021). Features of the state personnel policy in the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the 70s of the twentieth century. *Universal History*, 9, 40–45. doi.org/10.25791/vseist.03.2021.1139 (In Russ.)
3. Russkij arhiv. Velikaja Otechestvennaja: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 1943–1945 gg. (1997) = Russian archive. The Great Patriotic War: Orders of the People's Commissar of Defense USSR. 1943–1945, 13, (2–3) Moscow: Terra. (In Russ.)
4. Zolotov, V. V. (ed.). (2021). Istorija vojsk pravoporjadka Rossii: ot vnutrennej strazhi Rossijskoj Imperii k voskam nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: voenno-istoricheskij trud v 5 t. = History of the Russian Law Enforcement Forces: from the Internal guards of the Russian Empire to the waxes of the National Guard of the Russian Federation: a military-historical work. In 5 vol. Moscow: Redakcija zhurnala «Na boevom postu». Vojska NKVD-MGB-MOOP-MVD SSSR (1945–1991) = Volume 4: Troops of the NKVD–MGB–MOOP–Ministry of Internal Affairs of the USSR (1945–1991). (In Russ.)
5. Filipchuk, I. V. (2011). Obshhestvenno-politicheskoe razvitie Gor'kovskoj oblasti v 1946–1960 gg. = Socio-political development of the Gorky region in 1946–1960. PhD in Historical Science. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
6. Novozhilov, V. F. et al. (2020). Nashi sud'by v edinuju slity. Biograficheskie ocherki = Our destinies are merged into one. Biographical essays. Moscow: Stolitsa-8. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олейник Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleynik Sergey Aleksandrovich

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
of the International Law Institute

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
одобрена после рецензирования 07.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 16.05.2022
approved after reviewing 07.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 94 (47) + (73)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_54

Историко-культурное наследие России в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана

А. Ю. Петров^{1,2}

¹Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alaska13@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением историко-культурного наследия как явления, сформировавшего основу в диалоге культур и цивилизаций на севере Тихого океана. Определены основные аспекты и внутреннее наполнение историко-культурного наследия в целом и по отношению к конкретной территории. Именно здесь, на территориях севера Тихого океана, развернулась борьба за колонии в XVIII – первой половине XIX вв. Рассмотрены основные работы по тематике исследования. Статья подготовлена с использованием междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, колонии, север Тихого океана, Азиатско-Тихоокеанский регион, Русская Православная церковь

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 в Институте всеобщей истории РАН, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>

Для цитирования: Петров А. Ю. Историко-культурное наследие России в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 54–60. DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_54

Original article

Historical and Cultural Heritage of Russia in the Context of the Struggle for Colonies in the North Pacific

Alexander Yu. Petrov^{1,2}

¹Institute of World History of the Russian, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: alaska13@yandex.ru

Abstract. The article deals with issues related to the study of historical and cultural heritage as a phenomenon that formed the basis for the dialogue of cultures and civilizations in the North Pacific. The main aspects and internal content of the historical and cultural heritage in general and in relation to a specific territory are determined. It was that given territory that the struggle for colonies unfolded in the 18th – first half of the 19th centuries. The main works are considered. The article was prepared using an interdisciplinary approach.

Keywords: historical and cultural heritage, colonies, North Pacific, Asia-Pacific region, Russian Orthodox Church

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00043) at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>

For citation: Petrov, A. Yu. (2022). Historical and cultural heritage of Russia in the context of the struggle for colonies in the North Pacific. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 54–60. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_54

ВВЕДЕНИЕ

В первую четверть XXI века изучение историко-культурного наследия России в мире получило новый импульс. В Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) 14–16 апреля 2022 г. прошла Международная конференция «Диалог культур и цивилизаций». Проведение данной конференции стало традицией, как и сотрудничество МГЛУ и ИВИ РАН в контексте проведения совместных мероприятий. Также традиционными стали темы по обсуждению вопросов истории международных отношений на севере Тихого океана и различных аспектов по развитию стран англосферы. Эта конференция основывалась на предшествующем опыте проведения масштабных мероприятий. Так, в 2016–2022 году в России и за рубежом прошли международные встречи, в частности, в институте всеобщей истории РАН состоялся значимый по данной тематике наследия форум – «История и наследие Русской Америки». Впервые на данной международной конференции рассматривались сюжеты по развитию территорий на севере Тихого океана. Стали применяться термины «история» и «наследие» по отношению к бывшим колониям Российской империи [Ермолаев, Петров, 2017]. Вскоре были изданы фундаментальные работы, в том числе по обзору исторической литературы по Русской Америки [Иерусалимский, Давыдов, Коскина, 2020]. Применение междисциплинарного подхода, использование новых архивных источников способствовало расширению тематики проводимых исследований и масштаба изучения Азиатско-Тихоокеанского региона в целом [Ермолаев, Петров, 2018].

Целью статьи является изучение историко-культурного наследия как явления, сформировавшего основу в диалоге культур и цивилизаций на севере Тихого океана. Задачи работы заключаются в определении основных аспектов и внутреннего наполнения историко-культурного наследия в целом и по отношению к конкретной территории.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Сам термин «культурное наследие» был разработан в 70–80 гг. XX века при участии ЮНЕСКО. В России данная практика регулируется законодательством. Действует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятый Государственной Думой РФ 24 мая 2002 г. и одобренный Советом Федерации 14 июня 2002 г. Существуют редакции данного федерального

закона, принятые с 2004 по 2021 г.¹ Объекты культурного наследия зафиксированы в едином государственном реестре в определенном законом порядке и подлежат государственной охране².

Опираясь на данное законодательство, можно отметить, что к объектам ИКН относятся памятники, ансамбли, достопримечательные места, к числу которых принадлежат, например, произведения монументального искусства, фрагменты исторических планировок и застроек поселений, остатки построек древних городов и др.

Также федеральный закон вводит понятие исторического поселения, под которым понимается городское или сельское поселение, в границах которого находится объект культурного наследия и другие культурные ценности, созданные в прошлом и имеющие большое значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию. В историческом поселении охране со стороны государства подлежат все исторически важные градоформирующие объекты.

Объекты культурного наследия классифицируются на категории историко-культурного значения. Выделяют объекты культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения.

В 2003 г. была принята Конвенция по защите нематериального культурного наследия, концепция которого была предложена еще в 1990-х годах как аналог списку Всемирного наследия, уделяющему основное внимание материальной культуре. Согласно Конвенции, нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, которые были признаны сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Нематериальное культурное наследие передается от поколения к поколению, воссоздается сообществами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, тем самым содействуя уважению культурного разнообразия и творчеству человека. В рамках Конвенции принимается во

¹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756&ysclid=11nbvawjv>

² Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) // Государственная система правовой информации. URL: <https://vladeilegko.ru/material/edinyy-gosudarstvennyy-reestr-obektov-kulturnogo-naslediya-pamyatnikov-istorii-i-kultury/>

внимание то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития. В понятие нематериального культурного наследия входят устные традиции, обычаи, обряды, ремесла и т. п.¹

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Историко-культурное наследие (ИКН) представляется нами совокупностью материальных и духовных ценностей, которые сложились в предыдущие эпохи и стали носителями стержневых характеристик народа. Прежде всего, речь идет о самобытности народа и его вклада в культурно-исторические основы цивилизации. Материальную основу ИКН могут составлять объекты недвижимости, называемые памятниками истории и культуры. Они формируют национальную среду на основе ИКН.

Исследователи сходятся во мнении, что к объектам ИКН можно отнести те объекты, которые представляют особую ценность. Это мнение носит междисциплинарный характер и принимается, как правило, с участием широкого круга экспертов мирового уровня – историков, археологов, этнографов и представителей других дисциплин. В случае если речь идет о памятниках в городах, то привлекаются соответствующие эксперты в области градостроительства, а также историки градостроительства. Данная политика широко применяется во всем мире [Ruble, 2001]. При этом история колониальной борьбы в АТР накладывает свой отпечаток на признание определенных объектов в качестве наследия либо напротив вызывает дискуссию и даже отрицание их как таковых.

На Аляске отрицание вызывает деятельность А. А. Баранова, главного правителя русских колоний на Аляске в конце XVIII – начале XIX вв. Его имя связано с активным продвижением на юг, основанием крепости Росс (Форта Росс), попыткой обосноваться на Гавайских островах. Главный правитель зарекомендовал себя как жесткий, но в то же время справедливый правитель, имевший достаточно сложные отношения с коренным населением Аляски. Данный факт и стал причиной активного отрицания монументализации А. А. Баранова. Установленный ему на Ситхе памятник с эпитафией «да будем жить в вечном мире и согласии на

этой территории» был убран с публичного места, где стоял ранее рядом с центральным концертным залом, и перемещен в музей. Примечательно, что хотя применяются активные меры и по переосмыслению культурного наследия Дж. Кука, которое весьма обширно – только в городе Анкоридж имеются памятник, одноименная гостиница и др. объекты – все же по отношению к этой персоналии такого отношения удалось избежать.

Отношение к ИКН России и других стран на севере Тихого океана в современную эпоху наполняется новым звучанием, связанным с важностью защиты таких объектов. Это памятники выдающимся российским мореплавателям, совершившим кругосветные путешествия, конечной целью которых была Аляска. Эти плавания приводили к изменению позиций в европейских дворах по отношению к колониальной политике. Кроме того, в России во многих городах имеются музеи, где сохранились объекты материальной культуры. Внутреннее наполнение и состав этих объектов различаются и подразделяются на единичные и рассматриваемые в комплексе.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении проблемы могут быть использованы как общенаучные, так и специальные методы. Например, при анализе собранного материала можно использовать сравнительно-исторический метод (сравнения традиций коренного населения Аляски и Русского Севера). Можно рассмотреть феномен коммеморации, который в узком смысле мы понимаем как увековечивание памяти о событиях: монументы, статуи, памятники, музейная деятельность, фиксация знаменательных дат, праздничные и массовые события и т. д., то, что мы ныне считаем мемориальной деятельностью.

Исследование коммеморации может осуществляться следующим образом. На первом этапе происходит сбор и систематизация информации о мемориализации русских имен, связанных с историей северной части Тихого океана (в музеях, в рамках специальных акций, посвященных истории АТР). На втором этапе более детально изучается каждый объект коммеморации (кто финансировал или спонсировал сооружение памятника, кто из общественных деятелей присутствовал при открытии монумента, были ли произнесены речи и сохранились ли они и в каком формате и качестве и т. д.). В рамках изучения музеефикации могут исследоваться экспозиции, а также общественное мнение о выставках. В настоящее время особое значение придается социальным сетям музеев,

¹Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация объединенных наций. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml

которые в свою очередь связаны со СМИ. Например, об изменении тематики выставки в музее Баранова по русской колонизации на острове Кадьяк сначала было сообщено в социальных сетях, а затем отражено в статье газеты Kodiak Daily Mirror. На третьем этапе может быть выявлена эволюция в отношении к русским и представителям других европейских держав у жителей Аляски и Алеутских островов.

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ

С целью раскрытия темы статьи была проведена работа в отечественных и зарубежных архивах, библиотеках и отделах рукописей библиотек и музеев.

Установлено, что архивы по историко-культурному наследию и борьбе за колонии на севере Тихого океана могут быть ранжированы по следующим признакам:

1. Отечественные архивы Москвы и Санкт-Петербурга, где находятся документы по теме проекта, которые были лишь частично введены в научный оборот (Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Архив Русского географического общества (АРГО), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ), отделы рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) и Российской государственной библиотеки (РГБ)). В этих архивах, как правило, содержатся официальные документы, показывающие взаимодействие западноевропейских держав на Тихоокеанском севере и особенности появления ИКН на конкретных территориях.

2. Архивы, которые были слабо изучены, а то и вовсе не привлекались учеными (Государственные архивы Вологодской, Иркутской областей). В этой категории архивов можно найти документы о посещении иностранными купцами и путешественниками российских регионов; сведения об экспедициях на север Тихого океана, так как в экипажах кораблей присутствовали выходцы из севера-запада России и Сибири.

3. Впервые используемые отечественные архивы (Государственный архив Костромской области, Государственный архив Республики Крым). В этих архивах имеются сведения о плавании к Японии, бумаги морских офицеров и т. п.

4. Зарубежные архивы США (Вашингтона, Аляски и Калифорнии), Испании, Эстонии и др. стран. В них имеются богатые сведения о политике западноевропейских держав на тихоокеанском севере, ныне эти архивы доступны нам в онлайн-режиме.

5. Впервые используемые зарубежные архивы, исследования в которых представляются важными из-за содержащейся в них информации. К сожалению, в последнее время эти архивы мало доступны в ходе личного посещения, но у исследователей имеется возможность проработки фондов онлайн.

Из архивной работы можно выделить РГА ВМФ, где имеются материалы так называемого «колониального архива» Российско-американской компании (РАК), которые интересны в контексте выявления ИКН на севере Тихого океана. Этот архив представляет собой обширное собрание из 92 томов. Первые 25 томов состоят из документов, присланных в колонию из Санкт-Петербурга, от Главного правления. Это так называемая *входящая* переписка. Следующие 49 томов представляют собой «исходящие» бумаги, т. е. документы, направленные из колоний в Главное правление. Оставшиеся 18 томов представляют собой коллекцию судебных журналов, которые велись на кораблях компании, а также журналы экспедиций Л. А. Загоскина и И. Архимандритова, сыгравших выдающуюся роль в создании историко-культурного наследия России во внутренних регионах Аляски. Все тома колониального архива сформированы по годовому принципу. Каждый из томов включает в себя переписку за один или два года. К первым 25 томам входящих документов составлен указатель, что облегчает работу с ними. Однако к остальным частям колониального архива указателей нет. Так называемая *входящая* переписка практически не изучена исследователями. К ней нет указателей, а значительная часть заголовков является «глухой». Колониальный архив был микрофильмирован и передан американской стороной в несколько советских архивов в 40-х гг. XX века, но именно в РГА ВМФ (фонд 1375) ролик сохранился лучше всего и доступен исследователям.

В указанных материалах содержатся факты, позволяющие осветить ряд аспектов в историко-культурном наследии России и борьбе за колонии на севере Тихого океана. Например, история Форта Росс в Калифорнии и развитие культурного наследия России на Аляске и Алеутских островах долгое время были предметом узкопрофессионального круга историков. Между тем продвижение идеи о том, что Форт Росс – один из важнейших памятников культурного наследия России в США, повлияло на рост интереса к истории Калифорнии. Сегодня на базе Росса проходят международные конференции и семинары. Росс является уникальным памятником русской колониальной архитектуры. Он показывает, с одной стороны, возможности РАК защищать контролируемые ей колониальные

владения, а с другой – демонстрирует возможность мирного сосуществования различных культур. Так, крепость избежала каких-либо нападений в XIX веке, хотя существовали претензии Испании и Мексики обладания ей. Другой пример – малоизученное наследие России на Гавайских островах. Основание поселений воспринималось многими как «авантюра», однако последние сведения, полученные из региональных отечественных и зарубежных архивов (документы Государственного архива Иркутской области, отдел рукописей Российской государственной библиотеки, отдел манускриптов Британской библиотеки, отдел рукописей библиотеки Конгресса, США и др.) показывают, что план Шеффера мог быть осуществлен, а предварительные данные говорят о противоречиях внутри Российско-американской компании, императорского двора и позиции Великобритании, которые препятствовали развитию российско-гавайских отношений. Ныне Форт-Росс и Елизаветинская крепость являются памятниками историко-культурного наследия России на Тихом океане.

Наследие России на севере Тихого океана изучается и сохраняется силами научно-исследовательских и музейных коллективов. На Аляске перечень объектов систематизирован в ходе специальных научно-исследовательских экспедиций [Петров и др., 2011]. В городах РФ сохранение наследия русских колоний на Аляске осуществляется, как правило, силами краеведов и музейных работников. Например, особенно активно развивается такая деятельность в Тотьме, Каргополе, Рязани, где действуют выставки по истории Русской Америки, регулярно проходят конференции и семинары.

Сохранение историко-культурного наследия выражается во введении реестров, каталогов, систематизации и инвентаризации памятников истории и культуры. В том числе и создание системы национальных парков. В этой связи, перечень объектов наследия, на наш взгляд, зависит от исследовательских задач: если объектом исследования является собственно штат Аляска и острова, то к историко-культурному наследию можно отнести всю совокупность ценностей, и материальных, и нематериальных.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Принимая во внимание федеральное законодательство РФ, думается, что наследие России на севере Тихого океана необходимо разделять на две основные части: материальное наследие и духовное наследие.

К материальному наследию следует относить материальные объекты, связанные с историей

Русской Америки. Их можно разделить на три основные группы: музейные экспонаты (предметы материальной культуры), хранящиеся в музеях России и за рубежом. Например, в Эрмитаже хранится флаг РАК, а в Государственном историческом музее – денежные знаки РАК (кожаные). Описание их имеется в ряде публикаций [Алексеев, 1976]. В музее Анкориджа представлены экспонаты, связанные с Русской Америкой. Это одежда, предметы культа, бытующего на территории Русской Америки, и т. д. В России и Америке можно обнаружить разнообразные «места памяти»: это сохранившиеся здания и сооружения времен Русской Америки (дом Баранова на острове Ситха, Форт Росс в Калифорнии, каменные казармы в Иркутске, здание иркутской конторы РАК и т. п. Определенные объекты также можно трактовать как русское наследие, например причалы, форты, оборудованные гавани и т. п.

Кроме рассмотренных выше архивов документальное наследие включает в себя мемуарную литературу, сказания, легенды, воспоминания старожилов, которые отражены в аудио записях, кинофотодокументах. Например, в музеях Кадьяка содержатся коллекции таких материалов [Петров, 2019].

В северной части Тихого океана наряду с традиционными верованиями коренных народов развивались различные религиозные конфессии, в материалах которых отразились аспекты истории их взаимодействия. Духовное наследие России на Аляске и Алеутских островах определяла и определяет Русская Православная церковь (ныне Православная церковь Америки). Большинство алеутов и эскимосов исповедуют Православную веру. Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) в своей фундаментальной работе установил количество храмов, число коренных жителей Америки, принявших Православие. Установлено как развивалось взаимодействие представителей Русской Православной церкви с представителями иных конфессий [Митрополит Климент (Г. М. Капалин), 2009]. К духовному наследию можно отнести языковые заимствования, которые существуют в словаре местных жителей Аляски. В настоящее время предприняты серьезные усилия для составления словарей таких заимствований [Bergelson, Kibrik, Raskladkina, 2020]. То же самое касается устного русского языка, бытовавшего (или бытующего) в некоторых отдаленных селениях. Также к духовному наследию можно отнести бытовые заимствования (традиции, обряды, праздники). Хотя такие заимствования могли претерпеть сильное влияние с других сторон (местные традиции и т. д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, ИКН России оказало существенное влияние на развитие культуры в обширном регионе, который простирается ныне от Дальнего Востока России до Аляски, с имеющимися анклавами в Калифорнии и на Гавайских островах. ИКН России на данных территориях складывалось

в результате борьбы за колонии. Памятники такой борьбы имеются в настоящее время в Калифорнии, на Аляске и Гавайских островах. В ходе дальнейшего изучения данной проблемы будут выявлены и систематизированы объекты материальной и духовной культуры ИКН на севере Тихого океана. Исследование будет проводиться на междисциплинарной основе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолаев А. Н., Петров А. Ю. Торговые отношения Российско-американской компании с Китаем во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 3–21.
2. Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В., Коскина М. М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 130–142. doi.org/ 10.17223/19988613/66/16
3. Ермолаев А. Н., Петров А. Ю. Документы по истории и наследию Русской Америки в архивах Сибири и Дальнего Востока // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8(72). С. 19. doi.org/ 10.18254/S0002461-6-1
4. Петров А. Ю. [и др.]. История и наследие Русской Америки / А. Ю. Петров, Митрополит Климент (Капалин), М. Г. Малахов, А. Н. Ермолаев, И. В. Савельев // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.
5. Ruble B. A. Second metropolis: pragmatic pluralism in Gilded age Chicago, Silver age Moscow, and Meiji Osaka. The Woodrow Wilson intern. center for scholars. Washington: Woodrow Wilson center press; Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2001.
6. Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1976
7. Петров А. Ю. Новые документы по истории Русской Америки в зарубежных архивах // Вестник Российской академии наук. 2019. № 11. Т. 89. С. 1128–1136.
8. Митрополит Климент (Капалин Г.М.) Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М.: Олма, 2009.
9. Bergelson M., Kibrik A., Raskladkina M. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion // Quaestio Rossica. 2020. № 8. P. 916–936.

REFERENCES

1. Ermolaev, A. N., Petrov, A. Yu. (2017). Commercial Relations of The Russian-American Company With China In The Second Half Of The XIX Century. *Voprosy istorii*, 6, 3–21. (In Russ).
2. Ierusalimskiy, Yu. Yu., Davydov, V. V., Koskina, M. M. (2020). Topical Problems Of Studying Russian America In Modern Russian Historical Literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 66, 130–142. doi.org/ 10.17223/19988613/66/16 (In Russ).
3. Ermolaev, A. N., Petrov, A. Yu. (2018). Documents On The History And Heritage Of Russian America In The Siberian And Far-East Archives. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriya*, 8(72), 19. doi.org/10.18254/S0002461-6-1 (In Russ).
4. Petrov, A. Y., et al. (2011). The History And Legacy Of Russian America. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 12, 1090–1099. (In Russ).
5. Ruble, B. A. (2001). Second metropolis: pragmatic pluralism in Gilded age Chicago, Silver age Moscow, and Meiji Osaka. The Woodrow Wilson intern. center for scholars. Washington: Woodrow Wilson center press; Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press.
6. Alekseev, A. I. (1976). *Russkie geograficheskie issledovanija na Dal'nem Vostoke i v Severnoj Amerike (XIX – nachalo XX v.)* = Russian geographical research in the Far East and North America (XIX – early XX centuries). Moscow: Nauka. (In Russ).
7. Petrov, A. Y. (2019). New Documents On The History Of Russian America In Foreign Archives. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 11(89), 1128–1136. (In Russ).
8. Mitropolit Kliment (Kapalin, G. M.) (2009). *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' na Aljaske do 1917 goda* = Russian Orthodox Church in Alaska until 1917. Moscow: Olma. (In Russ).
9. Bergelson M., Kibrik A., Raskladkina M. (2020). The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion. *Quaestio Rossica*, 8, 916–936.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Александр Юрьевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской академии наук,
профессор Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrov Alexander Yurievich

Doctor of Historical Science,
Principal Research Fellow of the Institute of World History of the Russian academy of Sciences,
Professor of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 25.04.2022
одобрена после рецензирования 03.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 25.04.2022
approved after reviewing 03.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 323.1

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_61

«Протоколы сионских мудрецов» как знак эпохи

Б. Л. Хавкин

*Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия
novistor@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории антисемитской провокации XX в. – «Протоколам сионских мудрецов». Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между положениями документа и генезисом нацизма в Германии. В работе применялись историческая ретроспекция, анализ, синтез, логический и хронологический методы. При написании статьи использовались труды российских и иностранных исследователей. Автор приходит к выводу о значительном влиянии идей «Протоколов» на становление нацизма в Германии в начале XX в.

Ключевые слова: «мировой еврейский заговор», нацистская Германия, «окончательное решение еврейского вопроса», «протоколы сионских мудрецов», Холокост

Для цитирования: Хавкин Б. Л. «Протоколы сионских мудрецов» как знак эпохи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 61–66. DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_61

Original article

“Protocols of the Elders of Zion” as a Sign of the Era

B. L. Khavkin

*Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia
novistor@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the anti-Semitic provocation of the twentieth century – “Protocols of the Elders of Zion.” The purpose of the study is to identify the relationship between the provisions of the document and the genesis of Nazism in Germany. Historical retrospection, analysis, synthesis, logical and chronological methods were used in the work. When writing the article, the works of Russian and foreign researchers were used. The author concludes about the significant influence of the ideas of the “Protocols” on the formation of Nazism in Germany in the early 20th century.

Keywords: “The world Jewish conspiracy”, Nazi Germany, “the final solution to the Jewish question”, “Protocols of the Elders of Zion”, the Holocaust

For citation: Khavkin, B. L. (2022). “Protocols of the Elders of Zion” as a sign of the era. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 61–66. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_61

ВВЕДЕНИЕ

Сочиненные на рубеже XIX–XX вв. по заданию царской охраны «Протоколы сионских мудрецов» – самая известная в мире антисемитская провокация, основанная на фальсификации и плагиате. Этот факт давно доказан (*Протоколы сионских мудрецов // Энциклопедия Холокоста*).

В XX в. фальшивые «Протоколы сионских мудрецов» стали своего рода знаком эпохи поиска мировых заговоров, параноидальных форм ксенофобии и Холокоста. «Протоколы сионских мудрецов» – фальшивка, которая, по словам британского историка Нормана Кона, дала Гитлеру «благословение на геноцид» [Кон, 1990, с. 186].

«Протоколы» отравляли сознание людей в разных странах, переиздавались десятки раз многотысячными тиражами, переведены на многие языки мира. К сожалению, и в XXI в. существуют многочисленные сторонники подлинности «Сионских протоколов». Такую позицию занимают многие арабские и мусульманские правительства и политические лидеры [Хавкин, URL]. В некоторых странах изучение «Протоколов» включено в школьную программу¹.

Цель статьи – показать связь фальшивых «Протоколов» и нацистской идеологии.

«ПРОТОКОЛЫ» В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Вопрос об авторстве фальшивых «Протоколов сионских мудрецов» – предмет отдельной дискуссии. В исследованиях, посвященных этой проблеме, в качестве автора чаще всего называется имя Матвея Головинского – русского журналиста, жившего в Париже и сотрудничавшего с царской охранкой. Считается, что именно Головинский составил «Протоколы», работая под руководством главы заграничной агентуры российского Департамента полиции в Париже Петра Рачковского [Скуратовский, URL].

Если первоначально задача фальсификаторов «Протоколов» состояла в том, чтобы опорочить любую попытку модернизации Российской империи, представив ее как «еврейский проект», то по мере распространения «Протоколов» по миру эта задача стала шире: евреев обвиняли в «всемирном заговоре» для захвата власти и создания «тайного мирового правительства».

Впервые в широкой печати о существовании «Протоколов» упомянул журналист Михаил Меньшиков в статье «Заговоры против человечества», опубликованной в газете «Новое время» от 7(20) апреля 1902 г. Меньшиков сомневался

в подлинности «Протоколов» и назвал их распространителями «людьми с повышенной температурой мозга».

В 1903 г. сокращенная версия «Протоколов» была опубликована в газете «Знамя» в Санкт-Петербурге.

Философ Николай Бердяев оценил «Протоколы» как фальсификацию. Бердяев писал: «Я считаю ниже своего достоинства опровергать «Протоколы сионских мудрецов». Для всякого не потерявшего элементарного психологического чутья ясно при чтении этого низкопробного документа, что он представляет наглухую фальсификацию ненавистников еврейства» [Бердяев, 2018, с. 9].

Признать «Протоколы» фальшивкой был вынужден даже «наследственный антисемит» царь Николай II. Знаменитый «охотник за провокаторами» Владимир Бурцев утверждал, что «Николай II унаследовал свой антисемитизм от отца, Александра III, убежденного антисемита, несомненно, много сделавшего для развития в России ненависти к евреям. Для Николая II борьба антисемитов с евреями была, очевидно, “чистым делом”! Антисемиткой была и императрица Александра Федоровна. Она до конца своей жизни верила в подлинность “Протоколов” и увлекалась немецкой свастикой. Это ее связывало и с тогдашним немецким довоенным антисемитизмом, который так пышно развился впоследствии при Гитлере. Ее отношение к “Протоколам” было едва ли не единственным пунктом ее разногласий с Николаем II» [Бурцев, 2011, с. 17].

Бывший начальник петербургского охранного отделения генерал К. И. Глобачев свидетельствовал, что в 1905 г. «Чтение «Протоколов» произвело очень сильное впечатление на Николая II, который с того момента сделал их как бы своим политическим руководством. Характерны пометки, сделанные им на полях представленного ему экземпляра: «Какая глубина мысли!», «Какая предусмотрительность!», «Какое точное выполнение своей программы!», «Наш 1905 год точно под дирижерство мудрецов», «Не может быть сомнений в их подлинности», «Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства» [Хавкин, URL].

Премьер-министр П. А. Столыпин приказал произвести секретное расследование происхождения этого документа. Дознание установило подложность «Протоколов» и их авторов. Столыпин доложил об этом Николаю II, который был глубоко потрясен. На докладе деятелей «Союза Русского Народа» о возможности использовать «Протоколы» для антиеврейской пропаганды царь написал: «Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами» [Бурцев, 2011, с. 18].

¹ URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/myths-and-facts-exclusives>

В 1905 г. «Протоколы» в серии «Враги рода человеческого» издал один из идеологов «Союза русского народа» Георгий Бутми. В том же году мистик Сергей Нилус включил «Протоколы» в качестве приложения в свою книгу «Великое в малом. Близ грядущий анархист и царство дьявола на земле». К 1917 году Нилус опубликовал в России четыре издания «Протоколов».

Но только после убийства Романовых в 1918 г. эта книга превратилась в символическое «доказательство реальности» существования «всемирного еврейского заговора». «Пожалуй, никакое другое событие этого периода не способствовало в такой мере распространению антисемитизма и популяризации пресловутых “Протоколов сионских мудрецов”», – писал о екатеринбургской трагедии американский историк Ричард Пайпс [Пайпс, 2005, с. 549].

«ПРОТОКОЛЫ» И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИЗМА

После Первой мировой войны «Протоколы» выходят в свет в Польше, Франции, Англии и США. В этих изданиях ответственность за русскую революцию возлагается на еврейских заговорщиков. Более того, «еврейский большевизм» угрожает Западу. В 1920 г. американский автомобильный магнат Генри Форд публикует американизированную версию «Протоколов» – книгу «Международное еврейство», которая переводится более чем на десяток языков.

Роковые последствия имело издание «Сионских протоколов» в Германии. В эту страну «Протоколы» привезли в конце 1918 г. русские эмигранты-черносотенцы Федор Винберг и Петр Шабельский-Борк. В Берлине на них обратил внимание издатель реакционного националистического журнала «Auf Vorposten» («На посту») Людвиг Мюллер фон Гаузен (псевдоним Готтфрид цур Бек). В 1919 г. Готтфрид цур Бек небольшим тиражом издал «Протоколы» на немецком языке [Die Geheimnisse der Weisen von Zion, 1919].

Переселенец из России Альфред Розенберг, который стал идеологом гитлеровской партии и главным редактором нацистской газеты «Фёлкишер беобахтер» («Наблюдатель из народа»), предпринял массовое издание «Протоколов». Они были изданы в Германии огромными тиражами. Розенберг черпал свое вдохновение из «Протоколов», а осенью 1934 г. «Протоколы» в его редакции были введены в немецкие школьные программы [Шнирельман, 2010, с. 167].

«Протоколы» стали одной из любимых книг Гитлера: он принял как откровение начертанный

в «Протоколах» абсурдный план заговора с целью достижения господства над миром и попытался его реализовать [Хавкин, URL]. Нацистский «фюрер» использовал как раз те методы, которые авторы «Протоколов» приписывали мифическим еврейским заговорщикам. При сравнении гитлеровской книги «Майн Кампф» аналогии между «нацистской библией» и «Протоколами» прослеживается почти на каждой странице [Хавкин, 2016, с. 105]. Действительно, если целью Гитлера было мировое господство, то для достижения этой цели он мог «безжалостно» (одно из его любимых словечек) пользоваться методами и уловками, идентичными тем, которые антисемиты приписывали вымышленным сионским мудрецам [Фрекем, 2013, с. 21].

В «Майн Кампф» Гитлер пишет: «До какой степени всеобщее существование этих людей (евреев. – Б.Х.) основано на постоянной лжи, которая демонстрируется в “Протоколах сионских мудрецов”, которые так сильно ненавидят евреи... Так как эта книга стала достоянием общественности, можно считать, что еврейская угроза ликвидирована» (*Протоколы сионских мудрецов // Энциклопедия Холокоста*).

Доктор философии Пауль Йозеф Геббельс, который в Третьем рейхе стал министром народного просвещения и пропаганды, в 1924 г. писал: «Я считаю, что “Протоколы сионских мудрецов” являются подделкой ... [Но] я верю в истинную, а не фактическую правду “Протоколов”» (*Протоколы сионских мудрецов // Энциклопедия Холокоста*). Так русское черносотенство объединилось с германским национал-социализмом: их роднил погромный антисемитизм. «Сионские протоколы» с их конспирологической идеей «мирового еврейского заговора» были и остаются важнейшей частью нацистской идеологии.

Борьба с «еврейской угрозой» была одной из главных целей развязанной Гитлером Второй мировой войны. На эту борьбу Гитлера «вдохновили» в том числе и «Сионские протоколы». В мае 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер предложил шефу Главного управления имперской безопасности Эрнсту Кальтенбруннеру раздать в качестве обязательного чтения эсэсовским палачам из зондеркоманд, которые занимались «окончательным решением еврейского вопроса», антисемитскую литературу – «Протоколы сионских мудрецов» и «Еврейское ритуальное убийство» [Хавкин, 2016]. Жертвами нацистского «окончательного решения» еврейского вопроса стали 6 млн европейских евреев. Таким образом, между русской полицейской фальшивкой и Холокостом была прямая связь.

«ПРОТОКОЛЫ» И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Идеология «Протоколов сионских мудрецов» активно использовалась в конце XX – начале XXI в. в русском антисемитском дискурсе [Шраер, 2020, с. 47]. «Протоколы» полностью или в выдержках многократно публиковались русской радикальной прессой (газетами «Черная сотня», «Колокол», «День», «Память», «Аль-Кодс» и др.), популярными журналами («Кубань», «Наш современник», «Молодая гвардия»), выходили отдельными изданиями (в частности, в издательстве «Витязь»), популяризировались митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном и доводились до сведения православных христиан через издания книг С. Нилуса «Великое в малом» и «Близ есть при дверех», свободно продававшихся в церковных лавках.

Подлинность «Протоколов» пытались подтвердить историк А. Г. Кузьмин, востоковед Е. С. Евсеев, бывший сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Ю. С. Иванов, филолог и политолог Ю. К. Бегунов [Кузьмин, 1993; Евсеев, 1971; Евсеев, 2003; Иванов, 1970; Бегунов, 1993; Бегунов, 2016].

Нельзя сказать, что власти России никак не реагировали на проявления антисемитизма в стране. В 1993 г. российский суд постановил, что праворадикальная националистическая организация «Память» совершила антисемитский акт, опубликовав «Протоколы» (*Протоколы сионских мудрецов // Энциклопедия Холокоста*).

В январе 2006 г. члены Общественной палаты РФ и правозащитники предложили создать список запрещенной к распространению в России экстремистской литературы, в который были бы включены и «Протоколы сионских мудрецов» (*Общественная палата создаст список запрещенной литературы // Лента.Ру*). Однако «Протоколы» вошли в этот список лишь в 2010 г. Решением Ленинского районного суда Оренбурга от 26.07.2010 г. брошюра «Протоколы сионских мудрецов» внесена в федеральный список экстремистских материалов под номером 1496 (*Список экстремистских материалов // Министерство юстиций Российской Федерации*).

Казалось бы, вопрос с распространением в России этой самой известной антисемитской фальшивки решен. Но в 2011 г. МИД РФ разместил заказ на «поставку в дипломатические представительства Российской Федерации комплектов духовно-нравственной литературы», в который вошла книга С. Нилуса «Великое в малом», включающая в себя «Протоколы сионских мудрецов» и другие антисемитские издания (*Сведения о заказе // Единая информационная система в сфере закупок*).

Если в МИД РФ черпают духовно-нравственные силы из «Протоколов сионских мудрецов», то пассаж министра иностранных дел С. В. Лаврова в интервью от 1 мая 2022 г. о «еврейской крови Гитлера» становится понятен (*МИД Израиля вызвал посла России после слов Лаврова о Гитлере // Интерфакс*). Отметим, что Президенту В. В. Путину пришлось извиниться перед премьером Израиля Н. Беннетом за слова своего министра. Впрочем, в официальном сообщении Кремля об извинении Путина не говорится (*Израиль сообщил об извинении Путина за слова Лаврова // Forbes*). Это было извинение перед Израилем, а не перед Россией, в которой министр иностранных дел может безнаказанно разглагольствовать о том, что «самые ярые антисемиты, как правило, евреи» (*Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова итальянской телекомпании «Медиасет», Москва, 1 мая 2022 года // МИД Российской Федерации*).

«Еще одна «красная линия» в языке ненависти (конспирологические предположения как минимум со времен «Протоколов сионских мудрецов» – часть этого языка) перейдена, можно ли ожидать продолжения?», – задает риторический вопрос журналист Андрей Колесников (*«Камингаут» антисемитов // Газета.ru*¹).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеология «Сионских протоколов», к сожалению, во многом остается знаком эпохи. Об этом свидетельствует и новое (2017) издание Сергея Нилуса, содержащее пресловутые «Протоколы» [Нилус, 2014].

Философ А. Г. Дугин убежден: «творчество Сергея Нилуса сегодня намного более актуально, чем творчество Льва Толстого» [Умланд, Шеховцов, 2010, т. 7, с. 172]. А. Г. Дугин утверждает: «Осуществились не толстовская свобода и торжество народного духа, а красный террор, царубийство, снос церквей. При этом явилась «группа кровавых фанатиков», удивительно, даже визуально напоминающих карикатуры на всё тех же пресловутых несуществующих вымышленных мудрецов... Ну и вымысел, ну и подделка! Сбывшиеся, вплоть до малейших деталей... Самая успешная хитрость дьявола состоит в том, чтобы убедить человечество, что его не существует, как не существует никаких сионских мудрецов, никакого политического антихриста, никакого мирового правительства – и как видно, это до сих пор очень успешно действует» [Дугин, 2016]. К сожалению, перефразируя известный лозунг советских времен, можно сказать, что «дело Нилуса живет и побеждает»...

¹ URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/12352009.shtml>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М. : Прогресс, 1990.
2. Хавкин Б. Л. От мифа о «ритуальном убийстве» до Холокоста // НГ Религии. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-10-16/14_452_version.html
3. Скуратовский В. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов» // Институт Иудаики. URL: <https://judaica.kiev.ua/old/Skuratovskiy.htm>
4. Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Путь. 1938. № 56. С. 3-18.
5. Бурцев В. Л. «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог. М. : Книга по Требованию, 2011.
6. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М. : Адити : Захаров, 2005.
7. Die Geheimnisse der Weisen von Zion: die Veröffentlichung von Gottfried zur Beek und die kritische Gegenschrift von Binjamin Segel. Charlottenburg, 1919.
8. Шнирельман В. А. Лица ненависти (Антисемиты и расисты на марше). М. : Московское бюро по правам человека : Academia, 2010.
9. Хавкин Б. Л. О научном немецком издании книги «Майн Кампф» // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 103–114.
10. Фрекем Дж. Гитлер и его бог. За кулисами феномена Гитлера. М. : Адити, 2013.
11. Шраер М. Д. Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы. СПб. : Academic Studies Press, 2020.
12. Кузьмин А. Г. Какой фашизм нам угрожает? // Молодая гвардия. 1993. № 8. URL: <http://wap.comunist.borda.ru/?1-12-0-00000079-000-0-0-1423593158>
13. Евсеев Е. С. Сионизм: идеология и политика. М. : Изд-во политической литературы, 1971.
14. Евсеев Е. С. Сионизм в системе антикоммунизма. М. : Изд-во политической литературы, 2003.
15. Иванов Ю. С. Осторожно: синонизм! М. : Изд-во политической литературы. 1970.
16. Бегунов Ю. К. Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // Русский вестник. 1993. №7. URL: <https://begunov.spb.ru/indexe0e0.html>
17. Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России / состав. П. В. Тулаев ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2016.
18. Нилус С. А. «Близ есть, при дверех...». М. : Алгоритм, 2014.
19. Умланд А., Шеховцов А. Philosophia Perennis и «неоевразийство»: роль интегрального традиционализма в утопических построениях Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 2. Т. 7. С. 169–186.
20. Дугин А. Наследие Сергея Нилуса актуальнее, чем Льва Толстого // Царьград TV, 09.09.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-nasledie-sergeja-nilusa-aktualnee-chem-lva-tolstogo_25328

REFERENCES

1. Kon, N. (1990). Blagoslovenie na genocid. Mif o vseмирnom zagovore evreev i «Protokolah sionskih mudrecov» = Warrant for Genocide: The Myth of the Jewish World Conspiracy And the Protocols of the Elders Of Zion. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Khavkin, B. L. Ot mifa o «ritual`nom ubijstve» do Xolokosta = From the myth of «ritual murder» to the Holocaust. NG Religii. https://www.ng.ru/ng_religii/2018-10-16/14_452_version.html (In Russ.)
3. Skuratovskij, V. Problema avtorstva «Protokolov sionskix mudreczov» = The Problem of the Authorship of the Protocols of the Elders of Zion. Institut Iudaiki. <https://judaica.kiev.ua/old/Skuratovskiy.htm> (In Russ.)
4. Berdyayev, N. A. (1938). Hristianstvo i antisemitizm = Christianity and anti-Semitism. Put', 56, 3–18. (In Russ.)
5. Burcev, V. L. (2011). «Protokoly sionskih mudrecov» – dokazannyj podlog = The Protocols of the Elders of Zion are a proven forgery. Moscow: Kniga po Trebovaniyu. (In Russ.)
6. Pajps, R. (2005). Russkaya revolyuciya = Russian revolution: in 3 vols. Vol. 2. Bol'sheviki v bor'be za vlast` = Bolsheviks in the struggle for power. 1917–1918. Moscow: Aditi : Zaxarov. (In Russ.)
7. Die Geheimnisse der Weisen von Zion: die Veröffentlichung von Gottfried zur Beek und die kritische Gegenschrift von Binjamin Segel (1919). Charlottenburg.
8. Shnirelman, V. A. (2010). Lica nenavisti (Antisemity i rasisty na marshe) = Faces of hatred (Anti-Semites and racists on the march). Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka : Academia. (In Russ.)

9. Khavkin, B. L. (2016). About the Scientific German Edition of the Book "Mein Kampf". *Novaya i noveishaia istoriia*, 4, 103-114. (In Russ.)
10. Frekem, Dzh. (2013). *Gitler i ego bog. Za kulisami fenomena Gitlera = Hitler and his God: The Background to the Nazi Phenomenon*. Moscow: Aditi. (In Russ.)
11. Shraer, M. D. (2020). *Antisemitizm i upadok russoj derevenskoj prozy = Antisemitism and the Decline of Russian Village Prose*. Saint Petersburg: Academic Studies Press. (In Russ.)
12. Kuz'min, A. G. (1993). *Kakoj fashizm nam ugrozhaet? = What kind of fascism threatens us? Molodaya gvardiya*, 8. <http://wap.comunist.borda.ru/?1-12-0-00000079-000-0-0-1423593158> (In Russ.)
13. Evseev, E. S. (1971). *Sionizm: ideologiya i politika = Zionism: Ideology and Politics*. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russ.)
14. Evseev, E. S. (2003). *Sionizm v sisteme antikommunizma = Zionism in the system of anti-Communism*. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russ.)
15. Ivanov, Yu. S. (1970). *Ostorozhno: sinonizm! = Caution: Zionism!* Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russ.)
16. Begunov, Yu. K. (1993). *Byl li Nilus avtorom «Protokolov Sionskix mudreczov?» = Was Nilus the author of the Protocols of the Elders of Zion?* *Russkij vestnik*, 7. <https://begunov.spb.ru/indexe0e0.html> (In Russ.)
17. Begunov, Yu. K. (2016). *Tajny'e sily' v istorii Rossii = Secret Forces in the History of Russia*. Ed. by O. A. Platonov. Moscow: Institut russoj civilizacii. (In Russ.)
18. Nilus, S. A. (2014). «Bliz est', pri dverex...» = «Near there, at the door ...». Moscow: Algoritm. (In Russ.)
19. Umland, A., Shexovcov, A. (2010). *Philosophia Perennis i «neoevrazijstvo»: rol' integralnogo tradicionalizma v utopicheskix postroeniyax Aleksandra Dugina = Philosophia Perennis and «neo-Eurasianism»: the role of integral traditionalism in Alexander Dugin's utopian constructions*. *Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kultury*, 2 (7), 169–186. (In Russ.)
20. Dugin, A. (2016, September 9). *Nasledie Sergeya Nilusa aktualnee, chem Lva Tolstogo = The legacy of Sergei Nilus is more relevant than Leo Tolstoy*. *Czargrad TV*. https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-nasledie-sergeja-nilusa-aktualnee-chem-lva-tolstogo_25328 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хавкин Борис Львович

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khavkin Boris Lvovich

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH)

Статья поступила в редакцию 17.06.2022
одобрена после рецензирования 05.07.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 17.06.2022
approved after reviewing 05.07.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 94(4)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_67

Причины снижения социального статуса печенегов в Венгрии в X–XI вв.

М. К. Юрасов

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

mihail_yurasov@mail.ru

Аннотация. После переселения венгров на Средний Дунай у них сохранился отрицательный этнический стереотип печенегов, хотя крупных конфликтов между ними не было. Потеря печенегами гегемонии в Северном Причерноморье способствовала переселению части печенегов на территорию Венгрии. Постепенно таких переселенцев перестали привлекать на военную службу, а с развитием в Венгрии феодальных отношений в XI в. печенеги, проживавшие на ее территории,полнили ряды крепостного крестьянства. Методологическая основа работы – разработанные венгерскими исследователями приемы анализа средневековых источников.

Ключевые слова: венгерско-печенежские отношения в средние века, переселение печенегов в Венгрию, становление феодальных отношений в Венгрии

Для цитирования: Юрасов М. К. Причины снижения социального статуса печенегов в Венгрии в X–XI вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 3(848). С. 67–74. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_67

Original article

The Reasons for the Decline in the Social Status of the Pechenegs in Hungary in the 10th–11th Centuries

M. K. Yurasov

Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

mihail_yurasov@mail.ru

Abstract. After the migration of Hungarians to the Middle Danube, they retained a negative ethnic stereotype of the Pechenegs, although there were no major conflicts between them. The loss of hegemony by the Pechenegs in the Northern Black Sea region contributed to the resettlement of part of the Pechenegs to the territory of Hungary. Gradually, such settlers were no longer recruited for military service, and with the development of feudal relations in Hungary in the 11th century. the Pechenegs who lived on its territory joined the ranks of the serfs. The methodological basis of the work is the methods of analysis of medieval sources developed by Hungarian researchers.

Keywords: Hungarian-Pecheneg relations in the Middle Ages, the resettlement of the Pechenegs to Hungary, the formation of feudal relations in Hungary

For citation: Yurasov, M. K. (2022). The reasons for the decline in the social status of the Pechenegs in Hungary in the 10th–11th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 67–74. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_67

ВВЕДЕНИЕ

Отношения между венграми и печенегами в первые полвека их непосредственных контактов (вторая половина IX в.) характеризуются непримиримой враждой. Именно печенеги в конце IX в. изгнали из Северного Причерноморья венгров и присоединившиеся к ним этнические группы, результатом чего стало закрепление у средневековых венгров отрицательного этнического стереотипа печенегов [Шушарин, 1997, с. 138]. Однако территории распространения этих кочевых объединений теперь разделяли Карпатские горы, что способствовало не только преобладанию между ними мирных и временами союзнических отношений, но и переселению отдельных групп печенегов на земли, верховными правителями которых считались венгерские вожди (позднее – короли) из династии Арпадов.

Эволюция отношений между венграми и печенегами в большей степени интересовала венгерских историков, чем их зарубежных коллег. Для отечественных же специалистов она была не интересна. Даже в известной работе Д. Расовского «Печенеги, торки и берендеи в истории Древней Руси и в Угрии» [Расовский, 2017], где рассматривается в том числе начало переселения печенегов на территорию Венгрии, ощущается недостаточное знакомство ее автора со средневековыми венгерскими источниками.

Среди венгерских исследователей наибольший вклад в изучение истории венгерско-печенежских отношений внёс Д. Дёрффи, написавший классический труд «Печенеги и венгры», который только в XX в. выдержал четыре издания, а также ряд статей, где рассматриваются отдельные аспекты печенежско-венгерских отношений. Названный труд и наиболее значимые статьи Д. Дёрффи о печенегах представлены в сборнике его избранных исследований «Восточные элементы венгров (венгерского этноса), которым пользовался автор этих строк» [Györfy, 1990]. Д. Дёрффи проанализировал все основные сведения о контактах между венграми и печенегами, в том числе переселения отдельных групп печенегов на территорию сначала Венгерского союза племен, а затем Венгерского королевства.

Венгерские археологи достаточно хорошо изучили места поселений печенегов на территории средневековой Венгрии [Páloczi Horváth, 2014, с. 19–56], подтвердив многие сведения об этом, содержащиеся в письменных источниках. Общеизвестно, что по своему социальному статусу печенеги не достигли в Венгрии такого же положения, как половцы (куны) или ясы (аланы), позднее имевшие свои анклавы с официально признаваемыми центральной властью границами. Однако до сих пор не обращалось внимание на то, почему

печенегам была уготована такая участь в обществе тех, чьих предков они когда-то неоднократно громили и разоряли.

УЧАСТИЕ ПЕЧЕНЕГОВ В ОСВОЕНИИ ВЕНГРАМИ СРЕДНЕГО ПОДУНАВЬЯ

Часть печенегов, согласно венгерским средневековым преданиям, во время прохождения «угров» через южную Русь (ок. 896 г.) решила присоединиться к венгерским племенам. Об этом свидетельствует некий магистр П. – автор древнейшего из дошедших до нас исторических сочинений королевства Венгрии («Деяний венгров»). В своей романизированной хронике, созданной на рубеже XII–XIII вв., он пишет, что во время прохождения «хунгаров» (венгров) через «Ругению» (южную Русь) некие «куманы» (Cumani) присоединились к «хунгарам» и ушли вместе с ними в Паннонию (соврем. Венгрия). Куманами в данном случае могли быть только печенеги, хотя в рассматриваемом сочинении встречаются и этникины «биссены» (Bisseni) и «пиценаты» (Picenati), несомненно, обозначающие только печенегов [Anonymus 1937, с. 66, 102, 113, 116]. Присоединившимся тогда к венграм печенегам отвели для поселения область на границе с германской Восточной маркой (будущая Австрия), за болотом Мошон (соврем. озеро Ферте), причем магистр П. связывает это с правлением преемника Арпада – верховного вождя Жолта (перв. пол. X в.) [там же, с. 113–114]. Данные археологии и топонимии, упоминаемой в венгерских королевских дипломах, подтверждают проживание печенегов в этой местности в XI–XII вв. и допускают появление их там в X в. [Hatházi, 1990, с. 27].

Вероятное присоединение части печенегов к племенам Арпада, несмотря на существовавшие между ними до этого в течение полувека враждебные отношения, не должно вызывать удивления. Печенеги в то время не были единым народом. Константин Багрянородный в гл. 37 трактата «Об управлении империей» (между 948–952) перечисляет восемь печенежских племен (фем) [Багрянородный 1991, с. 154–157]. Решение о переселении, скорее всего, приняла политическая элита одного или нескольких племен. Римский историк IV в. Аммиан Марцеллин описывает аналогичную ситуацию, когда часть гуннов после разгрома ими в 375 г. мощного межплеменного объединения готов, присоединилась к побежденным готам, замыслившим набег на Римскую империю [Марцеллин 1996, с. 323].

Константин Багрянородный в гл. 8 названного трактата пишет, что венгры якобы испытывали страх перед печенегами в первой трети X в. В ответ на призыв посланного к ним византийским

императором посла – клирика Гавриила – изгнать печенегов из мест бывших венгерских кочевий, «турки» (= венгры) ответили: «Сами мы не вяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними, – страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам» [Багрянородный 1991, с. 44–45]. К сожалению, Константин не дает никаких хронологических ориентиров для датировки миссии Гавриила. Исследователи относят ее ко времени после смерти болгарского царя Симеона, т. е. после 927 г. [там же, с. 290, прим. 8], но сомневаются в том, что венгры панически боялись печенегов в то время – они могли скрывать за этим «страхом» нежелание воевать с ними [там же, с. 284, прим. 1].

В то время печенеги не интересовались венграми, расселившимися в Карпатской котловине по причине их активного участия в набегах на Русь и Балканы, в то время как венгры разоряли земли Центральной, Южной и Западной Европы. Около 922 г. константинопольский патриарх Николай Мистик (912–925, второе правление) в одном из писем грозит Симеону тем, что Византия может направить против Болгарии коалицию «северных народов» в составе венгров, печенегов и «росов» [Mogavcsik, 1984, с. 26], хотя это так и осталось «декларацией о намерениях». Вряд ли венгры и печенеги установили в то время союзнические отношения, но, по крайней мере, они уже не были злейшими врагами.

Первый совместный набег венгров и печенегов на Византию состоялся в 934 г. О нем сохранились краткие сведения в созданной во второй половине X в. византийской хронике Продолжателя Георгия Амартола (или хронике Логофета) [Истрин, 1920, с. 566] и более подробный рассказ у арабского историка, географа и литератора ал-Мас'уди (ок. 896–956) в его сочинении «Промывальни золота и рудники самоцветов» [Коновалова, 1999]. Венгры в 933 г. были разгромлены немецким королем Генрихом I Птицеловом (919–936) на р. Риаве близ Мерзебурга. Удачный набег на Византию вернул венграм уверенность в своих силах после поражения в Германии.

Не сумев создать антиболгарскую коалицию из печенегов, росов и венгров, Византия пыталась проводить по отношению к ним политику «разделяй и властвуй!». В гл. 4 трактата «Об управлении империей» можно прочитать: «пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки (венгры) не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезвычайных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев, Пачинакиты, связанные дружбой

с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю» [Багрянородный, 1991, с. 38–39].

Однако Византии не удалось воспрепятствовать нападениям названных «варваров» на свои северо-западные провинции, чему в немалой степени способствовало заметное ослабление Болгарии при правлении Петра (927–969), когда это государство перестало быть для «империи ромеев» надежным «буфером», сдерживавшим натиск на Балканы более северных соседей. Хотя источники не упоминают о нападениях печенегов на Византию между 935 и 969 гг., те не препятствовали венграм совершать такие набеги в 943, 959, 961, 963 гг. В 970 г. «империи ромеев» пришлось воевать с мощной коалицией, собранной киевским князем Святославом Игоревичем (нач. 960–972-х гг.), куда вошли русы, печенеги, болгары и венгры.

Исторические предания средневековой венгерской народности сохранили память о том, что мирные отношения между венграми и печенегами в X в. скреплялись установлением матримониальных связей между их правящими родами. По свидетельству магистра П., во время правления верховного вождя венгров Жолта (перв. пол. X в.) его сыну Такшону нашли «жену из земли куманов» [Anonymus, 1937, с. 114]. Трудно сказать, какие степняки скрываются под этниконом «куманы». Венгерские исследователи считают, что супруга Таксона могла быть не только печенежкой, но и происходить из Хазарии и даже из Волжской Булгарии [Kristó–Makk, 1988, с. 23–24].

В «Деяниях венгров» магистра П. содержится еще одно свидетельство о переселении печенегов на территорию Венгерского союза племен, уже во время правления верховного вождя Таксона (ок. 955–970/2). На этот раз «из земли печенегов пришел некий воин из рода вождя, имя которому было Тонузоба, отец Эркенда; от него идет род Томай. Но этот Тонузоба дожил до времен внука вождя Таксона святого короля Иштвана. И когда святой король Иштван проповедовал слова жизни и крестил венгров, то Тонузоба не захотел стать христианином, но был погребен с женою живьем у переправы Абад, чтобы, не крестившись, не жить вечно во Христе. Но его сын Эркенд, став христианином, живет вечно во Христе» [Anonymus, с. 116–117].

Конечно, трудно комментировать это уникальное свидетельство, тем более что оно содержится в сочинении, одной из главных целей написания которого было прославление предков некоторых знатных венгерских родов конца XII – начала XIII в. путем фиксации в историческом труде их родовых преданий. Тем не менее современные венгерские археологи заявляют о том, что ими обнаружены

следы поселения печенегов X в. в Среднем Подунавье, которых они называют «народом Тонузобы» [Páloczi Horváth, 2014, с. 37–56].

До нас не дошли другие сведения о переселении печенегов в X в. на территории, освоенные венгерскими племенами и присоединившимися к ним иными этническими группами. В связи с тем уровень социально-экономического развития венгерских земель на рубеже X–XI вв. еще не соответствовал сложившемуся классовому обществу, поселявшиеся там печенеги не теряли своего социального статуса, оставаясь кочевниками, и участвовали в походах венгров на соседние государства. Часть их постепенного оседала и переходила к земледельческому образу жизни. Такой вывод можно сделать из более поздних королевских дипломов, рассматриваемых ниже.

ПОТЕРЯ ПЕЧЕНЕГАМИ ГЕГЕМОНИИ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В первой половине XI в. печенеги постепенно перестают быть организаторами самостоятельных нашествий на соседние государства, и их воинство всё больше привлекается христианскими государствами в качестве вспомогательных отрядов, когда им не хватает собственных сил для борьбы со своими противниками. В 1003–1018 гг. сильнейшим правителем в регионе, с которым соседнили западные племена печенегов, был польский князь Болеслав I Храбрый (990/992–1025, с. 1025 – король). Он распространил свою власть не только на Чехию и Моравию, но и на северо-западные окраины Венгерского королевства, о чем свидетельствует созданная во второй половине XIII в. Польско-венгерская хроника [Chronicon Hungarico-Polonicum, с. 310–311]. Болеслав I Храбрый удерживал захваченные земли королевства Венгрии до 1017 г. [Györffy, 1987, с. 773, 811].

Временем между 1014 и 1017 гг. исследователи датируют набег печенегов на Трансильванию. Об этом набеге повествует лишь лишённое каких-либо датировок «Большое житие Иштвана Святого» в гл. 13. Создание этого агиографического сочинения примерно датируется временем подготовки к канонизации первого венгерского короля, состоявшейся в 1083 г. [Az államalapítás korának írott forrásai, 1999, с. 268]. Целью печенегов тогда был административный центр Трансильвании – Дюлафехервар. Никаких подробностей этого набеге житие не сообщает, поскольку задачей агиографа было показать примеры оказания королю божественной помощи. Однажды ночью во сне Иштван получил настоятельный совет послать

гонца в Трансильванию, чтобы собрать как можно скорее и как можно больше вооруженных людей для защиты Дюлафехервара, на который готовятся напасть печенеги. В результате своевременно предпринятых действий жизнь и свобода многих людей была сохранена [Legenda Sancti Stephani, с. 389]. Набег печенегов на Трансильванию, по мнению венгерских историков, был одной из военных операций продолжавшегося до 1017 г. польско-венгерского конфликта [Györffy, 1990, с. 110–111], когда Болеслав Храбрый мог нанять ополчение одного или нескольких печенежских племен.

Замирение Болеслава Храброго с Иштваном Святым в 1017 г. было вызвано активным участием польского князя в борьбе его зятя Святополка Ярополковича (прозванного русскими книжниками «Окаянным») за Киев. В 1018 г. в войске Болеслава I, которое изгнало Ярослава Мудрого из Киева, наряду с поляками и печенегами, были и венгры, о чем свидетельствует Титмар Мерзебургский [Thietmar, 1935, с. 530].

В 30-е годы XI в. появляются сведения о печенегах в тогдашних венгерских источниках. До создания исторических сочинений в Венгрии в то время очередь еще не дошла. Речь в данном случае идет о сочинениях одного из первых венгерских святых – происходившего из Италии епископа Геллерта (ум. в 1046), где он носил имя Герхарда. После победы Иштвана I над правителем одной из южных областей Карпатской котловины Айтоне (не позднее 1030 г.) на этой подчинившейся центральной власти территории было создано Чанадское епископство во главе с Герхардом/Геллертом. Бывшие владения Айтоня граничили с самыми дальними юго-западными пределами распространения печенегов. Согласно Константину Багрянородному, в середине X в. в этой местности кочевало племя Гиазихопон [Багрянородный, 1991, с. 156–157]. Сохранило ли оно за собой земли будущего Баната, сказать трудно, поскольку восемь печенежских «фем» Константина Багрянородного превратились в 13 «родов» этого же народа, о чем свидетельствует Иоанн Скилица [Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, 1973, с. 455].

По свидетельству Геллерта, печенеги, проживавшие во второй трети XI в. вдоль южных границ Венгерского королевства, активно интересовались христианством. В предисловиях (praedicationes) к написанным в то время гомилиям епископ Геллерт жалуется: «...при почти полном отсутствии книг, разошедшихся среди язычников, будучи поставлен христианнейшим королем Стефаном епископом той провинции на границах Паннонии, которая соседит с печенегами, которым никогда до

времени мучеников не было проповедано славное слово Божие...» [Szegefű, 1999, с. 13] он не может заниматься написанием своих трудов [Szegefű, 1994]. Поскольку речь в цитированном отрывке идет явно о еще здравствующем короле Иштване Святом, его написание относится ко времени между 1030–1038 гг.

В целом же отношения между венграми и печенегами в рассматриваемое время были сложными, о чем ярко свидетельствует помещенный в самом раннем (не дошедшем до нас) венгерском историческом сочинении рассказ о том, как попали на Русь двоюродные племянники Иштвана I Святого Эндре (Андраш) и Левенте. Названные венгерские герцоги вынуждены были скрываться от королевского гнева сначала в Чехии, затем в Польше, откуда они отправились на восток в надежде найти приют при дворе Ярослава Мудрого. Самый короткий путь – из Польши через один из Карпатских перевалов и далее через «Лодомерию» (Владимир-Волинский) – оказался для них закрытым, поскольку «князь Лодомерии» не пустил их на территорию Руси, и им пришлось некоторое время пребывать среди печенегов. Один из венгерских невольников, находившихся в плену у печенегов, предупредил герцогов о том, что печенеги собираются их убить. Тогда Эндре (Андраш) и Левенте предприняли вторую попытку попасть на Русь, оказавшуюся успешной, и они, наконец, нашли приют у Ярослава Мудрого [Simonis de Keza, с. 177; Chronici Hungarici compositio, с. 336].

ВСТРАИВАНИЕ ПЕЧЕНЕГОВ В ВЕНГЕРСКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Средневековые венгры различали два типа печенегов – «свои» (потомки переселенцев прежних эпох) и «чужие» (проживавшие за пределами страны). Если «свои» постепенно встраивались в феодализирующуюся социальную структуру королевства, то «чужие» даже в условиях потери ими гегемонии в степях Восточной Европы в середине XI в. продолжали оставаться опасными соседями Венгерского королевства. Правда, последних можно было использовать в борьбе с другими внешними врагами. Так, Андраш I (Эндре) (1046–1060), едва не погибший от рук печенегов (см. выше), в борьбе с германским императором Генрихом III (1039–1056) вынужден был призвать их на помощь. Об участии «биссенов» в этой войне повествует Композиция венгерских хроник XIV в. в гл. 89, написание первоначального варианта которой исследователи относят ко времени правления Андраша I (Эндре) или его сына Шаламона

(1063–1074). Здесь можно прочитать: «венгры и печенеги каждую ночь истребляли их [немецких воинов], поражали отравленными стрелами и, протягивая веревки между их шатрами, нападали на тех, кто старался им услужить» [Chronici Hungarici compositio, с. 348–349].

Поскольку в Венгрии во второй половине XI в. ускорилось развитие феодальных отношений, ее население подвергалось всё большей социальной дифференциации, сопровождавшейся закреплением в королевских грамотах (прямо или косвенно) статуса отдельных людей или приписанных к земле групп сельского населения. Не избежали этой участи и «свои» печенеги. Сравнение двух дошедших до нас дипломов того времени о пожаловании монастырям, находившимся в разных частях королевства, ярко показывает понижение социального статуса печенегов, предки которых когда-то решили обосноваться на венгерской земле.

Приблизительно 1067 г. датируется составление грамоты о наделении королем Шаламоном (1063–1074) землями и зависимыми людьми бенедиктинского монастыря в Сазде. В этой грамоте содержатся свидетельства не только об «укоренении» группы печенегов на землях Венгерского королевства, но и об их социальном статусе. Что касается первого из названных ракурсов, то в дипломе Шаламона упоминаются «колодец печенегов» (puteus Bissenorum) и «кладбище печенегов» (sepultura Bissenorum) [Diplomata Hungariae Antiquissima, 1992, с. 183]. Всё это свидетельствует о длительности проживания здесь этой этнической группы к моменту составления грамоты. Следует отметить, что Сазд находится на Тисе, в ее среднем течении, на территории современного медье Боршод-Абауй-Земплен. Во время основания монастыря местность, где он располагался, уже не считалась приграничной. Создание Иштваном I Святым (997–1038) первых королевских замковых округов (комитатов) к северу, северо-востоку и востоку от Сазды сделало его менее доступным для нападений воинственных соседей. В связи с этим можно предположить, что печенеги поселились здесь уже в X в., когда размер освоенной венграми территории Карпатского бассейна был значительно меньше и верхнее течение Тисы представляло собой одну из границ «ядра» Венгерского племенного союза.

Рассматриваемый диплом свидетельствует о сохранении некоторыми печенегами достаточно высокого социального статуса среди населения той земли, которая передавалась монастырю. В нем указаны «104 манса с держателями, 30 всадников: 20 венгерских и 10 печенежских» [там же, с. 184]. Как видно из этого перечисления, венгерские

и печенежские конники упоминаются отдельно от простых крепостных – держателей мансов, хотя их малочисленность – всего три десятка – предполагает, что ими не исчерпывается зависимое население венгерского и печенежского происхождения. Остальные их единоплеменники, скорее всего, уже тогда были типичными держателями мансов.

Проживание на земле феодала его военных слуг – в данном случае конников, которых он брал с собой на войну, свидетельствует о раннефеодалном характере отразившегося в тексте рассматриваемой грамоты венгерского общества. Безусловно, эти люди составляли верхушку тогдашнего класса несвободных людей, еще весьма пёстрого из-за сохранения в нем нескольких страт, различавшихся по степени своей зависимости от землевладельца (в роли которого могла выступать и королевская власть). Поскольку венгры лишь в конце X в. начали переходить от полукочевого к оседлому образу жизни, кавалерия еще долго составляла основу их войска, поэтому (а также по причине наличия больших неосвоенных пространств) правители Венгрии охотно предоставляли места для поселения выходцам из других земель, тем более кочевникам.

О том, что печенеги достаточно быстро смешались с коренным сельским населением, подтверждает следующий по времени дошедший до нас диплом, в котором они упоминаются – грамота об основании монастыря в Гарамсентбенедеке, изданная в 1075 г. Этот монастырь (св. Бенедикта) находился на р. Грон (*венг.* Гарам) в предгорьях Карпат, на территории соврем. Западной Словакии. В рассматриваемой грамоте упоминаются пожалованные монастырю две деревни, населенные печенегами. При этом нет даже намека на то, что кто-то из этих бывших кочевников определен для несения воинской службы и входит в особый конный отряд.

Вот отрывок из текста грамоты короля Гезы I (1074–1077), в которой перечислены его пожалования монастырю в Гарамсентбенедеке: «...Я отдал также деревню печенегов для пахоты по названию Таззар над Житвой с землей в 20 пахотных полей <...> А кроме того, я отдал другую деревню удвардских печенегов для пахоты над той же самой рекой Житвой, с землей <семидесяти двух пахотных полей>...» [Diplomata Hungariae Antiquissima, 1992, с. 214]. Река Житва является левым притоком Нитры и протекает по территории современной Словакии. Память о проживании здесь некогда печенегов сохранило название находящегося на Житве г. Бешенов.

Как видно из приведенной цитаты, проживавшие в бассейне р. Житвы печенеги были уже типичными крепостными крестьянами, пахарями, которые по решению короля с момента издания

рассматриваемой грамоты обязаны были выполнять феодальные повинности в пользу монастыря св. Бенедикта. Это ярко показывает изменение отношения венгерских королей и их окружения к соседним кочевым народностям в последней трети XI в. Обозначенная еще Иштваном Святым в начале того же столетия линия на создание на всей территории Карпатской котловины системы королевских замковых округов (комитатов) была продолжена его преемниками. Результатом этого стало постепенное административное «освоение» окраин Венгерского королевства, что позволило в XII в. полностью отказаться от услуг федератов и ликвидировать особые пограничные области типа западноевропейских марок.

Приниженное положение тех групп печенегов, которые достаточно рано обосновались на землях средневековой Венгрии, разумеется, не означает, что печенежский этнос находился во время издания цитированных грамот на грани полного исчезновения. Наличие на территории будущих Валахии и Молдавии огромных свободных пространств, не попавших под власть правителей возникших по соседству государственных образований, позволяла отдельным группам печенегов участвовать в военных конфликтах между этими государствами в качестве нанятых за плату и обещание доли от будущей добычи вспомогательных боевых отрядов. Так, они были привлечены на помощь в 1085 г. потерявшим престол венгерским королем Шаламоном во время его войны с двоюродным братом Ласло I Святым (1077–1095).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так и не вступившие на путь этнополитической консолидации печенеги в X в. перестали восприниматься венграми как серьезная угроза для своих пределов, а в конце следующего столетия поселившихся на территорию Венгрии печенегов стали рассматривать как часть феодально-зависимого крестьянства. Отрицательный этнический стереотип печенегов в раннесредневековом венгерском обществе и создание в XI–XII вв. разветвленной системы королевских замковых округов (комитатов) позволило правителям из династии Арпадов постепенно отказаться от привлечения проживавших на территории их государства печенегов для несения военной службы. Это отличает печенегов от половцев (кунов) и ясов (аланов), к которым венгерские короли относились со значительно бóльшим уважением, долгое время признавая их особым военным сословием и позволяя им иметь свои анклавные территории на подвластных королям землях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М. : Росспэн, 1997.
2. Расовский Д. Печенеги, торки и берендеи на Руси в Угрии // Половцы, торки, печенеги, берендеи. М. : Ломоносовъ, 2017. С. 132–185.
3. Györffy Gy. A magyarság keleti elemei. Budapest: Gondolat, 1990.
4. Pálóczi Horváth A. Keleti népek a középkori Magyarországon. Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei / Szerk. Major B. – Türk A. Budapest: Piliscsaba, 2014.
5. P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich, annotationes exegeticas adiecit D. Pais // SRH. 1937. Vol. I. P. 13–117.
6. Hatházi G. Az Árpád-kori magyar hadsereg nomád elemének kérdéséhez. A besenyők // Hadtörténelmi Közlemények. 1990, 103. 2. sz. 22–60.
7. Багрянородный К. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М. : Наука, 1991.
8. Марцеллин А. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб. : Алетей, 1996.
9. Moravcsik Gy. Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai. Budapest: Akadémiai kiadó, 1984.
10. Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе (Текст, исследование, словарь). Т. I. Текст. Петроград : Российская государственная академическая типография, 1920.
11. Коновалова И. Г. К вопросу об этнониме нѹкарда у ал-Мас'уди // Средневековая Русь. Ч. 2. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 4–20.
12. Kristó Gy., Makk F. Az Árpád-házi uralkodók. Budapest: IPM Könyvtár, 1988.
13. Chronicon Hungarico-Polonicum = Chronicon Hungarico-Polonicum / Ed. I. Deér // SRH. Vol. II. P. 289–320.
14. Györffy Gy. Államszervezés // Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és a magyar történet 1242-ig / Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987. 717–834.
15. Az államalapítás korának írott forrásai / Az előszót írta, a szövegeket válogatta. A kötetet szerkesztette Kristó Gy. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 1999.
16. Legenda S. Stephani – Legenda S. Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hatrvico episcopo conscripta / Ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. P. 363–440.
17. Thietmar, 1935 – Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Ed. Holtzmann. Berlin, 1935 [MGH SS rer. Germ. NS. T. 9].
18. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Fec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter, 1973.
19. Szegfű L. Még egyszer Szent Gellért prédikációról // Aetas. 1999. 3. sz., 12–21. l.
20. Szegfű L. Gellért, Szent // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy. Budapest: Akadémiai kiadó, 1994. 231. l.
21. Simonis de Keza Gesta Hungarorum / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 129–194.
22. Chronici Hungarici compositio – Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217–505.
23. Diplomata Hungariae Antiquissima. Vol. I. Ab anno 1000 usque ad annum 1131 / Edendo operi praefuit Györffy G. Budapest: Akadémiai kiadó, 1992.
24. SRH – Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque Arpadianae gestarum / Edendo opus praefuit E. Szentpétery. Vol. I–II. Budapestini: Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus, 1937–1938.

REFERENCES

1. Shusharin, V. P. (1997). Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemi etnicheskogo samosoznaniya = An early stage in the ethnic history of the Hungarians. Problems of ethnic identity. Moscow: Rosspen (In Russ.)
2. Rasovskiy, D. (2017). Pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Ugrii = Pechenegs, Torks and Berendeys in Russia in Ugria // Rasovskiy, D. Polovtsy, torki, pechenegi, berendei = Polovtsy, Torks, Pechenegs, Berendeys. Moscow: «Lomonosov», 132–185 (In Russ.)
3. Györffy, Gy. (1990). A magyarság keleti elemei. Budapest: Gondolat.
4. Pálóczi Horváth, A. (2014). Keleti népek a középkori Magyarországon. Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei / Szerk. Major B. – Türk A. Budapest: Piliscsaba.
5. P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum (1937) / Ed. Ae. Jakubovich, annotationes exegeticas adiecit D. Pais // SRH. Vol. I. P. 13–117.
6. Hátházi, G. (1990). Az Árpád-kori magyar hadsereg nomád elemének kérdéséhez. A besenyők // Hadtörténelmi Közlemények, 2, 22–60.
7. Bagryanorodniy, K. (1991) Ob upravlenii imperiey. Text, transl., comm. = About the management of the empire. Text, transl., comm. / Ed. G. G. Litavrin and A.P. Novoseltsev. 2. ed. Moscow: Nauka (In Russ.).

8. Martsellin, A. (1996) *Rimskaya istoriya = Roman history* / Transl. by A.Yu. Kulakovski and A. I. Sonni. St. Petersburg: Aleteya (In Russ.)
9. Moravcsik, Gy (1984) *Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai*. Budapest: Akadémiai kiadó.
10. Istrin, V. M. (1920) *Knigy vremenyaniya i obrazniya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavianskom perevode = Chronicle of George Amartol in ancient Slavic translation (Text, research, dictionary)*. T. I. Text. Petrograd: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografija (In Russ.)
11. Konovalova, I. G. (1999). *K voprosu ob etnonime nukarda u al-Mas'udi = To the question of the ethnonym Nqarda by al-Mas'udi* // *Srednevekovaya Rus' Ch. 2*. Moscow: Editorial URSS, 4–20.
12. Kristó, Gy., Makk, F. (1988). *Az Árpád-házi uralkodók*. Budapest: IPM Könyvtár.
13. *Chronicon Hungarico-Polonicum* / Ed. I. Deér // SRH. Vol. II. P. 289–320.
14. Györffy, Gy. (1987). *Államszervezés // Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és a magyar történet 1242-ig / Főszerk. Székely Gy. 2. kiad.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 717–834.
15. AKÍF = *Az államalapítás korának írott forrásai (1999)*. / Az előszót írta, a szövegeket válogatta. A kötetet szerkesztette Kristó Gy. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely.
16. *Legenda S. Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hatrvico episcopo conscripta* / Ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. P. 363–440.
17. Thietmar (1935). *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung* / Ed. Holtzmann. Berlin [MGH SS rer. Germ. NS. T. 9].
18. Scyl (1973). *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* / Fec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter.
19. Szegfű, L. (1999). *Még egyszer Szent Gellért prédikációról* // *Aetas*, 3, 12–21.
20. Szegfű, L. (1994) *Gellért, Szent // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy.* Budapest: Akadémiai kiadó, 231.
21. *Simonis de Keza Gesta Hungarorum* / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 129–194.
22. *Chronici Hungarici compositio – Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217–505.
23. *DHA – Diplomata Hungariae Antiquissima (1992)*. Vol. I. *Ab anno 1000 usque ad annum 1131* / Edendo operi praefuit Györffy G. Budapest: Akadémiai kiadó.
24. *SRH – Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque Arpadianae gestarum (1937–1938)* / Edendo opus praefuit E. Szentpétery. Vol. I–II. Budapestini: Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрасов Михаил Константинович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurasov Mikhail Konstantinovich

Doctor of History (Dr. habil), Leading Researcher
in Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 30.05.2022
одобрена после рецензирования 22.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 30.05.2022
approved after reviewing 22.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 316.658.2

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_75

Формирование образа России на Западе

Г. В. Маткаримова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
g.matkarimova@linguanet.ru

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ понятия «образ страны», его структуры, а также функций образа врага, которые делают из России на Западе. Кроме того, автор проводит историографический обзор формирования образа страны в общественном мнении западных стран (США и Западная Европа) на основе стереотипов, возникших в XVI–XVII веках. В статье обосновывается постоянство базовых характеристик образа России на Западе посредством анализа результатов социологических опросов.

Ключевые слова: образ страны, стереотип, образ врага, образ России, формирование общественного мнения

Для цитирования: Маткаримова Г. В. Формирование образа России на Западе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 75–82. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_75

Original article

Formation of Image of Russia in the West

Galiya V. Matkarimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
g.matkarimova@linguanet.ru

Abstract. The article carries out theoretical analysis of the notion “image of a country”, its structure and functions as an enemy image that Russia fulfills in Western countries. Also, the author makes historiographic review of formation of the image of this country in public opinion in Western countries (USA and Western Europe) on the basis of stereotypes appeared in XVI – XVII centuries. The article justifies permanence of basic traits of image of Russia in the West by analysis of findings of sociological polls.

Keywords: image of a country, stereotype, enemy image, image of Russia, formation of public opinion

For citation: Matkarimova, G. V. (2022). Formation of image of Russia in the West. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 75–82. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_75

ВВЕДЕНИЕ

Образ страны является важным инструментом формирования общественного мнения как внутри страны, так и за ее пределами. С одной стороны, положительный образ страны способствует развитию и укреплению интеграции сограждан, с другой – он позволяет поддерживать конструктивные международные отношения на глобальном уровне. Вместе с тем, согласно ретроспективному анализу образа России на Западе, данный образ в течение многих веков оставался преимущественно негативным. События новейшей истории показывают, что сегодня Россия в западных СМИ «демонизируется», возвращаются стереотипы времен холодной войны («империя зла» и т. п.), что препятствует межкультурному обмену, успешной дипломатии и установлению торговых связей с западными странами, а также может подрывать национальное самосознание граждан России. Таким образом, всестороннее изучение образа России за рубежом является насущной исследовательской задачей, с целью принятия управленческих решений по формированию положительного образа страны (по крайней мере, в ближайшей перспективе, нейтрального образа).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗ СТРАНЫ»

Изначально в научном мире стоял вопрос о степени соответствия образа отражаемому объекту, о соотношении объективного и субъективного в понимании сущности образа. Гносеологическую категорию «образ» с точки зрения марксистской концепции рассматривают в своих работах А. А. Макейчик, А. Б. Красноглазов [Макейчик, 1984; Красноглазов, 1993].

Функциональный подход к изучению образа страны раскрыт в трудах Т. Заруцки, Л. Кристофа, Х. Луостаринена [Zarycki, 2004; Kristof, 1967; Luostarinen, 1989].

Отдельный пласт публикаций составляют работы по исследованию языковых средств, используемых для формирования того или иного образа страны (М. Э. Ступницкая, М. Н. Рассоха) [Ступницкая, 2008; Рассоха, 2006]. Лингвистический подход основан на изучении языковых средств представления образа страны [Зарезина, 2004; Быков, 2001]. Лингвисты исследуют образ страны с помощью дискурсивного анализа публицистических текстов, который позволяет выявлять в тексте вкладываемые автором личностные смыслы, связанные с целью формирования того или иного образа страны.

Маркетинговое осмысление образа страны заложено в трудах С. Энхольта, А. П. Панкрухин

[Anholt, 1998; Панкрухин, 2002]. В рамках данного подхода страна рассматривается как бренд. Акцент делается на социально-экономические факторы, в том числе туристическую и инвестиционную привлекательность страны.

В географическом подходе придается особое значение физико-географическому пространству. Проблеме конструирования модели образа страны в рамках данного подхода посвящены работы Д. Н. Замятина, Т. Э. Гринберг [Замятин, 2000; Гринберг, 2008]. Д. Н. Замятин является одним из немногих авторов, дающих определение понятию «образ страны»: «образ страны в первом приближении можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов» [Замятин, 2000, с. 108].

Само слово «образ» происходит от латинского *imāgo*: 1) изображение, изваяние; 2) образ, подобие; 3) отражение, копия; 4) мысленный образ, представление, понятие, идея [Дворецкий, 1976, с. 491]. В английском языке значение данного понятия несколько расширилось: 1) имидж, изображение; 2) подобие, копия; 3) символ, образец; 4) мысленный образ; 5) престиж, репутация; 6) привлекательный образ; 7) характеристики объекта, представленные в рекламе; 8) фактор, способный программировать определенное поведение людей [Кравченко, 2002, с. 230]. Такие значения слова, как престиж, репутация, привлекательный образ, фактор, способный программировать поведение людей, говорят о способности образа воздействовать и об определенной качественной окраске понятия. Здесь необходимо обратить свое внимание на тот факт, что в английском языке слово *image* соответствует двум отдельным словам «образ» и «имидж» в русском языке, что часто вызывает путаницу в понятиях. И действительно, в научной литературе некоторые авторы употребляют понятие «образ» («образ страны»), другие авторы – «имидж» («имидж страны»). Следует отметить, что в данной статье мы будем изучать именно образ страны, а не ее имидж.

Перейдем непосредственно к рассмотрению понятия «образ страны». Страна как объект отражения состоит из множества объектов материальных и не материальных, поэтому невозможно простое механическое отражение, как например, в случае с простым физическим объектом. То есть образ в социальном контексте не может пониматься, как отражение объекта, точная копия в силу сложности социального объекта. И для социальной науки важно именно то, как реальность воспринимается, отражается в сознании людей, а не сама реальность,

как таковая. Для понятия структуры образа России обратимся к современной теоретической географии, которая уделяет особое внимание структуре образа страны.

Структура образа страны многослойна и содержит в себе «стержневой образ», поэтому необходимо выделить составляющие элементы образа страны. Несомненными компонентами образа страны являются образ главы государства, правящей элиты, образ столицы, образы национальных компаний. В образе страны стоит выделить следующие структурные блоки: географический, политический, военный, экономический и социокультурный. Выбор подобной структуры образа страны обусловлен, *во-первых*, традиционным делением жизни общества на четыре сферы (экономическая, политическая, социальная и духовная сферы; мы объединили две последних сферы в один блок), *во-вторых*, спецификой страны (географический и военный блоки) – Россия является самой большой страной в мире, с самыми богатыми природными ресурсами, а также ведущей ядерной державой. Все сказанное позволяет сделать вывод, что образ не совпадает с реальным объектом, это подобие объекта. Искажение образа происходит уже на стадии первоначального отражения, несмотря на то, что часть его характеристик соответствуют основным показателям объективной реальности. Итак, под образом страны будем понимать целостное ее представление в сознании людей как сложного феномена, структурно сходное с отражаемой реальностью и фиксирующее ее географические, политические, экономические, культурные и военные характеристики.

ОБРАЗ ВРАГА И ЕГО ФУНКЦИИ

При исследовании образа страны следует обратить свое внимание на функциональный подход, объясняющий тот или иной образ через функции, которые он выполняет для формирования национальной идентичности другой страны. В рамках данного подхода особого внимания заслуживает теория «образа врага», позволяющая объяснить появление негативного образа страны, что особенно важно при изучении образа России.

Само возникновение антагонистических отношений между социальными субъектами, следствием которых и являются негативные образы, восходит к одной из концепций классической социологии – социал-дарвинизму. Согласно данному подходу, социальная жизнь – это арена непрерывной борьбы, конфликтов, столкновений.

Под образом врага («*enemy image*») понимают: «поддерживаемую определенной группой

людей веру в существование прямой и реальной угрозы их безопасности и базовым ценностям со стороны другой группы» [Luostarinen, 1989, с. 251].

Психологическая школа объясняет появление образа врага тем, что данный образ является частью поляризованного мира, который отражает дихотомическую призму восприятия человеком окружающей среды [Finlay, Holsti, Fagen, 1967]. В рамках психологической школы используется такое понятие, как «проекция», обозначающее проекцию страхов, подавляемых надежд на внешний объект, что позволяет индивиду, группе без риска для своей идентичности анализировать их со стороны.

В социальной психологии – образ врага рассматривается в рамках концепции *мы-группы* и *они-группы*, где формируемый враг играет важную роль в формировании групповой идентичности. Они-группа относится к категории врага.

Можно выделить следующие функции образа врага:

- повышение степени интеграции в группе, нации, снижение уровня интенсивности внутренних конфликтов;
- усиление степени популярности политического лидера у масс;
- объяснение внутренних проблем, несправедливости в группе (нахождения «козла отпущения»);
- оправдание политических поступков, предпочтения крайних мер при ведении государственной политики;
- отвлечение внимания людей от других проблем.

Выбор страны-врага часто основывается на конфликтных международных отношениях: чем больше напряженности в отношении между государствами, тем больше вероятности выбора в качестве врага того государства, с которым имеется конфликт. Причем конфронтации в прошлом являются идеальным основанием для выбора врага.

Кроме того, образ одного государства может служить для формирования национальной идентичности другого. Например, образ России явился одним из факторов формирования национальной идентичности Польши. Образ России выполняет следующие функции для национальной идентичности Польши:

- 1) усиление европейской идентичности Польши;
- 2) усиление виктимизации идентичности Польши за счет активизации роли «угнетателя», воплощенной в образе врага;
- 3) уменьшение (размаха) интенсивности собственных проблем в сравнении с размахом тех же проблем в России и др. [Zaryski, 2004, с. 559].

Здесь можно упомянуть и другие страны, для которых негативный образ России выполняет соответствующие их потребностям функции. Речь прежде всего идет о США, для которых образ врага является базовым принципом введения внешней политики в течение долгого времени. Так, в рамках Советского Союза Россия активно продвигалась в качестве образа врага. Однако и после разрушения СССР Россия латентно оставалась потенциальным врагом, что постоянно косвенно внедрялось в повседневную жизнь американцев (художественные фильмы с русскими, которым давалась негативная роль (русская мафия и т. п.); художественная литература с порицанием политики российского государства; реклама повседневных товаров с негативным упоминанием русских и т. п.). По словам правнучки Н. С. Хрущева – Нины Хрущевой¹, в американских СМИ в культурологическом пространстве всегда косвенно присутствует Россия в качестве врага, так как для поддержания национальной идеологии в стране необходим «враг», чтобы в случае необходимости, если вдруг Россия все-таки станет реальным врагом, можно было бы активизировать данный образ². И как показывает новейшая история, Россия снова выполняет роль образа врага для американской политики.

СТЕРЕОТИПЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ НА ЗАПАДЕ

Наполнение образа страны на международной арене в большой степени зависит от субъективных факторов, прежде всего, от мифов и стереотипов. Стереотипы часто являются основой образа той или иной страны и имеют устойчивый характер, благодаря которому образ страны относительно статичен и тяжело подвергается изменениям.

Само понятие стереотип хорошо изучено в научной литературе и сложилось во многом однозначное понимание данного феномена. Под стереотипом (от греч. *stereos* – *твердый* и *typos* – *отпечаток*) понимают:

1) упрощенный, схематизированный образ социальных реалий, обладающий значительной устойчивостью; традиционное, привычное восприятие и поведение;

2) стандартизированный, упрощенный образ социального объекта [Кравченко, 2004, с. 467].

¹Нина Хрущева – профессор МО в нью-йоркском университете New School, журналист ведущих американских изданий.

²Лекция в пресс-центре МГЛУ 18 марта 2010 г.

Важно отметить, что ригидность стереотипов обусловлена тем, что новая информация об объекте стереотипизации усваивается избирательно, т. е. усваивается только та информация, которая подкрепляет ту, что существовала уже до опыта общения. Образ активизирует в аудитории те характеристики, которые уже были там помещены. Из этого можно сделать вывод, что стереотипы представлений о России, сформировавшиеся на ранних этапах истории страны, до сих пор имеют свою силу в несколько измененной форме. Как отмечают исследователи, негативные стереотипы восприятия России и русских начали появляться в XVI–XVII века и эти стереотипы базировались на записках путешественников [Мединский, 2008].

Записки путешественников были практически единственным источником сведений о России. Например, посол Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн в 1549 г. выпустил книгу «Записки о Московитских делах», которая сразу приобрела широкую известность и оставалась вплоть до XIX века одним из главных источников представлений и сведений о России. К другим известным произведениям иностранцев о России можно отнести «Краткое сказание о характере и жестокости правления московского тирана Васильевича» А. Шлихтинга (1565–1572), «Записки о России» Ж. де Сталя (1812), «Россия в 1839 году» А. де Кюстина и пр.

Следует отметить, что сведения путешественников были весьма субъективны, противоречивы и поверхностны. Записки путешественников, в которых быт и культура русского народа, его национальный характер, государственный строй подвергались беспощадной критике, что было связано с особенностями мировоззрения, свойственным европейцам, а также с ограниченностью источников информации [Данилин, 2006, с. 2].

Весомый вклад в формирование образа России внес Петр I. По результатам Петровских реформ Россия круто изменила свой образ в глазах западной цивилизации. Как утверждает В. Мединский, именно после правления Петра Великого зародился стереотип об империалистической экспансии России. Данный миф появился в середине XVIII века (1757) в записках французского шпиона д'Эона. Автор сообщает о том, что смог скопировать в архивах «Завещание наследникам о том, как надо стравливать европейские державы, расширять пределы Российской империи и, в конечном счете, достичь мирового господства» [Мединский, 2008, с. 23].

Проведенный историографический обзор развития образа России на Западе позволяет выделить различные негативные стереотипы восприятия

России: пьянство русских; захватнические цели России, направленные на соседние страны и народы; лень русских; русская мафия и др. Вместе с тем все эти стереотипы, по сути, производные двух первостепенных стереотипов, а именно стереотипа о русской жестокости и стереотипа о русской лени, сформированные еще в XVI веке. Данные стереотипы можно объединить в две группы:

– стереотипы о жестокости (захватнические цели, империя зла, тюрьма народов, авторитаризм, нарушение прав человека, не демократичные выборы, рабская душа (невозможность демократии из-за потребности в диктаторской, деспотической власти);

– стереотипы о лени (пьянство, бедность, отсталость, неумелая армия, плохие дороги).

Каждый из этих стереотипов можно определить в один из структурных блоков образа России. Группу стереотипов «деспотизм-тирания» следует отнести к военному блоку, группу стереотипов «авторитаризм» – в политический блок, группу стереотипов «лень» – в экономический и социокультурный блоки, поскольку лень рассматривается как особенность национального менталитета, ведущая к определенному уровню экономики (бедность, отсталость, плохие дороги). Что касается географического блока, в литературе империалистическая направленность российской политики объясняется территорией и природой страны: «Огромная территория России и борьба с природой является причиной врожденной одержимости ко всему большому. Территориальный экспансионизм – национальная черта русских» [Bukh, 2009, с. 330]. «Огромная территория Россия привела к формированию уникальной национальной психологии россиян... Территория стала символом власти». [Bielen, 2007, с. 77]. Ретроспективный анализ возникновения образа страны дает возможность перейти к анализу образа России в общественном мнении Запада.

ОБРАЗ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ЗАПАДА

Значимой чертой стереотипов о России является их активизация в те периоды истории, когда страна становилась экономическим и политическим конкурентом Запада. Россия имела большое влияние в советский период, и в это время были «реанимированы» старые стереотипы и на их основе сформированы новые. В досоветский период Россию представляли как «тюрьму народов» и «жандарм Европы», в советский период она стала «империей зла».

Формирование негативного общественного мнения по отношению к коммунизму и к Советской России началось сразу после 1917 г. Выражение «красная угроза» вошло в оборот в 1920-х годах, а борьба с ней – внутренний антикоммунизм – стало частью американской идеологии на долгие годы. На данном этапе восприятие образа СССР странами Запада можно оценить на основе опросов общественного мнения. В 1937 г., по данным Гэллага, более половины опрошенных американцев (59 %) заявили, что если выбирать между двумя типами правления, то лучше жить при режиме, подобном тому, который существует в нацистской Германии, нежели в Советском Союзе. В 1939 г. 24 % опрошенных британцев продолжала считать, что сталинская Россия представляет большую опасность, чем нацистская Германия. В марте 1940 года 47 % британцев были против установления дружеских отношений с СССР, 41 % допускали, что придет день, когда Англии придется воевать с Россией [Рукавишников, 2005, с. 37].

Общественное мнение несколько изменилось в лучшую сторону по отношению к СССР во время Второй мировой войны. В 1943 г. был зафиксирован наивысший уровень симпатий американцев к России за весь период 1930–1940-х гг. Симпатии британцев к русским также окрепли по ходу войны.

Вместе с тем уже в январе 1946 г. выяснилось, что по мнениям 22 % американцев, СССР стремится к мировому господству, а через два месяца, в марте 1946 г., порядка 70 % американцев не одобряли линию, проводившуюся Советским Союзом в мировых делах, и обвиняли Россию в желании властвовать в Европе и в мире, запугивать своих бывших союзников [Рукавишников, 2005, с. 156].

Аналогичные тенденции имели место и в общественном мнении других стран. В марте – апреле 1946 г. мнение о том, что Россия стремится к мировому господству, высказали 29 % канадцев и 18 % французов [там же.]. Таким образом, можно сказать, что Советский Союз воспринимался как угроза Западу, что порождало антикоммунизм, недоверие, русофобию и страх перед растущей советской военной мощью, что не изменилось и в XXI в.

Так, согласно опросу, проведенному в августе 2003 г., коммунизм, холодная война, холодная погода являются первыми ассоциациями, которые чаще всего возникают у американцев при упоминании России (причем, различия по демографическим группам крайне незначительны)¹.

¹Опрос населения: Россияне об Америке и американцы о России: сравнительный анализ результатов опросов. ФОМ. 11 сентября 2009. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/fre_an/ra0309

Подобный опрос был проведен в Великобритании в 2003 г. и результаты получились аналогичными. Основная группа ассоциаций связана с климатом (холод, снег) и с политикой (коммунизм, Сталин). Знаменитыми россиянами британцы называли, прежде всего, советских лидеров и действующего президента¹. Можно сделать вывод о достаточно четкой ассоциации России с Советским Союзом, несмотря на то, что СССР уже более 30 лет назад прекратил свое существование.

Вместе с тем последние опросы показывают, что образ России на Западе остается отрицательным. Так, по данным американского исследовательского центра Pew Research Center, во всех странах, участвовавших в опросе в 2020 г. (Канада, США, Италия, Франция, Бельгия, Испания, Великобритания, Германия, Нидерланды, Дания, Швеция, Южная Корея, Австралия, Япония), доминирует в той или иной мере отрицательная оценка России (в среднем около 70 %). Наименее положительное отношение имеют жители Швеции (83 %), Дании (79 %) и Нидерландов (75 %). Только в Италии примерно одинаковое количество респондентов выразили как одобрительную, так и негативную оценки России (48 % и 50 % соответственно). Причем с 2007 по 2020 год наблюдается тенденция снижения положительного отношения к России практически во всех странах – в США с 44 % до 19 %, в Великобритании с 47 до 24 %, в Канаде с 52 % до 30 % и т. д. Особенно резко уменьшился процент, поддерживающих политику государства после присоединения Крыма к России в 2014 г. Естественно, следует ожидать еще большее снижение положительного отношения к стране в связи

с начавшейся в феврале 2022 года специальной военной операцией на Украине².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что образ современной России создается в соответствии с активными ожиданиями аудитории, стереотипами, укоренившимися в массовом сознании западных людей и поддерживающимися в СМИ. Причем эти стереотипы основываются на негативных стереотипах, появившихся в XVI веке, и активизируются при усилении влияния нашей страны на международную арену. Это связано с тем, что формирование общественных представлений о мировой политической системе в целом и ее отдельных акторах, обуславливаются национальными интересами, политическими курсами лидеров тех или иных стран. В связи с чем образ России в разных странах получает свое специфическое наполнение. В определенных ситуациях это вызывает трудности в выстраивании отношений с другими государствами, поскольку самопозиционирование Российской Федерации и ее образ за рубежом не совпадают: образ России неоправданно приобретает негативные оттенки в силу западного этноцентризма. Всесторонний анализ современного образа на Западе позволит разработать социальные технологии, противодействующие негативному образу страны и формирующие ее позитивный образ, поскольку от образа страны зависит поддержка политики внутри государства и за ее пределами.

¹Опрос населения: Мнение британцев о России и россиянах. Мнение россиян о Великобритании и британцах. ФОМ. 18 июня 2003. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/vf030101#Abs2>

²Views of Russia and Putin remain negative across 14 nations. Pew Research Center. 2020, December 16. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/12/16/views-of-russia-and-putin-remain-negative-across-14-nations/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макейчик А. А. Образ как категория диалектико-материалистической гносеологии: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1984.
2. Красноглазов А. Б. Мировой образ как герменевтический феномен: дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.
3. Zarycki T. Uses of Russia: The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // *East European Politics and Societies*. 2004. № 4. Vol. 18. P. 595–627.
4. Kristof L. The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia // *Political Research Quarterly*. 1967. № 4. Vol. 20. P. 941–954.
5. Luostarinen H. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // *Journal of Peace Research*. 1989. № 2. Vol. 26. P. 123–137.
6. Ступницкая М. Э. Репрезентация образа России в публицистическом дискурсе Франции // *Новые российские гуманитарные исследования*. 2008. № 3. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=79
7. Рассоха М. Н. Образ России в публицистическом дискурсе Великобритании (по материалам статей Independent) // *Новые российские гуманитарные исследования*. Вып. 1. 2006. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=40&binn_rubrik_pl_news=195
8. Зарезина С. Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации: на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991–2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.

9. Быков А. Ю. Пресса Соединенных Штатов Америки о политических и социально-экономических проблемах современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2001.
10. Anholt S. Nation-brands за the twenty-first century // *Journal of Brand Management*. 1998. № 6. Vol. 5. P. 395–406.
11. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. М. : Изд-во РАГС, 2002.
12. Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107–112.
13. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // *Медиаскоп*. 2008. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/252>
14. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 1976.
15. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. М. : РУССО, 2002. С. 230.
16. Finlay D., Holsti O., Fagen R. Enemies in Politics // *The annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1968. № 1. Vol. 377. P. 164–164. doi.org/10.1177/000271626837700120
17. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : Олма Медиа Групп, 2008.
18. Данилин С. А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
19. Bukh A. Identity, Foreign Policy and the “Other”: Japan’s “Russia” // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15(2). P. 319–345.
20. Bielen S. Paradoxes in the perception of contemporary Russia // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2007. № 19. P. 69–90. URL: http://www.lfpr.lt/uploads/File/2007-19/Bielen_ENG.pdf
21. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М. : Академический проект, 2005.

REFERENCES

1. Makejchik, A. A. (1984). *Obraz kak kategoriya dialektiko-materialisticheskoy gnoseologii = Image as a category of dialectical-materialistic epistemology*: PhD in Philosophy. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Krasnoglazov, A. B. (1993). *Mirovoj obraz kak germenevticheskij fenomen = The world image as a hermeneutical phenomenon*: PhD in Philosophy. Moscow. (In Russ.)
3. Zarycki, T. (2004). *Uses of Russia: The Role of Russia in the Modern Polish National Identity*. *East European Politics and Societies*, 4(18), 595–627.
4. Kristof, L. (1967). *The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia*. *Political Research Quarterly*, 4 (20), 941–954.
5. Luostarinen, H. (1989). *Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image*. *Journal of Peace Research*, 2(26), 123–137.
6. Stupnickaya, M. E. (2008). *Reprezentaciya obraza Rossii v publicisticheskom diskurse Francii = Representation of the image of Russia in the publicistic discourse of France*. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 3. http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=79
7. Rassoha, M. N. (2006). *Obraz Rossii v publicisticheskom diskurse Velikobritanii (po materialam statej Independent) = The image of Russia in the publicist discourse of Great Britain (based on the Independent articles)*. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 1. http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=40&binn_rubrik_pl_news=195
8. Zarezina, S. N. (2004). *Ustojchivye lichnostnye smysly v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii: na materiale statej o Rossii v angloyazychnoj presse za 1991–2004 gg = Sustainable personal meanings in the aspect of intercultural communication: based on articles about Russia in the English-language press for 1991–2004*. PhD in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
9. Быков, А. Ю. (2001). *Пресса Соединенных Штатов Америки о политических и социально-экономических проблемах современной России = The press of the United States of America on the political and socio-economic problems of modern Russia*: PhD in Political Science. (In Russ.)
10. Anholt, S. (1998). *Nation-brands за the twenty-first century*. *Journal of Brand Management*, 6(5), 395–406.
11. Панкрухин, А. П. (2002). *Marketing territorij = Territory Marketing*. Moscow: Izd-vo RAGS. (In Russ.)
12. Zamyatin, D. N. (2000). *Obraz strany: struktura i dinamika = Image of the country: structure and dynamics*. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1, 107–112. (In Russ.)
13. Grinberg, T. E. (2008). *Obraz strany ili imidzh gosudarstva: poisk konstruktivnoj modeli = The image of the country or the image of the state: the search for a constructive model*. *Mediascope*, 2. <http://www.mediascope.ru/node/252>
14. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 1976.
15. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. М. : РУССО, 2002. С. 230.
16. Finlay, D., Holsti, O., Fagen, R. (1968). *Enemies in Politics*. *The annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1(377), 164. doi.org/10.1177/000271626837700120
17. Medinskij, V. R. (2008). *O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti = About Russian drunkenness, laziness, and cruelty*. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russ.)

18. Danilin, S. A. (2006). *Obraz Rossii i ee politiki v anglo-amerikanskoj publicistike konca XIX – nachala XX vv.* = The image of Russia and its politics in the Anglo-American journalism of the late 19th – early 20th centuries: PhD in History. (In Russ.)
19. Bukh, A. (2009). Identity, Foreign Policy and the “Other”: Japan’s “Russia”. *European Journal of International Relations*, 15(2), 319–345.
20. Bielen, S. (2007). Paradoxes in the perception of contemporary Russia. *Lithuanian Foreign Policy Review*, 19, 69–90. http://www.lfpr.lt/uploads/File/2007-19/Bielen_ENG.pdf
21. Rukavishnikov, V. O. (2005). *Holodnaya vojna, holodnyj mir. Obshchestvennoe mnenie v SSHA i Evrope o SSSR/ Rossii, vneshnej politike i bezopasnosti Zapada* = Cold war, cold world. Public opinion in the US and Europe about the USSR / Russia, the foreign policy and security of the West. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маткаримова Галия Ваязитовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matkarimova Galia Vayazitovna

PhD (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.04.2022
одобрена после рецензирования 25.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 01.04.2022
approved after reviewing 25.05.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 316.74(075.8)+378.147

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_83

Отношение преподавателей вузов к цифровизации и использованию электронной информационной образовательной среды (на примере исследования в Московском государственном лингвистическом университете)

А. В. Половнёв¹, С. С. Соловьёв², М. М. Дмитриева³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹polovnev_av@mail.ru, ²ruisenior@yandex.ru, ³dmm548@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован характер отношения преподавателей к цифровизации и использованию Электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Сделан вывод о том, что развитие цифровой зрелости вузов определяется не только технологическим переоснащением и возможностями внедряемых цифровых сервисов, но и отношением всех участников образовательного процесса к применению новых цифровых решений.

Ключевые слова: социология образования, цифровизация, электронная информационная образовательная среда, университет

Для цитирования: Половнёв А. В., Соловьёв С. С., Дмитриева М. М. Отношение преподавателей вузов к цифровизации и использованию электронной информационной образовательной среды (на примере исследования в Московском государственном лингвистическом университете) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 83–92. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_83

Original article

The Attitudes of Professors Towards Digitalization and Using Resources of Digital Educational Environment (based on the research conducted at Moscow State Linguistic University)

A. V. Polovnev¹, S. S. Solovyov², M. M. Dmitrieva³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹polovnev_av@mail.ru, ²ruisenior@yandex.ru, ³dmm548@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the nature of the professors' attitude towards digitalization of the educational process and the use of the digital educational environment resources. It is concluded that the development of digital maturity of universities is not only technological re-equipment and the introduction of digital services, but also the attitude to the topics of all participants in the educational process to the application of new digital solutions.

Keywords: sociology of education, digitalization, digital educational environment, university

For citation: Polovnev, A. V., Solovyov, S. S., Dmitrieva, M. M. (2022). The attitudes of professors towards digitalization and using resources of digital educational environment (based on the research conducted at Moscow State Linguistic University). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 83–92. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_83

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация ключевых отраслей экономики и социальной сферы – одна из приоритетных национальных целей развития РФ на период до 2030 года¹. Среди ключевых стратегических направлений цифровой трансформации определены в том числе сферы науки и высшего образования. Целью цифровой трансформации сферы высшего образования, согласно Распоряжения Правительства РФ №3759-р от 21.12.21 г., является достижение высокого уровня «цифровой зрелости» образовательными организациями высшего образования².

Общепринятого понятия «цифровая зрелость» и методики ее оценки для образовательных учреждений еще не сложилось, хотя и предлагаются разнообразные подходы к такой оценке. В одном из них под цифровой зрелостью предлагается понимать уровень компетентности преподавателей и управленцев, состояние инфраструктуры и инструментов, эффективности разрабатываемых программ и проектов, общего уровня цифровой культуры [Саввинов, Иванов, Стрекаловский, 2021]. Уровень цифровой зрелости учреждений высшего профессионального образования формируется в процессе цифровизации и рассматривается как ее характеристика и результат.

Цифровизация высшего профессионального образования предполагает интеграцию образовательных процессов с современными цифровыми информационными ресурсами и определяется как «трансформация учебно-образовательного и управленческого процесса, повседневных социальных практик в системе высшего образования, обусловленную внедрением технологий создания, обработки, обмена и передачи больших массивов информации на небумажных носителях» [Минина, 2020, с. 87]. Преобразование социальных и педагогических практик в сфере высшего профессионального образования осуществляется не только в результате внедрения технологических изменений, но и вместе с изменениями образовательной среды, подходов к обучению и отношения к цифровой трансформации со стороны всех участников образовательного процесса. Без исследования и учета данных аспектов на современном этапе развития образования процесс цифровизации

может столкнуться с неожиданными препятствиями, а «цифровая зрелость» – не достичь желаемого уровня или не иметь ожидаемого эффекта.

ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ К ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Цифровая трансформация в ближайшие годы станет одним из приоритетных направлений в развитии вузов. Об этом свидетельствует не только разработка соответствующих распоряжений³, но и данные опросов руководителей вузов. По данным опроса, проведенного НИУ ВШЭ в рамках Мониторинга экономики образования в 2020 / 21 учебный год, в цифровизацию деятельности своих образовательных учреждений в ближайшие два-три года планируют инвестировать дополнительные ресурсы 76 % руководителей из числа ведущих вузов, 64 % руководителей из числа средних вузов и 69 % из категории отстающих вузов [Платонова, Никифорова, 2022, с. 22]. Среди пяти ведущих направлений развития вузов на период до 2025 года около четверти от числа опрошенных руководителей вузов (24–30 %) выбрали – развитие «цифровых систем для вуза» и еще около четверти (от 24 до 29 %) – «разработку цифровых образовательных ресурсов» [там же, с. 24]. Таким образом, цифровизация высших образовательных учреждений рассматривается сегодня многими руководителями вузов в качестве одного из важнейших направлений деятельности на ближайшую перспективу.

Успешность внедрения цифровых технологий и сервисов в вузах определяется не только установками и планами руководителей, но и готовностью других участников образовательного процесса к их освоению и внедрению. По данным социологического опроса, проведенного НИУ ВШЭ среди руководителей ИКТ подразделений, в государственных вузах еще существует проблема недостаточного развития цифровых компетенций и их развития, в том числе среди преподавательского состава. Так, почти две трети управленческого состава информационно-технического направления государственных вузов (65 %) считает, что «преподавателям, сотрудникам и студентам сложно осваивать новые цифровые решения» [Волкова, Пермякова, Шматко, 2021, с. 28]. Так как

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

² Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 №3759-р. Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования. // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/Rasp_gov_3759_p_21122021.pdf

³ Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 №3759-р. Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования. // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/Rasp_gov_3759_p_21122021.pdf

лидирующую роль в процессе применения новых цифровых решений в процессе обучения играют именно преподаватели вузов, особое внимание в период цифровой трансформации стоит обратить на уровень и пути развития цифровых компетенций профессорско-преподавательского состава. Недостаточный уровень развития цифровых компетенций преподавателей и нежелание с их стороны осваивать и применять новые технологические информационные ресурсы в педагогической практике способно сдерживать развитие «цифровой зрелости» вузов.

Определенная настроенность в связи с надвигающимися цифровыми трансформациями фиксировалась уже в ходе опросов преподавателей вузов. Так, по мнению 82 % преподавательского состава российских вузов, «широкое распространение информационных технологий в университетах может вызвать риск ухода преподавателей старших поколений», а еще 60,1 % преподавателей в разной степени согласны с утверждением – «переход учебного процесса в онлайн-формат приводит к сокращению преподавателей» [Волкова, Пермякова, Шматко, 2021, с. 31]. Таким образом, новые цифровые решения в вузах могут восприниматься не как новые возможности для повышения эффективности обучения и коммуникаций, а как дополнительные риски и нагрузка. Большинство профессорско-преподавательского состава сегодня в той или иной степени согласны с утверждением, что «внедрение информационных технологий создает дополнительную нагрузку на преподавателей и требует дополнительных усилий» (полностью согласны с этим утверждением 46 % и скорее согласны – 41 %) [Волкова, Пермякова, Шматко, 2021, с. 32]. Подобные оценки со стороны преподавателей свидетельствуют о том, что цифровизация в вузах может вызывать если не негативное, то настороженное отношение со стороны ключевых субъектов процесса обучения, в связи с чем этот процесс нуждается в дополнительном изучении, в том числе на уровне отдельных вузов.

ЭИОС ВУЗА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМ СОСТАВОМ

Цифровая модернизация затрагивает деятельность не только преподавателей, но касается и преобразования образовательной среды, в которой осуществляется передача знаний и формирование компетенций будущих выпускников. Одним из результатов цифровизации, достигнутым на сегодняшний момент, можно считать развитие почти во всех вузах электронной информационно-образовательной

среды (ЭИОС), которая предоставляет дополнительные возможности для обучения и обеспечивает удаленный доступ студентам к учебным материалам.

Судя по данным опроса руководителей ИКТ подразделений государственных вузов, ЭИОС используется сегодня в 96 % вузов [Волкова, Пермякова, Шматко, 2021, с. 13]. Актуальность развития и функциональные возможности ЭИОС ранее неоднократно анализировались в научных публикациях [Серафимович, Конькова, Райхлина, 2019; Уджуху, 2020; Хадиуллина, Галимова 2019] и отражены в федеральных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО 3++) в виде обязательного требования к условиям реализации образовательных программ на всех уровнях высшего образования. Согласно зафиксированным в ФГОС ВО требованиям, ЭИОС должна обеспечивать прежде всего доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (РПД), программам практик, электронным изданиям и ресурсам, указанным в РПД и программах практик, а также формирование электронного портфолио обучающегося. В случае реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий ЭИОС должна дополнительно обеспечивать также: фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и освоения образовательной программы; проведение учебных занятий, процедур оценки результатов обучения; а также взаимодействие между участниками образовательного процесса, посредством сети Интернет. Так как на протяжении 2020–2022 гг. большинство вузов вынуждено столкнулись с дистанционным и смешанным форматами обучения, возникла ситуация, стремительно ускорившая процесс освоения и внедрения большинства функциональных возможностей ЭИОС в практику педагогической деятельности, что дает возможность оценить направления ее использования и проблемы, возникшие в процессе ее применения.

Опыт использования ЭИОС исследовался ранее на уровне отдельных образовательных учреждений [Пшеничная, Сушанский, 2021; Алексева, Третьякова, Богушевич, 2021]. Ниже будет проанализирован характер использования ЭИОС преподавателями и студентами Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), который изучался в ходе социологического исследования, проведенного в марте 2022 г. Социологической лабораторией МГЛУ.

Сбор данных проводился методом CAWI (computer assisted web interview) с использованием онлайн-анкеты для самозаполнения на опросной платформе Oproso. В анкетном опросе приняли участие преподаватели, студенты и аспиранты всех форм, уровней и курсов обучения. Всего в ходе исследования было опрошено 413 преподавателей (42 % от их штатной

численности) и 918 студентов и аспирантов (17 % от их общего числа). Среди респондентов 73 % преподавателей кафедр лингвистического профиля и 27 % нелингвистического профиля; 55 % студентов направлений подготовки (специальностей) лингвистического профиля и 45 % нелингвистического профиля, что в целом отражает реальное соотношение данных категорий в университете. Таким образом, выборка является репрезентативной (при доверительной вероятности $\gamma = 0,95$) с относительной ошибкой 3,0 % для студентов и 3,7 % – для преподавателей.

Прежде всего, стоит отметить, что подавляющее большинство преподавателей МГЛУ владеет навыками использования существующих внутренних и внешних электронных информационных ресурсов на базовом или продвинутом уровне, что в целом сопоставимо с уровнем развития этих навыков у преподавателей других российских вузов (см. табл. 1).

В большинстве российских вузов сегодня существует отдельное положение об ЭИОС, регламентирующее его назначение, состав, требования к функционированию и программно-аппаратной базе, а также способы и порядок поддержки пользователей. Согласно действующего в МГЛУ Положения, под ЭИОС понимается совокупность информационных, телекоммуникационных технологий, соответствующих технических средств, электронных информационных ресурсов и образовательных ресурсов, обеспечивающих условия для реализации образовательной и других видов деятельности ФГБОУ ВО МГЛУ¹.

Состав ЭИОС и используемые информационно-технологические ресурсы в разных вузах могут различаться. Составными элементами ЭИОС МГЛУ, согласно разработанного положения, выступают:

¹ Положение об ЭИОС в ФГБОУ ВО МГЛУ // ФГБОУ ВО МГЛУ. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/d2e/d2e63702b182c460e352ec2553503799.pdf>

официальный сайт МГЛУ; сайт информационно-библиотечного центра МГЛУ; сайт приемной комиссии МГЛУ; система электронной поддержки образовательного процесса (СЭПОП) Moodle².

Состав ЭИОС, как можно видеть, включает в себя совокупность нескольких информационных систем и ресурсов, обеспечивающих решение различных образовательных задач. Компоненты ЭИОС вуза потенциально могут использоваться для обеспечения учебной, научной, методической, контрольно-оценочной, информационной, административно-управленческой деятельности вуза и в перспективе могут расширяться, по мере развития цифровизации и возможностей образовательной организации.

Компоненты ЭИОС для решения учебных и научных задач используются с разной интенсивностью, что является следствием их функциональных, содержательных и технических особенностей. Например, официальный сайт вуза и ресурсы информационно-библиотечного центра педагогами и студентами для решения учебных и научных задач используются не так часто. По данным проведенного опроса, только 40 % преподавателей и 29 % студентов пользуются сайтом МГЛУ, а электронным каталогом ресурсов МГЛУ – 38 % преподавателей и 23 % студентов. Гораздо большим потенциалом для информационной и методической поддержки учебных дисциплин, обеспечения коммуникаций между преподавателями и студентами, контроля знаний и решения других учебных задач обладает СЭПОП Moodle³. В некоторых вузах и публикациях подоб-

² Там же.

³ Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment – Модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда)

Таблица 1

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ МГЛУ И РОССИИ
УРОВНЯ СВОЕГО ВЛАДЕНИЯ НАВЫКАМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
(по данным исследований НИУ ВШЭ) [Волкова, Пермякова, Шматко, 2021]**

	Навыки работы в электронной информационно-образовательная среда		Навыки использования цифровых библиотечных ресурсов		Навыки работы с открытыми информационными ресурсами, базами данных	
	МГЛУ (в %)	РФ (в %)	МГЛУ (в %)	РФ (в %)	МГЛУ (в %)	РФ (в %)
Не имею таких навыков	12	15	6	5	4	4
Базовый уровень	74	59	68	69	58	64
Продвинутый уровень	14	26	26	27	38	32

ные системы часто называют системами по управлению обучением (Learning Management Systems, LMS), базовыми задачами которых выступают, прежде всего, обеспечение доступа обучаемых к учебным материалам и придание процессу обучения более гибких форм, в том числе за счет развития смешанных форм обучения [Малошонок, 2016].

По данным проведенного опроса, большинство преподавателей МГЛУ (88 %) владеет навыками работы в развернутой в вузе СЭПОП Moodle. Вместе с тем большинство из них оценивает свои навыки на базовом уровне (74 %), в то время как на продвинутом уровне лишь 14 % преподавателей, что свидетельствует об осознании профессорско-преподавательским составом (ППС) более широких возможностях развернутой СЭПОП, чем они используют на практике.

Несмотря на наличие у большинства ППС навыков работы в СЭПОП Moodle, около 30 % преподавателей совсем не использует ее в образовательном процессе. Данные опроса ППС показали, что 27 % опрошенных преподавателей знают о СЭПОП Moodle, но не пользуются ей, а 3 % преподавателей указали, что даже не знают о ее существовании в вузе.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЭПОП В МГЛУ

Анализ направлений использования СЭПОП Moodle показывает, что преподаватели, использующие данную систему, чаще всего размещали в ней результаты промежуточной и итоговой аттестации (контрольных, тестов, экзаменов, эссе и т. д.) (60%), необходимые информационные материалы для занятий (данные, тексты для обсуждения и т. д.) (45%), а также учебные задания для студентов (41%). Около 30% преподавателей, использующих СЭПОП Moodle, применяли ее для размещения тестовых заданий и проверочных работ для студентов, а еще 30% для размещения ссылок на другие электронные образовательные ресурсы (учебники, программы, задания и т. д.) (рис. 1).

Остальные направления применения развернутой в вузе СЭПОП использовались достаточно редко преподавателями. Таким образом, потенциал СЭПОП используется пока не всеми преподавателями и применяется она преимущественно в качестве журнала для выставления оценок и хранилища для обмена учебными материалами, в т.ч. ссылок на другие информационные ресурсы.

В открытых комментариях часть преподавателей, не отрицая полезности СЭПОП, высказывали несколько замечаний к развернутой в вузе СЭПОП,

которые можно объединить в несколько характерных проблем.

Первая группа проблем использования СЭПОП связана с высказанными сомнениями в ее полезности, формальном характере ее применения, а также неудобном и недружелюбном интерфейсе. В качестве характерных высказываний и откликов о работе системы можно привести следующие высказывания ППС:

– «ЭИОС Мудл в нынешнем состоянии представляет собой бесполезную дополнительную нагрузку для выполнения формальных требований».

– «Хотелось отдельно отметить, что Мудл – очень неудобная по своему интерфейсу платформа, с ней сложно разобраться, в ней сложно работать».

– «Платформа Moodle для эффективной организации процесса обучения не подходит по ряду причин: 1) неудобный и неочевидный интерфейс, он просто не может быть эффективным образовательным инструментом ввиду его низкой адаптированности и «чужеродности»; 2) в отличие от других каналов коммуникации со студентами (например, мессенджеры), Moodle является отдельным сайтом, на который нужно специально заходить, причем с компьютера, поскольку мобильная версия, если и имеется, то недостаточно проработана. 3) в Moodle, возможно, есть все необходимое для организации обучения, но все взаимодействие с платформой происходит в ручном режиме самостоятельно. Это занимает время и не имеет, на мой взгляд, смысла».

Вторая проблема использования СЭПОП Moodle, по мнению преподавателей, заключается в необходимости частого обращения за поддержкой по ее настройке и применению. Например, преподаватели оставляли в открытом вопросе следующие комментарии:

– «Работа в системе Moodle требует постоянной коммуникации со службой поддержки, так как по умолчанию в загруженной нагрузке (курсы, списки студентов и пр.) масса ошибок».

– «Проблемы с привязкой дисциплин и групп в Moodle. Это настоящая проблема с путаницей. Требуется наладить работу в Мудл или внедрить другую нормальную СДО».

Учитывая, что почти каждый третий преподаватель (32 %) по данным опроса не знает к кому можно обратиться за технической поддержкой в университете, в случае возникновения проблем при использовании цифровых сервисов, средств и оборудования, для многих эта проблема возможно становится серьезным барьером для дальнейшего освоения и применения СЭПОП в педагогической практике.

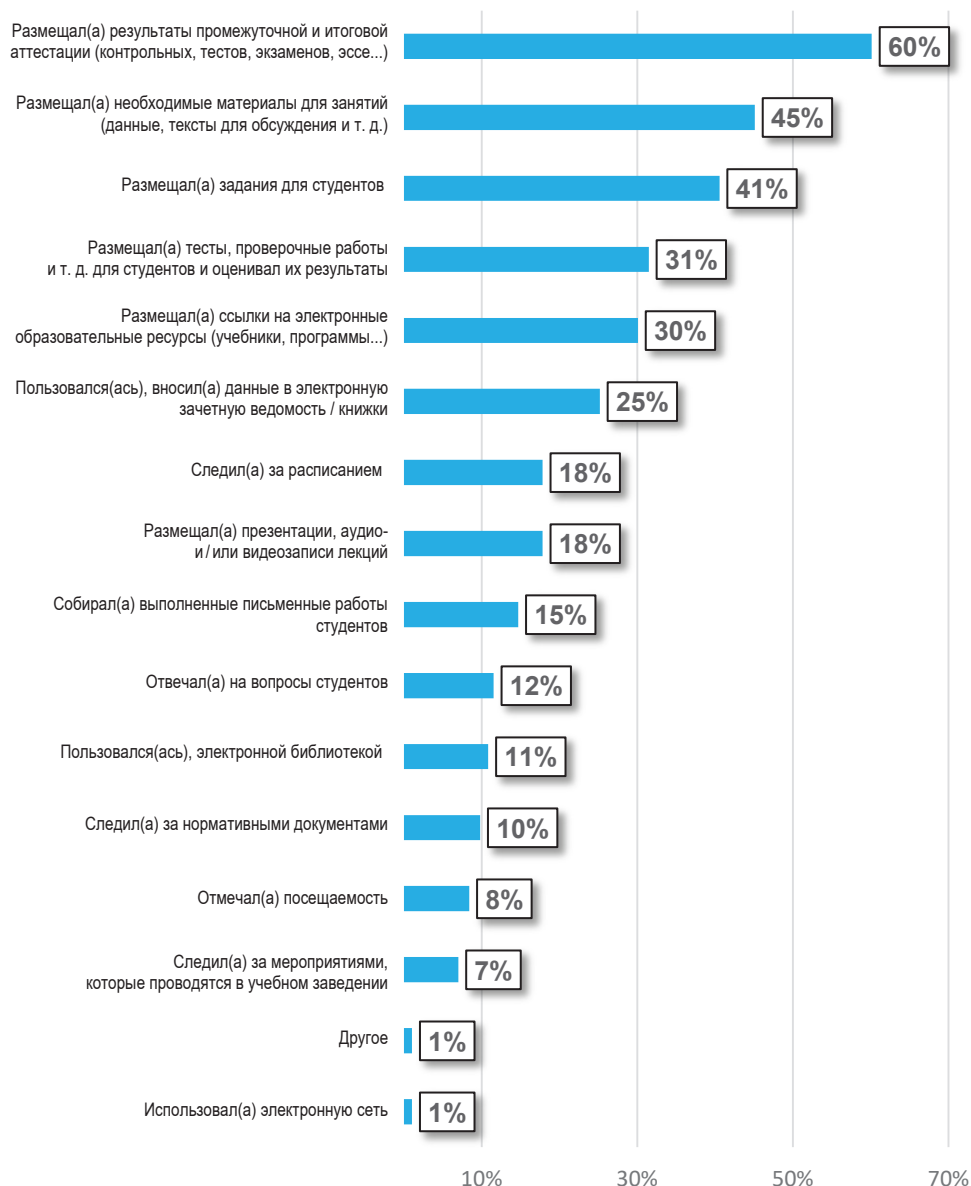

Рис. 1. Характер использования преподавателями СЭПОП (в % от численности использующих СЭПОП Moodle)

Третья проблема СЭПОП Moodle связана с ее редким использованием студентами, что еще больше обесценивает трудозатраты по ее освоению и наполнению со стороны преподавателей.

– «Moodle программа тупая. Нам ее навязывают. Мы вынуждены тратить свое время и нервы на внедрение “необходимых” данных. Но кому они необходимы? Студенты с Moodle не работают! Мы прекрасно легко и просто общаемся со студентами через электронную почту, WhatsApp, Zoom...».

Данный комментарий также еще раз подчеркивает, что существующая СЭПОП используется формально, дублирует то, что реализуется проще через другие цифровые средства коммуникации, которые доступнее и привычнее, как для преподавателей, так и для студентов.

СЭПОП Moodle используется обучаемыми действительно гораздо реже, чем преподавателями. По данным проведенного опроса, менее половины студентов МГЛУ (44 %) пользовались СЭПОП в 2021–2022 учебном году. Почти каждый второй студент (46 %) при этом знает о развернутой в вузе

Социологические науки

СЭПОП, но ни разу не пользовался ей в течение текущего учебного года, а каждый десятый студент даже и не знает о существовании такой системы взаимодействия с преподавателями.

СРЕДСТВА ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Проблемы и ограничения внутренних ЭИОС подталкивали преподавателей к самостоятельному поиску и использованию альтернативных средств коммуникаций для удаленного взаимодействия со студентами в период пандемии и вынужденного перехода в дистанционный режим обучения. Проведенный опрос показал, что подавляющее большинство преподавателей в период дистанционного обучения активно пользовались в педагогической практике разнообразными цифровыми инструментами и платформами для коммуникаций по каналам Интернет, в том числе популярными мессенджерами и электронной почтой.

Интенсивное использование в период дистанционного обучения разнообразных электронных способов коммуникации со студентами позволило по-новому взглянуть на их применение в учебных целях. Большинство преподавателей МГЛУ (70 %) сегодня позитивно оценивает роль цифровых технологий в обеспечении эффективной коммуникации со студентами и в той или иной мере согласны с тем, что они улучшают процесс коммуникации.

Наиболее популярными цифровыми решениями для организации взаимодействия со студентами в период дистанционного обучения среди преподавателей стали: почтовые сервисы (отметили 94 % опрошенных), приложения для организации видеоконференций (Zoom отметили 92 % опрошенных преподавателей, Skype – 46 %), и популярные мессенджеры (WhatsApp отметили 74 % преподавателей, Telegram – 33 %). Наряду с указанным программным обеспечением для обеспечения взаимодействия в условиях дистанционного обучения около 40 % преподавателей пользовались сервисами Google, в том числе Google Drive и Classroom. Характерно, что развернутую в вузе СЭПОП Moodle для дистанционного обучения использовало менее половины преподавателей (47 %), при этом только половина из них считали достаточным ее возможностей для проведения учебных занятий в дистанционной форме.

Таким образом, видно, что в условиях дистанционного обучения преподавателям пришлось апробировать и использовать в педагогической практике различные цифровые инструменты для

взаимодействия со студентами, что обусловлено прежде всего недостаточным удобством и ограниченным функционалом существующей в вузе СЭПОП. Использование преподавателями нескольких альтернативных цифровых сервисов для взаимодействия со студентами позволило обеспечить непрерывность образовательного процесса в период вынужденного перехода в дистанционный и смешанный формат обучения, но сформировало другую проблему, которую наглядно можно проиллюстрировать одним из комментариев студента в ходе проведенного опроса: «Платформа Moodle очень неудобна, хотелось бы, чтобы все преподаватели вели дистанционные лекции и семинары на одной платформе (зум или скайп), а не все на разных».

Отдельное внимание стоит обратить на то, что значительная часть популярных среди преподавателей сервисов не относится к отечественным разработкам, что в условиях санкционных ограничений может стать очередным вызовом в случае запрета на их использование и внезапного возвращения в дистанционный (смешанный) формат обучения. В условиях активного импортозамещения и поиска альтернативных отечественных программных решений возможно назрела потребность в разработке, внедрении и популяризации в вузах единого сервиса обеспечивающего электронную поддержку образовательных процессов в учреждениях профессионального образования.

Поиск и использование нескольких программ и платформ для взаимодействия со студентами в период дистанционного обучения определялся не только их удобством и предрасположенностью преподавателей к тем или иным сервисам, но и разными функциональными возможностями, которые они предоставляют для решения учебных задач. В связи с этим полезно проанализировать наиболее востребованные в процессе обучения функциональные возможности цифровых сервисов.

Наиболее интенсивно («постоянно») подавляющее большинство преподавателей в условиях дистанционного обучения использовали: режим видеоконференций для проведения учебных занятий (постоянно использовали 85 % опрошенных); отправку материалов / заданий на электронную почту, почтовый ящик учебной группы/индивидуальные адреса студентов (постоянно – 83 %); предоставление студентам электронных материалов занятий, текстов, презентаций и пр. (71 %). Около половины преподавателей постоянно получали от студентов письменные задания в электронном формате (53 %), использовали мобильные приложения и интернет-ресурсы (53 %), предоставляли студентам ссылки на другие ресурсы, размещенные

в сети интернет (53 %), в том числе на видеоматериалы для дополнительного изучения (48 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие цифровой зрелости вузов, поставленной в качестве приоритетной цели цифровой трансформации вузов, будет определяться не только технологическим переоснащением и возможностями внедряемых цифровых сервисов, но и отношением всех участников образовательного процесса к применению новых цифровых решений. Важную роль в процессе цифровой трансформации будут играть вопросы мониторинга и организации эффективного использования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) на уровне отдельных вузов.

Важным элементом ЭИОС является системы электронной поддержки образовательных процессов (СЭПОП). Недостатки внедряемых СЭПОП, как и недостаточное внимание к эффективности их использования, подталкивает преподавателей к формальному их использованию и поиску альтернативных сервисов для взаимодействия со студентами. Наряду с внедрением оптимальной СЭПОП, которая устроила бы большую часть педагогов и студентов, в том числе в условиях электронного, дистанционного и смешанного обучения, положительную роль на стадии внедрения могли бы сыграть мероприятия направленные на методическую и техническую поддержку внедряемых сервисов, курсы повышения квалификации преподавателей по их использованию и наглядные примеры их эффективного применения в педагогической практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саввинов В. М., Иванов П. П., Стрекаловский В. Н. Методы и принципы оценки цифровой зрелости образовательных организаций // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия Педагогика. Психология. Философия. 2021. № 2 (22). С. 28–40.
2. Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Вып. 1. Т. 13. С. 84–101. doi.org/10.21638/spbu12.2020.106
3. Платонова Д. П., Никифорова Н. Ю. Внутреннее управление российских вузов: взгляд практиков в условиях меняющейся среды: информационный бюллетень // Мониторинг экономики образования. 2022. № 4 (21). URL: [https://www.hse.ru/data/2022/03/18/1808697415/ib_4\(21\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/03/18/1808697415/ib_4(21)_2022.pdf)
4. Пшеничная П. В., Сушанский А. С. Анализ использования ЭИОС в образовательной деятельности академии гражданской защиты МЧС России // ГосПер: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 1. С. 125–132.
5. Алексеева Т. Е., Третьякова Т. В., Богушевич И. П. Электронная информационно-образовательная среда вуза как основа результативности дистанционного образования в Северо-восточном федеральном университете // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3. С. 45–45.
6. Волкова Г. Л., Пермякова В. А., Шматко Н. А. Организация цифровой коммуникации между подразделениями, преподавателями и студентами // Мониторинг экономики образования. 2021. № 11. URL: https://www.hse.ru/data/2021/12/20/1776732498/ib_11_2021.pdf
7. Серафимович И. В., Конькова О. М., Райхлина А. В. Формирование электронной информационно-образовательной среды вуза: интеракция, развитие профессионального мышления, управление // Открытое образование. 2019. № 1. Т. 23. С. 14–26. doi.org/10.21686/1818-4243-2019-1-000-000
8. Уджуху И. А. [и др.]. Электронная информационно-образовательная среда современного вуза: понятие, структура, применение / И. А. Уджуху, Р. К. Мешвез, Ю. В. Манченко, Т. Э. Галюшко // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 1. С. 113–121.
9. Хадиуллина Р. Р., Галимов А. М. Электронная информационно-образовательная среда вуза как инструмент повышения качества образовательного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 241–254. doi.org/10.24411/2078-1024-2020-11011
10. Малошонок Н. Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 59–83. doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-59-83

REFERENCES

1. Savvinov, V. M., Ivanov, P. P., Strekalovsky, V. N. (2021). Methods and principles of assessing the digital maturity of educational institutions. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, 2(22), 28–40 (In Russ.)
2. Minina, V. N. (2020). Digitalization of higher education and its social outcomes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 1(13), 84–101. doi.org/10.21638/spbu12.2020.106 (In Russ.)
3. Platonova, D. P., Nikiforova, N. Yu. (2022). Vnutrennee upravlenie rossijskih vuzov: vzgljad praktikov v uslovijah menjajushhejsja sredy = Internal management of Russian universities: the view of practitioners in a changing environment: information bulletin. *Monitoring the Economics of Education*, 4(21). [https://www.hse.ru/data/2022/03/18/1808697415/ib_4\(21\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/03/18/1808697415/ib_4(21)_2022.pdf) (In Russ.)
4. Pshenichnaya, P. V., Sushansky, A. S. (2021). Analysis of the use of DEE in the educational activities of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *GosReg: state regulation of public relations*, 1, 125–132. (In Russ.)
5. Alekseeva, T. E., Tretyakova, T. V., Bogushevich, I. P. (2021). Electronic information and educational environment of the university as the basis of effectiveness of distance education in the North-Eastern Federal University. *Modern problems of science and education*, 3, 45–45. (In Russ.)
6. Volkova, G. L., Permyakova, V. A., Shmatko, N. A. (2021). Organizacija cifrovoj kommunikacii mezhdru podrazdelenijami, prepodavateljami i studentami = Organization of digital communication between departments, teachers and students. *Monitoring the Economics of Education*, 11. https://www.hse.ru/data/2021/12/20/1776732498/ib_11_2021.pdf (In Russ.)
7. Serafimovich, I. V., Kon'kova, O. M., Raikhlina, A. V. (2019). Formation of the university electronic information-educational environment: interaction, development of professional thinking, management. *Open education*, 1(23), 14–26. doi.org/10.21686/1818-4243-2019-1-000-000 (In Russ.)
8. Udzhukhu, I. A. et al. (2020). Electronic information and educational environment of a modern university: concept, structure, application / I. A. Udzhukhu, R. K. Meshvez, Yu. V. Manchenko, T. E. Galyunko. *Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologiceskogo Universiteta*, 1, 113–121. doi.org/10.24411/2078-1024-2020-11011 (In Russ.)
9. Khadiullina, R. R., Galimov, A. M. (2019). Electronic Information and Education Environment of a Higher Education Institution as an Instrument for Improving the Quality of the Educational Process. *Tomsk State University Journal*, 443, 241–254. doi.org/10.24411/2078-1024-2020-11011 (In Russ.)
10. Maloshonok, N. G. (2016). How Using the Internet and Multimedia Technology in the Learning Process Correlates with Student Engagement. *Educational Issues*, 4, 59–83. doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-59-83 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Половнёв Андрей Викторович

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник социологической лаборатории
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Соловьёв Сергей Сергеевич

кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник социологической лаборатории
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Дмитриева Мария Михайловна

научный сотрудник социологической лаборатории
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polovnev Andrey Viktorovich

PhD (Sociology), Associate Professor,
Senior Researcher at the Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University,
Associate Professor of the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty),
Moscow State Linguistic University

Solovyov Sergey Sergeevich

PhD (Sociology), Associate Professor,
Senior Researcher at the Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University,
Associate Professor of the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty),
Moscow State Linguistic University

Dmitrieva Maria Mikhailovna

Junior Researcher at the Sociological Laboratory,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 29.04.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 29.04.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 316.77

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_93

Типология межэтнических взаимодействий в воинских коллективах военнослужащих по призыву

А. С. Согомонян

*Научно-исследовательский центр Военной академии РВСН имени Петра Великого, Балашиха, Россия
s_a_s13@mail.ru*

Аннотация. По своим типическим характеристикам воинский коллектив является специфической иерархической организацией, включающей совокупность формальных и неформальных взаимодействий. Возникающие в воинских коллективах противоречия, в силу богатого национального состава Вооруженных Сил, порой сложно однозначно отнести к межэтническим, ввиду специфики казарменного быта и особых условий военной службы, предполагающих формирование у военнослужащих состояний агрессии, депривации. В данной статье автором представлены типы складывающихся межэтнических взаимодействий в воинских коллективах с учетом их социально-психологических характеристик.

Ключевые слова: военнослужащие по призыву, воинский коллектив, межнациональное общение, межкультурная коммуникация, этническая социализация, этносоциальная система

Для цитирования: Согомонян А. С. Типология межэтнических взаимодействий в воинских коллективах военнослужащих по призыву // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 93–99. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_93

Original article

Typology of Interethnic Relations in Military Groups of Conscripts

A. S. Sogomonyan

*Scientifically-research center of the Peter the Great Strategic Missile Troops Academy, Balashikha, Russia
s_a_s13@mail.ru*

Abstract. A military team is a specific hierarchical organization, which includes a set of formal and informal relations. Contradictions in military teams, due to the rich national composition of the Armed Forces, are sometimes difficult to attribute to interethnic, due to the specifics of barracks life and military service, which imply the formation of aggression and deprivation among personnel. The author presents the types of developing interethnic relations in military groups, considering their socio-psychological characteristics.

Keywords: conscripts, military team, interethnic communication, intercultural communication, ethnic-social system

For citation: Sogomonyan, A. S. (2022). Typology of interethnic relations in military groups of conscripts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 93–99. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_93

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап этногенеза в российском обществе и во всем мире отражает исключительную актуальность проблемы эффективного строительства Вооруженных Сил нашей многонациональной страны. Достаточно отметить, что примерно треть военнослужащих российской армии и флота составляют представители неславянских этнических групп. Социологические исследования, проводимые ВЦИОМ [Хайкин, Бережкова, 2016] и Левада-центром [Пипия, 2019], показывают, что в нашей стране, при относительно терпимом отношении молодежи к представителям иных национальностей, тем не менее существует определенная тенденция к усилению интолерантного дискурса в отношении отдельных этнических групп.

Проведенный анализ сообществ в социальных сетях показал, что молодежь призывного возраста, конформная в своей массе, не имеющая четко выраженных личных убеждений по вопросу этничности и в эмоциональном отношении гораздо более неустойчивая, нежели люди старших поколений, легче воспринимает популистские лозунги националистического контекста. Формируемая при этом национальная нетерпимость у молодежи имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему росту [Гудков, Пипия, 2018]. В современных сложных социально-политических условиях в стране и на постсоветском пространстве опасность подобных явлений для Вооруженных Сил нашей страны актуальна.

ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ

Воинские подразделения по своему этническому составу и, как следствие, характеру складывающихся в них межэтнических взаимодействий имеют существенные различия. Ввиду неравномерности образовательной и профессиональной подготовки призывников в разных регионах России распределение их по уровню квалификации, в зависимости от сложности, предстоящей к замещению воинской должности и рода войск, автоматически приводит к дисбалансу этнического состава в воинских коллективах. Результат такого отбора проявляется как на уровне дивизий, так и на уровне подразделений. Например, сложные в техническом отношении воинские должности в Ракетных войсках стратегического назначения замещаются военнослужащими, преимущественно

призванными из центральных регионов России, основу населения которых составляют представители славянских этнических групп, а в мотострелковых и тыловых частях воинские коллективы в этническом отношении более разнородны [Исследование особенностей управления формированием этнической толерантности в воинских коллективах военнослужащих по призыву, 2021]. Подобная неоднородность этнического состава воинских коллективов обуславливает их различие в характере внутриколлективных взаимодействий. На сегодняшний день межэтнические взаимодействия в воинских коллективах Вооруженных Сил можно условно разделить на три типа.

Первый тип взаимодействий характерен для традиционных в российской армии воинских коллективов, в которых преобладающее большинство военнослужащих составляют представители славянских этнических групп. В подобных коллективах взаимодействие акторов выстраивается на основе привычных для славянской ментальности социальных практиках и моделях поведения, что чаще всего принимается офицерским составом как наиболее приемлемый вариант внутриколлективных отношений. В таких подразделениях число представителей иных национальностей незначительно, при этом, стремясь сохранить свою внутреннюю самобытность, они тем не менее принимают типичные для конкретного коллектива нормы и правила поведения. В подобных коллективах основными стратифицирующими признаками выступают срок службы и уровень личного военного профессионализма.

Взаимодействия второго типа складываются в достаточно распространенных в Вооруженных Силах подразделениях, в которых этнический состав относительно равномерно представлен военнослужащими различных национальностей. На формирование групповой модели поведения влияют уже не только национально-психологические особенности славянской этнической группы, но и представителей иных этносов, чаще всего тюркоязычных. Основным отличием, позволяющим выделить воинские коллективы данного типа, является количество представителей славянских этнических групп, составляющих менее половины от общей численности военнослужащих. В подобных подразделениях стремление к сохранению этнокультурной самобытности и внутриобщинных связей приводит к возникновению микрогрупп, основанных на общем этническом происхождении либо по признаку «землячества» [Малахов, 2004]. Выбор групповой поведенческой модели при отсутствии жестко обозначенной служебной иерархии определяется, как правило, одной из микрогрупп.

Третий (редко распространенный) тип взаимодействий формируется в воинских коллективах, в которых доля представителей национальных меньшинств России составляет большую часть подразделения, в этническую палитру которых чаще всего преобладают военнослужащие, исповедующие ислам, реже буддизм. Например, подобные подразделения встречаются в воинских формированиях, дислоцируемых в республиках Северного Кавказа, в Калмыкии, Бурятии [Малахов, 2004]. Феноменология социального взаимодействия в подобных коллективах, как и в случае с подразделениями первого типа, основана на национально-психологических особенностях акторов преобладающей по численности этнической группы. Военнослужащие славянских этнических групп, составляя численное меньшинство, как правило, не стремятся к усвоению нравственных ценностей доминирующей группы и их поведенческих паттернов, но при этом признают моральное право на их существование.

Экспертные опросы офицерского состава различных родов войск, анализ ранее проведенных исследований других авторов [Коваль, 2014] выявили прямую зависимость между этническим составом первичных воинских коллективов и частотой возникаемых межличностных, в том числе межэтнических конфликтов. Так, в ходе экспертного опроса, распределяя указанные три типа по степени конфликтности, начиная с наименьшего, примерно 86 % опрошенных офицеров указали первый тип, как наименее конфликтный и 14 % выбрали второй вариант ответа. В качестве наиболее конфликтной среды большинством респондентов – 77 %, был выбран вариант подразделений со вторым типом взаимодействий. Данное обстоятельство в очередной раз актуализирует необходимость проведения в рамках военно-политической работы мероприятий по всестороннему изучению особенностей интеракции в малых социальных группах в условиях замкнутой военной среды с учетом влияния современного информационного пространства.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ

Определяющими факторами формирования внутригрупповых взаимодействий в воинских коллективах первого типа являются срок военной службы, личный жизненный опыт, приобретенный в процессе службы, навыки, сформированные в ходе

освоения воинской специальности, морально-деловые качества военнослужащих. В подразделениях с первым типом взаимодействий межличностная коммуникация, сфера духовной жизни и уклад неформальной сферы взаимодействия воинского коллектива, как правило, основывается на традициях и нравственных ценностях русского воинства. Военно-политическая работа, вне рамок универсальных методов и форм воспитания, проводится с учетом национально-психологических особенностей военнослужащих славянских этносов.

Конфликты в подобных воинских коллективах связаны, как правило, со стремлением к главенствующей роли в коллективе военнослужащих более ранних призывов. Межэтнические конфликты в подобных коллективах возникают редко, в основном на межличностном уровне и в большинстве случаев связаны со сложностями межкультурного восприятия, различием в воспитании, уровне образования и мотивации к службе [Анцупов, Шипилов, 2015].

Индивидуальная работа в отношении национальных меньшинств, направленная на интеграцию в воинском коллективе их отдельных представителей, не имеющих опыта межнационального общения; мероприятия, направленные на их адаптацию, забота и внимание, оказываемые им, вызывают поддержку и одобрение у всего коллектива, что в комплексе оказывает положительное внимание на психологический климат в подразделении. Кроме того, взаимодействие с родными, близкими, их прошлыми учебными и трудовыми коллективами по вопросам адаптации позволяют не только установить доверительные взаимодействия с военнослужащими, представителями национальных меньшинств, но и вовремя выявить изменения в их социально-психологическом состоянии.

В воинских коллективах с системой взаимодействий второго типа в отношениях между акторами значимую роль играет национальность военнослужащего. В большинстве случаев именно на основе национального признака образуются все микрогруппы, между которыми разворачивается борьба за неформальное лидерство в коллективе. Подобная разобщенность приводит к формированию разнонаправленных норм, правил и ценностей взаимоотношений, так как их возникновение и конвенционализация происходят в пределах конкретных микрогрупп. Основными причинами формирования подобных микрогрупп являются потребность в аффилиации, защищенности в условиях непривычной среды, стремление к сохранению идентичности и воспроизводства привычных для своей этнической общности социальных практик [Шевченко, 2006]. Например, микрогруппы,

состоящие из представителей этносов Северного Кавказа и Закавказья, отличает строгая иерархия в распределении социальных ролей. При этом клановость, характерная для социального устройства в отдельных республиках Северного Кавказа, находит свое отражение и на уровне межличностных взаимодействий. Следовало бы отметить, что границы микрогрупп, как правило, непроницаемы для чужаков, но с течением времени, длительность и частота социальных контактов способствует размытию их границ и возможностей проникновения. Общий фон взаимодействий в подобных коллективах характеризуется динамичностью, высоким уровнем конкуренции по поводу неформального лидерства и напряженностью [Денисенко, 1998]. Исследованный опыт наблюдений формирования воинских коллективов показал, что в подразделениях с подобным типом взаимодействий военнослужащие образуют микрогруппы, которые можно объединить в рамках трех условных культурно-географических формаций: «южная», «восточная» и «западная», либо по общности вероисповедания с последующим разделением на меньшие микрогруппы. Особенностью микрогрупп, объединяемых по «западному» типу, состоит в том, что они формируются преимущественно по земляческому признаку, при этом общность проживания тем существеннее, чем меньше населенный пункт, в котором проживали военнослужащие до призыва. Условно говоря, призывники из города Алатырь в большинстве случаев будут более сплочены в своей микрогруппе, нежели призывники из города Чебоксары, при этом опыт наблюдений показывает, что для призывников из крупных мегаполисов, таких как Москва или Санкт-Петербург, общность проживания, как фактор группового сплочения, является несущественным.

Военнослужащие славянских этносов в подобных подразделениях в силу того, что образуют в основном «земляческие» микрогруппы и «по интересам», в этнокультурном плане более разобщены. Они, как правило, уступают в борьбе за неформальное лидерство в коллективе. Значимую роль в данных воинских коллективах играют лидеры национальных микрогрупп, отстаивающие и защищающие групповые интересы. В подобных подразделениях такие характеристики военнослужащих, как срок службы и степень освоения военно-профессиональной специальности, на построение межличностных взаимодействий и занимаемый статус оказывают меньшее влияние, чем морально-волевые качества или физическая сила. Возникающие межэтнические конфликты в воинских коллективах со вторым типом взаимодействий часто с межличностного уровня переходят

на межгрупповой, в силу высокой внутренней корпоративности в микрогруппах.

Особенно значимую роль в проведении военно-политической работы в подразделениях второго типа приобретает изучение общественного мнения и социометрические исследования, позволяющие получить социограмму неформальной структуры воинского коллектива [Гребнев, 2006]. Помимо выявления собственно микрогрупп, важное значение отводится определению внутригрупповой системы социальных ролей и статусов – четкая иерархия лидер-масса-«парии» прослеживается как на уровне воинского коллектива, так и на уровне отдельной микрогруппы [Малахов, 2004]. При этом микрогруппы «южного» типа помимо высокой внутригрупповой корпоративности отличает стремление к замкнутости и обособленности, что выражается нежелании многих их представителей на социометрических опросах проявлять открытость о социальных предпочтениях в отношении ближайшего окружения (микрогруппы). Поэтому при определении статусно-ролевых позиций членов подобных микрогрупп применяется метод наблюдения, как наиболее валидный. Полученная информация позволяет в первую очередь определить неформальных лидеров в микрогруппах и их «политический вес», а также социальную направленность микрогрупп для последующей индивидуальной работы с членами. Стоит отметить, что в отличие от «западных» в подобных микрогруппах общность интересов не является одним из консолидирующих признаков – объединяющей идеей выступает национальность как некая «примордиальная» характеристика, связывающая индивидов. Морально-деловые и волевые качества в микрогруппах «южного» типа имеют значение при распределении внутригрупповых ролей.

Наибольшую сложность в управленческом отношении вызывают воинские коллективы с межэтническими взаимодействиями третьего типа, в которых преобладают представители каких-либо неславянских, чаще северокавказских, этнических общностей.

Взаимодействие акторов в таких коллективах опосредовано доминанцией военнослужащих, представителей одного численно преобладающего этноса либо конгломерата родственных в языковом и религиозном отношении этносов. Это может выглядеть, например, как союз микрогрупп военнослужащих, выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа. Их отличает стремление к оказанию поддержки друг другу, но если на уровне микрогрупп сплоченность проявляется, то на коллективном уровне этого чаще всего не происходит. Микрогруппы, состоящие из

военнослужащих, призванных из республик Северного Кавказа или выходцев из Закавказья, если в силу в своей малочисленности или иных причин не могут занять доминирующее положение в коллективе, как правило, стремятся к обособленности, независимости и в таких случаях мнение их неформального лидера имеет особое значение в вопросах быта, уклада, взаимоотношений с остальным коллективом [Афанасов, 2002]. Общий фон взаимодействий в воинских коллективах данного типа опосредован не столько межгрупповыми взаимодействиями, сколько взаимодействиями внутри этнических микрогрупп. В силу ментальных особенностей военнослужащих, призванных из южных регионов, в частности Северного Кавказа, в которых культура конфликта играет особую роль в процессе социализации и коммуникации [Авксентьев 2006], немалое значение ими придается морально-волевым и физическим качествам мужчины, что находит выражение в восприятии личности командира и сослуживцев.

Военнослужащие, представители славянских этносов, как показывают наблюдения, в подавляющем количестве случаев образуют микрогруппы на основе личных интересов, в отдельных случаях, как уже указывалось выше, ментальная и территориальная общность проживания до призыва выступает основой для консолидации в микрогруппы по земляческому признаку. В целом, можно отметить, что национальные микрогруппы, особенно в воинских коллективах третьего типа, в большинстве случаев более сплочены нежели «земляческие». Эти обстоятельства являются причинами слабой национально-групповой сплоченности военнослужащих представителей славянских этносов, что в подразделениях с подобным типом взаимодействий их может в какой-то степени ставить в зависимое положение, особенно на этапе формирования первичных воинских коллективов с возникновением острых межэтнических противоречий.

Организаторская и военно-политическая работа в воинских коллективах третьего типа взаимодействий должна основываться на глубоком знании этнокультурных особенностей представителей национальностей, составляющих коллектив [Магомедов,

2019]. Ввиду часто возникаемых конфликтов в подобных коллективах офицерам приходится выступать в роли медиаторов, так как предписанные общевоинскими уставами принципы управления в ситуациях исторически сформированных взаимодействий на основе ненависти и вражды, оказываются неэффективными [Анцупов, Шипилов, 2015]. Острая напряженность во взаимоотношениях часто возникает между военнослужащими представителями ингушской и осетинской национальностей; армянской и азербайджанской, особенно с учетом недавних событий в Карабахе. Разобщенность внутри славянского мира на фоне последних событий на Украине и проводимой информационной войны в СМИ, мессенджерах и социальных сетях внушает тревожные опасения о возможности переноса конфликта из политического пространства на уровень межличностных отношений в воинских коллективах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, необходимость изучения особенностей межэтнических взаимодействий в воинских коллективах военнослужащих по призыву актуализируется, во-первых, богатым этническим составом Вооруженных Сил Российской Федерации, предполагающим столкновение различных в своей сущности культур. Во-вторых, сложная социально-политическая обстановка в ближнем зарубежье обуславливает возможность разобщения на микроуровне представителей славянских этносов и обострения взаимодействий между выходцами из республик Закавказья, проходящих службу в российской армии. В-третьих, характер ведения информационной войны предполагает формирование целевой аудитории «образа врага», что в конечном счете, определяет установки и стереотипы у будущих призывников. Последнее обстоятельство обуславливает проведения серьезной профилактической работы на этапе становления первичных воинских коллективов. Социальнотипические черты полиэтнических воинских коллективов в основном определяются особенностями существующих взаимодействий в них.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных взаимодействий Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110.
2. Пипия К. Мониторинг ксенофобских настроений. 18 сентября 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/>

3. Гудков Л., Пипия К. Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4(127). С. 33–64.
4. Исследование особенностей управления формированием этнической толерантности в воинских коллективах военнослужащих по призыву // Научно-исследовательская работа «Этна-2019». ВА РВСН. Балашиха, 2021.
5. Малахов В. Д. Социологический анализ неформальных групп военнослужащих: на примере корабельного воинского коллектива: дис. ... канд. соц. наук. М., 2004.
6. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2015.
7. Шевченко И. В., Шевченко Т. В. Специфика многонационального воинского коллектива // Доклады Академии военных наук. 2006. № 2(20). С. 110–113.
8. Денисенко С. И. Развитие педагогической теории и практики поддержания воинской дисциплины в частях, на кораблях: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998.
9. Гребнев В. С. Этническая социализация военнослужащего-контрактника в условиях реформирования Вооруженных Сил России: дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2006.
10. Афанасов А. В. Формирование опыта конструктивного разрешения межличностных конфликтов у курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2002.
11. Авксентьев В. А. Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // Observer – Обозреватель. 2006. № 7. С. 19–27.
12. Магомедов М. К. Развитие культуры межнационального общения в воинских коллективах России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 177–185.

REFERENCES

1. Khaikin, S. R., Berezhkova, S. B. (2016). Sotsiologicheskii monitoring mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otноshenii Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei = Sociological monitoring of interethnic and interfaith interactions of the Federal Agency for Nationalities Affairs. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 5, 97–110. (In Russ.)
2. Pipyia, K. (2019, September 18). Monitoring ksenofobskikh nastroenii = Monitoring of xenophobic sentiments. <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskikh-nastroenij-2/> (In Russ.)
3. Gudkov, L., Pipyia, K. (2018). Parametry ksenofobii, razizma i antisemitizma v sovremennoi Rossii = Parameters of xenophobia, racism and anti-Semitism in contemporary Russia. Vestnik obshchestvennogo mneniya, 3–4(127), 33–64. (In Russ.)
4. Issledovanie osobennostei upravleniya formirovaniem etnicheskoi tolerantnosti v voinskikh kollektivakh voennosluzhashchikh po prizyvu = Study of the features of managing the formation of ethnic tolerance in military groups of conscripts (2021). Nauchno-issledovatel'skaya rabota «Etna-2019». VA RVSН. Balashikha. (In Russ.)
5. Malakhov, V. D. (2004). Sotsiologicheskii analiz neformal'nykh grupp voennosluzhashchikh: na primere korabel'nogo voinskogo kollektiva = Sociological analysis of informal groups of servicemen: on the example of a naval military team: PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)
7. Antsupov, A. Ya., Shipilov, A. I. (2015). Konfliktologiya: Uchebnik dlya vuzov = Conflictology: Textbook for universities. 6th ed. St. Petersburg: Piter.
8. Shevchenko, I. V., Shevchenko, T. V. (2006). Spetsifika mnogonatsional'nogo voinskogo kollektiva = The specifics of a multinational military team. Doklady Akademii voennykh nauk, 2(20), 110–113.
9. Denisenko, S. I. (1998). Razvitie pedagogicheskoi teorii i praktiki podderzhaniya voinskoi distsipliny v chastyakh, na korablyakh = Development of pedagogical theory and practice of maintaining military discipline in units, on ships: Senior Doctorate in Pedagogy. Moscow.
10. Grebnev, V. S. (2006). Etnicheskaya sotsializatsiya voennosluzhashchego-kontraktnika v usloviyakh reformirovaniya Vooruzhennykh Sil Rossii = Ethnic socialization of a contract serviceman in the context of the reform of the Russian Armed Forces: PhD in Sociology. Kazan'.
11. Afanasov, A. V. (2002). Formirovanie opyta konstruktivnogo razresheniya mezhlichnostnykh konfliktov u kursantov voennogo vuza = Formation of experience of constructive resolution of interpersonal conflicts among cadets of a military university: PhD in Pedagogy. Kostroma.

12. Avksent'ev, V. A. (2006). Severnyi Kavkaz: repolitizatsiya etnichnosti i konfliktologicheskie stsenarii razvitiya = North Caucasus: Repoliticization of Ethnicity and Conflictological Development Scenarios. *Observer – Obozrevatel'*, 7, 19–27.
13. Magomedov, M. K. (2019). Razvitie kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya v voinskikh kollektivakh Rossii = Development of a culture of interethnic communication in the military teams of Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 9, 177–185.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонян Андрей Самвелович

кандидат социологических наук, заместитель начальника
22-го отдела научно-исследовательского центра Военной академии РВСН имени Петра Великого,
Балашиха, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soghomonyan Andrey Samvelovich

PhD (Sociology), Deputy Head of the 22nd Department of Research and Research Center
of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great, Balashikha, Russia

Статья поступила в редакцию 10.03.2022
одобрена после рецензирования 07.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 10.03.2022
approved after reviewing 07.05.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 316.477

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_100

Кадровый трибализм при формировании управленческих команд государственной (правоохранительной) службы в Российской Федерации

О. В. Филимонов

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ofilimonov@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема эффективности формирования кадровых резервов государственной (правоохранительной) службы в Российской Федерации. Поставлена цель методом фокусированного группового интервью выявить распространенность таких кадровых дисфункций как трибализм, псевдо-командообразование и личная лояльность

Ключевые слова: кадровый резерв, кадровый трибализм, лояльность, адхократия, МВД России, правоохранительные органы, фокус-группа, интервью

Для цитирования: Филимонов О. В. Кадровый трибализм при формировании управленческих команд государственной (правоохранительной) службы в Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 100–107. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_100

Original article

Personnel Tribalism in the Formation of Management Teams of the State (Law-Enforcement) Services on the Russian Federation

O. V. Filimonov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ofilimonov@yandex.ru*

Abstract. The article raises the problem of the effectiveness of the formation of personnel reserves of the state (law enforcement) service in the Russian Federation. The aim of the focused group interview is to identify the prevalence of such personnel dysfunctions as tribalism, pseudo-team building and personal loyalty.

Keywords: personnel reserve, personnel tribalism, loyalty, adhocracy, the Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement agencies, focus group, interview

For citation: Filimonov, O. V. (2022). Personnel tribalism in the formation of management teams of the state (law enforcement) service in the Russian Federation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 100–107. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_100

ВВЕДЕНИЕ

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. Специальная военная операция (*Владимир Путин объявил о Специальной военной операции в Донбассе // Российская газета*¹) и введенные рядом иностранных государств санкции в отношении России поставили перед страной вопрос перестройки управления в «мобилизационном» режиме. Одновременно высшее руководство государства столкнулось с латентным или явным сопротивлением принимаемым решениям в связи с нарастающим давлением недружественных России стран. Часть руководителей либо самоустранились от выполнения своих функций, либо стала манкировать своими обязанностями. Во многом это стало возможным вследствие практики назначения на должности не по интеллектуальным, профессиональным и этическим качествам, а в соответствии с критериями близости к руководителям, назначившим их на должности, либо (личной) преданности и лояльности.

Замещение естественной убыли руководителей (уход на пенсию, перевод в другие ведомства, повышение по службе и т. п.) происходит, как правило, из сформированного кадрового резерва. Так, созданной в 2013 г. комиссией по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров при Президенте России одной из задач было обозначено: «...рассмотрение предложений по совершенствованию порядка формирования и эффективного использования резерва управленческих кадров»². За рубежом используются схожие дефиниции, расширяющие, тем не менее, такое недостаточно содержательное понятие как «кадровый резерв»: «планирование преемственности, планирование замещений, планирование карьеры, развитие руководителей, пул талантов, управление талантами и талант руководителя» [Гриненко, Нижегородцева, 2017, с. 28]. Предполагается, что эти резервы должны отбираться и пополняться перспективными специалистами, «...обладающими качествами, которые более всего необходимы для данной профессиональной деятельности» [Свирина, 2018, с. 91–92].

В настоящее время существуют два подхода к формированию резерва управленческих кадров: *конкурсный* и *экспертный*. Первый (его можно обозначить как *антрепренерский*) основывается на формальных (открытых) процедурах отбора;

второй (его можно обозначить как *практику «гильдий»*) основным фактором конкурса предполагает участие экспертов, «...с использованием принципа “лучшие выбирают лучших”, или “лучшие называют лучших”» [Барабашев, Стружак, 2009, с. 2–3]. В кадровый резерв должны включаться кандидаты, годные не только по формально-функциональным характеристикам – имеющие необходимый опыт, прошедшие целевое обучение, но и обладающие управленческим талантом, который представляет собой «...сочетание острого стратегического ума, лидерских способностей, эмоциональной зрелости, навыков общения, ...функциональных навыков, умения достигать результатов, а также способности привлекать и вдохновлять другие таланты» [Майклз, Хэндфильд-Джонс, Эксулрод, 2005, с. 17]. Но объединяющими характеристиками государственных служащих, включенных в кадровые резервы для дальнейшего повышения, как отметил А. Сороко, должны быть «...профессиональные, деловые, личностные и морально-этические качества» [Сороко, 2001, с. 26]. Формирование кадрового резерва с оследующим повышением должно осуществляться только через оценку «...основных способностей (компетенций)... как совокупности знаний, умений и навыков, которые необходимы для выполнения конкретной работы» [Андреева, 2013, с. 99]. Однако при всей очевидности тезиса о меритократии, часто практики формирования и дальнейшего использования кадрового резерва происходят в дисфункциональных формах: личной лояльности руководителю, формирующего резервы, кастовой замкнутости, кадровом трайбализме и т. п.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Дефиниция «лояльность» не имеет общепризнанного понимания. И хотя лояльность часто носит индивидуальный характер (верность, преданность, приверженность и т. д.), существует и социосистемный [Парсонс, 1998] подход к ее объяснению, акцентирующий внимание на общегрупповых механизмах индивидуальной лояльности [Горностаев, 2017, с. 128]. Формируется своеобразный «кадровый трайб» англ. *tribe – племя* лояльных, объединенных общими (псевдо)ценностями, поддерживающих и защищающих друг друга людей. Как отметил В. Буряк, трайбализм оказывает влияние на современных людей постиндустриального времени вследствие своей «племенной ментальности», формируя при этом своеобразный парасектантский способ мышления. По его мнению, «...современный трайбализм (неотрайбализм)

¹ URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-soobshchil-o-specialnoj-voennoj-operacii-v-donbasse.html>

² Указ Президента РФ от 09.02.2013 № 1203 (ред. от 14.01.2019) «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> 2022.

представляет собой некое ментальное, эмоциональное и поведенческое состояние, фундированное групповой солидарностью» [Буряк, 2018, с. 95]. Трайбализм опасен тем, что в его основе лежит «ригидная психологическая установка», основанная на системе ценностей «свой – чужой». К первым может проявляться определенная снисходительность; не входящим же в круг «своих» в лучшем случае относятся по закону (друзьям – всё, остальным – закон¹), в худшем – уничтожают (политически, социально, в худшем варианте – физически).

Мишель Маффесоли в своей работе «Время племен. Упадок индивидуализма в массовом обществе» использует термин «неотрайбализм», под которым понимает племена (микрогруппы), «...появление и распространение которых парадоксальным образом сопровождается массовизацией общества» [Maffesoli, 1996, с. 6]. «Постмодерные племена, должны полагаться на свою гибкость, своё умение адаптироваться как к своевременности...» [там же, с. 303]. «К характерным чертам новой «дикости» (по мнению Маффесоли) относятся проявления гедонизма, влечения и страсти» [Шубрт, 2018, с. 30]. Принципы трайбализма заставляют члена подобной группы ориентироваться только на того, кто дал ему карьерную возможность, осознавая, что вне «кадрового племени», по мнению Бурдые, «такие люди не имеют ничего или почти ничего» [Бурдые, 1993, с. 256]. Выражаясь другими словами, «... аппарат дорожит больше всего теми, кто больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят» [там же]. Этот аппарат вырабатывает свои критерии отбора, и они зачастую только внешне похожи на установленные формальными нормами (права). Подобную «...совокупность социальных и политических феноменов, связанных с данным типом властных отношений, в социологической и политологической литературе принято обозначать термином клиентелизм (должностной клиентизм)» [Афанасьев, 2000, с. 22]. По мнению исследователей, «... распространённость клиентелизма в России поддерживает и распространение коррупционных сетей» [Римский, 2007, с. 83], что дисфункционально принципам выбора лучших кандидатов на повышение, заставляет терять веру в справедливость и объективность кадрового отбора.

Принадлежность же к определенной управленческой группе позволяет получить, по мнению В. Парето, своеобразные этикетку, ярлык. Так, например, принадлежность к адвокатскому корпусу автоматически создает впечатление, что человек

знает право. Люди в пуле «управленцев» тоже имеют свои ярлыки: «...к примеру, министры, сенаторы, депутаты, начальники департаментов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники и т. д. К сожалению, и здесь имеются исключения, т. е. те, кто сумели занять эти должности при отсутствии качеств, отвечающих полученному ярлыку» [Парето, 2008, с. 309]. Компенсировать отсутствие качеств, необходимых для занятия соответствующей должности, помогает принадлежность к какому-либо трайбу. Ярлык «племени» помогает преодолеть фильтр компетентности, ставший бы непреодолимым барьером при прочих условиях. При этом представление, что именно личная преданность (одновременно понимаемая как лояльность организации) прочно утвердилось в общественном мнении российского общества. На руководящих постах зачастую «оказываются далеко не самые достойные, а «свои», что существенно снижает интеллектуальный потенциал власти и качество принимаемых ею решений» [Юревич, 2017, с. 88]. Профессионализм, интеллектуальные и нравственные качества кандидатов на повышение проигрывают личным связям, знакомствам и даже семейственности руководителям [там же]. По мнению руководителей, «...работа в команде земляков и однокурсников позволяет, в частности, оптимизировать и упростить многие формально необходимые процессы согласований» [Гвоздева, 2007, с. 36]. Для этого, как они считают, необходима возникающая только с годами высокая степень доверия.

Распространённость кадрового трайбализма формирует двойную лояльность – ситуацию, когда трайбл-руководитель демонстрирует формальную макролояльность (государству, государственной организации), фактически же искажает установленные государством нормы кадрового движения, в интересах своего «племени». И если раньше кадровый трайбализм был характерной чертой национальных диаспор, то сейчас он расширяется по другим основаниям – микрополитической лояльностью (конкретному руководителю). Такая двойная лояльность не может не привести к конфликту интересов.

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на формально и нормативно закреплённые правила назначения на вышестоящие должности по критериям профессионализма и компетентности, часто реальное карьерное повышение осуществляется на основе псевдопрактик групповой сплочённости («кадрового трайбализма») и личной преданности (лояльности). Явление «своей команды» достаточно распространено

¹ Фраза приписывается одновременно диктатору Парагвая Альфредо Стресснеру, испанскому диктатору Франсиско Франко и итальянскому Бенито Муссолини. – О. Ф.

Социологические науки

и негативно влияет на оценки кадровой политики государства (органа государственной власти, где предусмотрена государственная служба). Основными дисфункциональными практиками кадрового трайбализма является формирование в правоохранительной службе управленческих команд по принципу личной преданности и переход на другую работу вслед за перемещающимся руководителем.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы поставили цель выявить распространенность такого явления как кадровый трайбализм. И хотя известно его определение как обособленности одной группы от других групп (порой переходящую в откровенную враждебность), в контексте нашего исследования мы сузили его сущность до кадрового трайбализма, заключающегося в предоставлении карьерных преимуществ выходцам из «социального племени» (территории рождения, образовательной организации, мест службы и пр.), а также насколько влияют на включение в кадровый трайб такие качества как лояльность и личная преданность.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРОБЛЕМЕ

По ряду причин мы отказались от наиболее доступного и апробированного метода эмпирического исследования – анкетирования. Так, проведению массового опроса препятствовало трудность получения разрешения, а затрагиваемые в исследовании проблемы могли выявить дисфункциональность процессов вертикальной восходящей мобильности (кадрового движения) и побудить респондентов (после проведения исследования) взглянуть на устоявшиеся ригидные практики кадровой политики под новым «углом зрения». Экспертный опрос также снизил бы валидность исследования, так как отбор экспертов получился бы необъективным, вследствие как указанной причины, так и нежеланием выступать в качестве таковых значимых носителей информации – представителей кадровых служб и аттестационных комиссий. Как отмечают исследователи, применение экспертного опроса идеализирует получаемую информацию, так как «... участники опроса, отобранные в качестве экспертов, стремились бы излагать свои знания, фокусируясь на том, как следует поступать...» [Передня, 2018, с. 47–48].

Учитывая сложности с релевантной социологической информацией, для получения эмпирических данных нами был выбран метод фокусированного глубинного интервью (ФГИ), примененного на фокус-группе. Целевую аудиторию фокус-группы составили слушатели магистратуры Академии управления МВД России, обучающиеся по очной форме (N – 11). Все они до поступления в образовательную организацию являлись руководителями, прошедшими кадровые назначения на вышестоящие должности и, что немаловажно, сами участвовали в процессах отбора и заполнения вакансий отобранными кандидатами. Несмотря на формат фокус-группы, они, по сути, являлись и экспертами обсуждаемой проблемы. ФГИ, проводимое факультативно, тем не менее несло оттенок учебных занятий, тем самым снимая потенциальное напряжение, которое было бы неизбежно при проведении «классического» интервьюирования. Интервью велось по заранее составленному сценарию, его продолжительность составила два академических часа (90 мин). Респонденты обозначали себя порядковыми номерами. Для фиксации процедуры по просьбе участников фокус-группы использовалась только письменная запись.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

В результате расшифровки стенограммы нами были получены достаточно релевантные данные. Ниже приведены наиболее характерные высказывания участников фокус-группы.

Какие значимые качества наиболее предпочтительны при назначении на вышестоящую должность: достигнутые профессиональные успехи кандидата на повышение или личная к нему симпатия руководителя?

Респондент 1: «Трудно ответить. Формально, конечно, учитываются достижения сотрудника и его подчиненных. Раскрываемость (*преступлений*. – О. Ф.), поощрения... Но, конечно, мнение руководителя тоже учитывается...».

Респондент 3: «Я думаю, если ко двору не пришелся, то хоть выше головы прыгни, на повышение не пойдешь. Если только сам не найдешь (*вышестоящую должность*. – О. Ф.), или в другой регион...».

Респондент 6: «Зависит от должности. Чем выше, тем больше нужны связи. Откуда ты приехал, работал с руководителем раньше или нет...»

Респондент 8: «Еще, я считаю, играет роль, были ли конфликты с начальников или нет. Был случай, когда пришлось не соглашаться, и отстоять свою позицию. Оказался прав я, но начальник не

забыл. Два раза характеристику (на аттестационную комиссию. – О. Ф.) не подписывал...».

Респондент 10: «Решают нашу судьбу непонятно как и где. Могут только озвучить решение. Что там о нас говорят, правду или нет – не узнать...».

Респондент 11: (реплика) «Не о том говорим, а о личной преданности начальнику».

Часто употребляют словосочетание «личная преданность». Какой, по вашему мнению, смысл в него при этом вкладывается? И насколько это явление распространено?

Респондент 1: «Мой руководитель постоянно повторяет: «Мне не нужны специалисты, мне нужны единомышленники!». А как до дела дойдет, где эти единомышленники? Сразу специалистам задачу ставит...».

Респондент 2: «Я часто слышу. Но не официально, на совещаниях там, а других местах – в курилках и на ...мероприятиях (смех)...».

Респондент 4: «Я считаю, личной преданности быть не должно. Мы служим народу, и для нас главное закон. Тут народная преданность должна быть...».

Респондент 5: (реплика) «Руководителю своему скажи, он тебе пояснит, кому должен быть предан...» (общий смех).

Респондент 9: «Личная преданность, на мой взгляд, нужна тогда, когда дело нечисто, на что-то нужно закрыть глаза или, наоборот, открыть (смех)...».

Насколько фактор «слепого» подчинения является ключевым при решении о выдвижении кандидата в кадровый резерв (на вышестоящую должность)?

Респондент 2: «Конечно, если ты «ешь» начальника глазами, постоянно киваешь, то у него к тебе отношение лучше...».

Респондент 3: «Если хмуришься, при этом думаешь, как решить проблему, начальник думает, что ты хочешь «соскочить» с задачи...».

Респондент 6: «Если понятно, что задача невыполнима, то начальнику об этом лучше не говорить...».

Респондент 7: «Объяснишь раз, другой, почему нельзя потом орать начнет, премию «зажмет», про повышение лучше не говорить – не понизили бы...» (общий смех).

Респондент 8: «У нас не армия, но отвечать надо только «так точно». Объяснять бесполезно...».

Респондент 10: «У нас не так. Всегда спросит наше мнение. Не факт, что примет, может сказать «подумаю», и потом согласиться...».

Насколько распространено явление «свой – чужой» при повышении по службе?

Респондент 1: «У нас сильно (один из регионов Юга России. – О. Ф.). Чужакам, т. е. приехавшим из других регионов, стараются намекнуть, чтобы искали место себе...».

Респондент 4: «Если начальник с собой целый «десант» приведет, их надо назначать. А куда? Все «нормальные» места заняты. Начинают искать «тараканов», придираются по мелочам. Если слабый человек, сразу уходит, место освобождает. Хотя, если начальник не дурак, то профессионалов оставит...».

Респондент 6: «Своего всегда быстрее двинут. Даже не сомневайтесь. Как норма...».

Респондент 9: «У нас тоже несколько человек приехало с начальником. Сначала напряженные отношения были, а потом все нормализовалось (в оригинале «устаканилось». – О. Ф.). Одно дело делаем...».

Респондент 11: «К нам редко едут, все свои, местные. Других, наоборот, хорошо встречают, на их повышение это не влияет...».

Насколько распространено явление «своя команда»?

Респондент 2: «Конечно, это всегда было и всегда будет...».

Респондент 4: «Не согласен. У нас руководитель «привел» с собой только двух человек (по существующим практикам, фактически никого. – О. Ф.). Остальные назначенцы из своих, местных...».

Респондент 5: (реплика) «Некого тащить» было, наверное. Все «замазаны» были...» (общий смех).

Респондент 7: «Без команды не обойтись. На кого тогда опереться? Пока войдешь в курс дела, поймешь все «расклады», прежние так подставят...».

Респондент 8: «Команда нужна, когда что-то нечисто. Когда все по закону, работай, и все...» (начался спор, дискуссия была приостановлена).

Респондент 9: «Команда нужна, все об этом говорят. У одних это «приближенные», у других единомышленники (подсказано определение. – О. Ф.). Важно, для чего – для общего дела или (жест – потирание большим и указательным пальцами друг о друга. – О. Ф.)

Респондент 11: «Я считаю, что плохо. Что такое команда? А если не в команде, то где? Куда тогда? Увольняться, или место «искать»?...»

Почему при назначении высокопоставленного начальника из другого региона самостоятельным руководителем правоохранительного органа субъекта РФ он хочет перевести за собой большое количество подчиненных с прежнего места службы?

Респондент 3: «Тут всё понятно – любой начальник хочет сразу показать свою работу, ему некогда людей изучать, кто чем дышит. Свои всё с полуслова понимают. У них поддержка начальника, они могут сразу всех «закрутить» (*заставить работать более эффективно.* – О. Ф.)

Респондент 7: «Привычка. Все так делают, и всегда. Если никто не против, что почему бы и нет? Какой начальник откажется от тех, к кем привык работать? Другое дело, что они обстановкой на местах плохо владеют, пока вникнут. А результаты сразу подавай. Вот и жмут на подчиненных сильнее...».

Респондент 10: «Согласен. Никто же официально не запрещает. Да и что в этом плохого? Важно, не кто переходит, а сколько. А что с прежним регионом? Кто там останется? Хорошо, если свои поднимутся (*назначаться на вышестоящие должности.* – О. Ф.)? Или у нового начальника такого количества своих нет? Кого назначать? Он же никого еще не знает. Назначит, а тот не потянет? С кого спросят тогда?»

Что можно сделать, чтобы предотвратить перемещение «своих» людей вслед за назначаемым руководителем в другой регион?

Респондент 1: «Нормативный акт принять, не разрешающий переводиться вместе с руководителем в другой регион...».

Респондент 4: «На каком основании? Это нарушение конституционных прав. Тем более что не сразу переходят за начальником, а через некоторое время. А «боконики», когда переводят по договоренности через соседние регионы? Получается, что команда перешла не с прежнего места работы, а с другого региона...».

Респондент 5: «Нормативный акт можно принять, но только не о запрете переводиться вместе с руководителем, а о запрете увольнять с должности ключевых лиц: начальника полиции, следствия, начальников управлений, отделов примерно полгода-год. Пусть работает с теми, кто есть. Руководитель за это время вникнет в дела, поймет, кто чего стоит, и не будет шашкой махать...».

Респондент 8: «А если прежнего руководителя сняли за полный развал работы? Он что, один это

сделал? Всех надо убирать тогда. С кем новому (*руководителю.* – О. Ф.) работать? На кого опираться?».

Респондент 10: «Я считаю, что команду в таком случае надо собирать, но не с прежнего места работы, а с разных регионов. Тогда будет толк...».

Респондент 11: «Поддерживаю коллегу. Кандидаты на повышение есть везде и на все должности. Тогда можно заранее собрать команду и назначить одним приказом...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное ФГИ, в основном, подтвердило выдвинутую гипотезу – кадровый трайбализм при формировании управленческих команд не является не исключительными практиками, а довольно распространенным явлением. Имея в качестве первоначальной цели «благое» желание повысить эффективность управления путем создания команды «единомышленников», кадровый трайбализм в дальнейшем становится дисфункциональным барьером этой эффективности. Закономерно основными меритократическими критериями становятся личные (руководителю) лояльность и преданность.

Переход на новое место работы (службы) начальника влечет за собой перемещение его прежней «команды», на которую можно опереться при начале деятельности или запуске проекта. Это своего рода бюрократическая новация – административная адхократия [Минцберг, 2004]. Объяснение руководителей на первый взгляд понимаемое: при решении важных (прорывных) государственных задач более важны доверие и лояльность, чем профессионализм и интеллект. Конечно, подобный способ формирования управленческих элит может измениться в случае, когда, по мнению Г. Моски, назреет «...необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности частично теряют свою значимость или же происходят изменения в их распределении, будет сменяться и способ формирования правящего класса» [Моска, 1994, с. 195], а его качества перестанут отвечать запросам либо руководителям более высокого уровня, либо внешней (социальной) среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гриненко Т. Г., Нижегородцева Н. А. Кадровый резерв как инструмент управления преемственностью в организации // Евразийский союз ученых. 2017. № 12–2(45). С. 26–31.

3. Свирина Л. Н. К вопросу о развитии института федерального резерва управленческих кадров для государственной службы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 91–101. doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00048.
4. Барабашев А. Г., Стружак Е. П. Два подхода к созданию резерва управленческих кадров // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 20. С. 1.
5. Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э. Война за таланты / пер. с англ. Ю. Е. Корнилович. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2005.
6. Сороко А. В. Федеральный резерв управленческих кадров как элемент системы управления кадровым потенциалом органов государственной власти // Государственная служба. 2011. № 3(71). С. 25–29.
7. Андреева И. А. Первоначальная профессиональная подготовка магистратов во Франции // Право и образование. 2013. № 4. С. 96–103.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998.
9. Горностаев С. В. Психологическая теория лояльности: основы трансличного подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. № 2(23). Т. 7. С. 126–135.
10. Буряк В. В. США: Политический трайбализм и его импликация // Наука через призму времени. 2018. № 11(20). С. 91–95.
11. Maffesoli M. The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society. London : SAGE Publications : Thousand Oaks : New Delhi, 1996.
12. Шубрт И. Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 24–32. doi.org/10.31857/S013216250002155-3
13. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993.
14. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М. : Московский общественный научный фонд, 2000.
15. Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2007. № 1. С. 65–84.
16. Парето В. Компендиум по общей социологии : пер. с итал. А. А. Зотова / науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалевой ; науч. консульт. Н. А. Макашова ; Гос. ун-т ; Высшая школа экономики. 2-е изд. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
17. Юревич А. В. Социально-психологические механизмы кадровой политики // Психологический журнал. 2017. № 6. Т. 38. С. 88–97. doi.org/10.7868/S0205959217060083.
18. Гвоздева Е. Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 31–48.
19. Передня Д. Г. Имидж руководителя органа внутренних дел на региональном уровне, действия по его формированию // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(51). С. 47–52.
20. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации : пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревско-го. СПб. : Питер, 2004.
21. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты : пер. с англ. и примеч. Т. Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.

REFERENCES

1. Grinenko, T. G., Nizhegorodceva, N. A. (2017). Kadrovyy rezerv kak instrument upravlenija preemstvennost'ju v organizacii = Personnel reserve as a tool for succession management in the organization. Evrazijskij sojuz uchenyh, 12–2(45), 26–31. (In Russ.)
2. Svirina, L. N. (2018). On the issue about the Development of the Institute of the Federal Reserve of Managerial Personnel for the Public Service. Vestnik of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 3, 91–101. doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00048. (In Russ.)
3. Barabashev, A. G., Struzhak, E. P. (2009). Dva podhoda k sozdaniyu rezerva upravlencheskih kadrov = Two approaches to creating a reserve of managerial personnel. Public administration. Public administration e-journal, 20, 1. (In Russ.)
4. Majklz, E., X. Hendfild-Dzhons, E. Ekselrod. (2005). Vojna za talanty = The war for talents ; translated from English. Yu. E. Kornilovich. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)
5. Soroko, A. V. (2011). Federal'nyj rezerv upravlencheskih kadrov kak jelement sistemy upravlenija kadrovym potencialom organov gosudarstvennoj vlasti = The Federal reserve of managerial personnel as an element of the personnel potential management system of public authorities. Public administration, 3(71), 25–29. (In Russ.)
6. Andreeva, I. A. (2013). Pervonachal'naja professional'naja podgotovka magistratov vo Francii = Initial professional training of magistrates in France. Law and education, 4, 96–103. (In Russ.)

7. Parsons, T. (1998). Sistema sovremennyh obshchestv = The system of modern societies / translated from English L. A. Sedova, A. D. Kovaleva; ed. M. S. Kovalevoj, Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
8. Gornostaev, S. V. (2017). Psychological theory of loyalty: Bases of transpersonal approach. Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogics, 2(23), 126–135. (Vol. 7) (In Russ.)
9. Buryak, V. V. (2018). SSHA: Politicheskij trjalbalizm i ego implikacii = USA: Political tribalism and its implications. Nauka cherez prizmu vremeni, 11(20), 91–95. (In Russ.)
10. Maffesoli, M. (1996). The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society. London: SAGE Publications : Thousand Oaks : New Delhi.
11. Šubrt, I. (2018). Postmodern World in the Sociology of Michel Maffesoli. Sociological Studiea, 10, 24–32. (In Russ.)
12. Burd'e, P. (1993). Sociologiya politiki = Sociology of Politics: trans. from the French / comp., general ed. and preface. N. A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
13. Afanas'ev, M. N. (2000). Klientelizm i rossijskaya gosudarstvennost': Issledovanie klientarnyh otnoshenij, ih roli v evolyucii i upadke proshlyh form rossijskoj gosudarstvennosti, ih vliyaniya na politicheskie instituty i deyatel'nost' vlastvuyushchih grupp v sovremennoj Rossii = Clientelism and Russian Statehood: A Study of Client Relations, their Role in the Evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on Political institutions and the Activities of ruling groups in modern Russia. 2nd ed. add., Moscow: Moscow obshchestvennyj nauchnyj fond. (In Russ.)
14. Rimskij, V. L. (2007). Bjurokratija, klientelizm i korrupcija v Rossii = Bureaucracy, Clientelism and corruption in Russia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia, 1, 65–84. (In Russ.)
15. Pareto, V. (2008). Kompendium po obshchej sociologii = Compendium of General Sociology; trans. from ital. A. A. Zotova; scientific ed., preface. to rus. ed., decree. names M. S. Kovalevoj; sci. consult. N. A. Makashyova; Gosudarstvennyj universitet – Vysshaya shkola ekonomiki. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE. (In Russ.)
16. Yurevich, A. V. (2017). Socio-psychological mechanisms of personnel policy. Psychological Journal, 6(38), 88–97. doi.org/10.7868/S0205959217060083. (In Russ.)
17. Gvozdeva, E. (2007). Vysshij sloj rossijskogo chinovnichestva: avtoportret = The highest layer of Russian bureaucracy: self-portrait. Social'naja real'nost', 1, 31–48. (In Russ.)
18. Perednya, D. G. (2018). Image of the head of the internal affairs body at the regional level, the actions for its formation. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 1(51), 47–52. (In Russ.)
19. Mincberg, G. (2004). Struktura v kulake: sozdanie effektivnoj organizacii = Structure in a fist: creating an effective organization / translated from English. ed. Yu. N. Kapturevskogo. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
20. Moska, G. (1994). The ruling class. Churches, parties, sects: translated from English and notes T. N. Samsonovoj. Sociological research, 10, 187–198. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филимонов Олег Вадимович

доктор социологических наук, профессор, старший преподаватель кафедры социологии
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filimonov Oleg Vadimovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof., Professor, Senior Lecturer at the Department of Sociology
of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 05.04.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 05.04.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 12.07.2022

Научная статья

УДК 316.3

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_108

Социальная адаптация в междисциплинарной перспективе

И. В. Шишков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ilyashishkoff@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию междисциплинарности социальной адаптации как социального феномена. Автор исходит из того, что трансформация общества и комплексность феномена обуславливают необходимость исследования с перспективы разных наук. Сочетание социологических, психологических и антропологических подходов наиболее показательно по критериям потенциала к мотивации, воздействию на среду и самовоспроизводства. Междисциплинарность исследования обоснована сходством рассмотренных подходов.

Ключевые слова: социальная адаптация, междисциплинарность, научная перспектива, индикаторы междисциплинарности

Для цитирования: Шишков И. В. Социальная адаптация в междисциплинарной перспективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Год 2022. Вып. 3(848). С. 108–115. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_108

Original article

Social adaptation in interdisciplinary perspective

I. V. Shishkov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ilyashishkoff@gmail.com*

Abstract. The article touches upon the interdisciplinarity of social adaptation as a social phenomenon. The author derives from social transformation and phenomenal complexity stipulating necessity of its research through scientific perspectives. Combination of sociological, psychological, anthropological approaches is mostly effective through criteria of motivation, impact on social environment and self-reproduction. Interdisciplinary approach to social adaptation is stipulated by their intersection.

Keywords: social adaptation, interdisciplinary, scientific perspective, interdisciplinary indicators

For citation: Shishkov, I. V. (2022). Social adaptation in interdisciplinary perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 108–115. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_108

ВВЕДЕНИЕ

Активно протекающие процессы глобализации и цифровизации, пандемия COVID-19, современные политико-экономические кризисы взаимосвязано обуславливают изменения в социальных процессах и институтах – трансформируют социальную структуру обществ в международных и региональных масштабах. Не является исключением и структура российского общества. Новые вызовы, проявляющиеся в различных сферах жизни и преобразующие их, появляются среди рассматриваемых в научном дискурсе [Лапшов, 2019]. Один из социальных феноменов, подверженных их воздействию, представляет собой социальную адаптацию. Все перечисленные аспекты отражаются на динамике социальной адаптации. Особенно заметен ее рост в такой группе, как молодежь. Причина подобного научного интереса объясняется высокой подверженностью данных социальных субъектов влиянию глобализации и цифровизации [Ишмуратова, 2022]. Кроме того, цифровая трансформация выражается в переносе социальных отношений из реального мира в виртуальный, а глобализация – в столкновении ценностей, норм и установок, характерных для групп в одних регионах, с набором, характерным для групп, находящихся на существенном расстоянии от них (изменение пространственно-темпорального ландшафта).

Появлению в научном дискурсе социальной адаптации наука обязана Ч. Дарвину, открывшему принцип адаптации к окружающей среде, и Г. Спенсеру, перенесшему этот принцип на социальную структуру. Дальнейшая дифференциация исследования социальной адаптации привела к разделению на области науки. В психологии феномену посвящены работы З. Фрейда, Ж. Пиаже, Л. Шаффера, С. А. Шапкина, Л. Г. Дикой, А. Маслоу, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Т. Шибутани, и др. В антропологической перспективе Э. С. Маркарян и С. А. Арутюнов рассматривали проблему социальной адаптации. Социологическую перспективу на рассматриваемый феномен сформировали М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, В. А. Ядов, Г. В. Осипов и др.

Цель данной статьи – анализ сущности социальной адаптации и подходов к ее исследованию в различных научных дисциплинах, их пересечения и возможности взаимного дополнения.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Феномен социальной адаптации обладает комплексной структурой, включающей процессы адаптации,

интериоризации, среду адаптации, усваиваемые компоненты (нормы, ценности, практики и др.), субъектов-акторов и др. Вероятно, одним из наиболее универсально сформулированных определений социальной адаптации является следующее: «...предстает как процесс и как определенное состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности. Адаптация представляет собой... порядок развития процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояния во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой» [Козырева, 2011, с. 24]. Очевидно, социальная адаптация принимает форму активной деятельности субъекта-адаптана, направленной на интериоризацию норм, ценностей и паттернов, транслируемых социальной средой, в которой он находится. Основная цель такой деятельности – избежание конфликта со средой адаптации.

Одним из ключевых элементов социальной адаптации можно считать социальную среду. Например, дефиниция феномена в «Социологическом энциклопедическом словаре» предлагается в таком формате: «Процесс активного приспособления индивида или группы к определенным материальным условиям, нормам, ценностям социальной среды» [Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 8]. Заметим, материальные условия и социальная среда здесь рассматриваются как основные компоненты. Однако следует отметить, что, хотя многие определения феномена в обязательном порядке включают среду адаптации, они не всегда учитывают явную тенденции к ее расширению. Социальная среда, выступающая инкубатором для адаптационных процессов, имеет тенденцию к выходу за рамки своих «физических границ».

Соответственно, подобная комплексность рассматриваемого социального феномена создает множество условий для дифференциации исследовательских подходов к проблеме. Здесь следует утверждать о наличии различий в ее исследовании с точки зрения их дисциплинарной принадлежности. Социальная адаптация как проблема находится в таком положении, что обращение к различным перспективам и методологиям открывает новые перспективы для толкования.

В основе исследования данного социального феномена с перспективы разных дисциплин лежат характерные для них категориальный аппарат, объектно-предметная область и т. п. Следовательно, междисциплинарность исследований проблемы можно оценивать как обоснованное.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Исследование феномена социальной адаптации восходит к трудам ученых XIX в. Основанием для научного интереса к социальной адаптации стали новые открытия в биологической науке – открытие Чарльзом Дарвином эволюционного развития организмов. Он выдвинул гипотезу, что выживание организмов в окружающей среде происходит через механизм адаптации, т.е. выживают и оставляют потомство, приспособившееся к вызовам природы [прив. по: Voakes, 1986]. Соответственно, механизм биологической адаптации приводится как главный

двигатель естественного отбора. Г. Спенсер перенес его концепцию на социальную структуру, уподобив ее организму, регулируемому аналогичными природным законам [Spencer, 1860].

Мы считаем, что междисциплинарность исследования социальной адаптации заключена в его комплексности. Различные отрасли науки подбирают собственные подходы к изучению феномена, руководствуясь научными традициями и методологией. Нам кажется разумным сгруппировать подходы к исследованию феномена следующим образом: психологические, антропологические и социологические. Базируясь на анализе научной литературы, мы систематизировали их в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Дисциплины	Подходы	Представители	Краткая характеристика
СОЦИОЛОГИЯ	Социо-биологический	Г. Спенсер, М. Р. Торп, Л. М. Бристоль	Адаптация происходит по социальным законам, аналогичным биологическим. Индивид стремится к равновесию со средой. Адаптационные действия индивида усложняют и «развивают» социальную структуру.
	Позитивистский	Э. Дюркгейм, О. Конт, Дж. Милль	Мышление и деятельность человека меняются посредством усвоения норм, «общественной морали». Индикатор осложнения адаптации – отклонение от норм. Регулируется санкциями. Нормативно-детерминированный индивид – объект адаптации.
	Прагматический	М. Вебер	Индивид – субъект адаптации. В процессе адаптации человек оценивает и преобразует нормы. Адаптант руководствуется своими целями, рационализируя подстраивание под общество. Интересы индивида первичны.
	Гомеостатический	Т. Парсонс	Адаптация происходит через достижение баланса взаимных ожиданий адаптирующегося и социальной среды. Равновесие возникает через взаимные компромиссы. Индивид и среда – субъекты процесса.
	Индивидуоцентрический	Р. Мертон	Адаптация – индивидуально-типична. Противоречивость социальной структуры ведет к тому, что нормы одновременно способствуют и препятствуют. Соблюдение или отторжение норм – процесс адаптации.
	Социально-ресурсный	В. А. Ядов	В основе адаптационных стратегий – рациональный выбор. Он зависит от социальной базы, ресурсов адаптанта и адаптирующей группы.
	Эволюционно-органический	Г. В. Осипов, Л. Л. Шпак	Адаптация происходит посредством взаимодействия человека с социальной средой, в процессе привыкания к ее условиям и формам. Во время адаптации среда может модифицироваться под потребности сторон. Адаптация происходит на биологическом и социальном уровнях.
ПСИХОЛОГИЯ	Психо-аналитический	З. Фрейд, Г. Гартманн	Аутопластическая (внутренние изменения индивида) и аллопластическая (преобразовательные изменения внешней среды) виды адаптации составляют процесс социальной адаптации. Помимо преобразования индивид может искать подходящую для себя среду. Процесс адаптации изменяет личность и среду.
	Бихевиористский	Л. Шаффер	Физические, социально-экономические и организационные изменения в групповом поведении составляют процесс адаптации индивида и групп.
	Когнитивистский	Ж. Пиаже	Социальная адаптация состоит из ассимиляции (заимствование характеристик субъектом) и адаптации (осмысление и усвоение паттернов поведения и норм). Среда адаптации может подвергаться преобразованию. Главный фактор – когнитивные способности.

Дисциплины	Подходы	Представители	Краткая характеристика
ПСИХОЛОГИЯ	Интер-акционистский	Л. Филипс, Т. Шибутани	Адаптация проходит в форме принятия социальных ожиданий, ответа на них и использования условий среды для достижения своих целей. Выработка стратегий приспособления к типическим ситуациям формирует адаптационную стратегию.
	Деятельностный	Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн	Приспособление к социальной среде через социальные, социально-психологические, морально-психологические, экономические преобразования, совершаемые индивидом.
	Необихевиористский	Г. Айзенк	Стремление к удовлетворению потребностей и требований индивида ведет к достижению гармоничного состояния между индивидом и био-социальной средой
	Ценностный	А. Маслоу	В процессе обмена ценностями, усвоения или отторжения их индивидом происходит приспособление к среде.
АНТРОПОЛОГИЯ	Культурный	Э. С. Маркарян, С. А. Арутюнов	Общество и группы самовоспроизводятся через взаимодействие адаптантов с потенциалом культурной системы. Адаптационные стратегии уже находятся внутри культурной системы. Потребление культуры становится механизмом адаптации в социальной среде

ИНДИКАТОРЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ГРУППИРОВКИ ПОДХОДОВ

Используя сформулированные подходы, мы предлагаем выделить пять индикаторов для выявления сходства и различия в отношении феномена социальной адаптации. Степень участия – адаптирующийся выступает в роли объекта или субъекта процесса. Воздействие на среду – процесс адаптации преобразует среду или не влияет на нее. Принятие или отклонение – адаптация включает только принятие содержания среды или учитывается ее отторжение. Мотивация к адаптации – что мотивирует индивида к приспособлению. Воспроизводство социальной структуры – влияние механизма адаптации на самовоспроизводство социальных систем. Обращение к этим индикаторам позволяет проявить потенциал междисциплинарного исследования.

По степени участия большинство подходов наделяют адаптирующегося статусом субъекта. Социобиологические адаптационные действия индивида ведут к усложнению социальной структуры, ее развитию [Spencer, 1860]. М. Вебер определяет индивида-адаптана в качестве субъекта адаптации, руководствующегося рациональностью ради достижения собственных целей [Вебер, 1990]. Гомеостатический подход рассматривает индивида в качестве активного участника адаптации, стремящегося достичь баланса взаимных ожиданий его самого и среды адаптации, прибегая к компромиссам всех сторон [Parsons, 1985]. По мнению Р. Мертона, активность индивида заключается не только в принятии, но и отторжении норм – оба

действия являются сторонами адаптации [Merton, Merton, 1968]. В социально-ресурсном подходе индивид составляет и реализует адаптационные стратегии в зависимости от своей и средовой социальной базы [Ядов, 2001]. Эволюционно-органический подход представляет индивида как актора ввиду его преобразовательной деятельности, направленной на среду (прив. по: [Кузнецов, 2000]. Л. Филипс и Т. Шибутани трактуют адаптацию как процесс, в котором посредством взаимодействия со средой распознаются социальные ожидания и ее условия, подстраиваясь под них и конструируются стратегии адаптации под типические ситуации [Shibutani, Glassner, 2017]. В психоаналитическом не только преобразуется среда, но и изменяется личность (прив. по: [Weinstein, 2001; Hartmann, 1940]). Человек выступает в качестве субъекта в бихевиористическом и необихевиористическом подходах, т.к. реализует свой потенциал для удовлетворения потребностей и требований, постепенно достигая равновесия с биосоциальной средой [Schaffer, Shoben, 1956]. Ж. Пиаже характеризует адаптирующихся акторами, инициирующими ассимиляцию и затем адаптацию в зависимости от уровня когнитивных способностей (прив. по: [DeVries, 1997]). В советской психологической школе деятельностная сторона адаптана занимала центральное положение [Выготский, 2003; Рубинштейн, 2005]. По нашему мнению, эту группу объединяет деятельность с теми или иными мотивами (рациональность, потребности, требования, взаимные ожидания). Не так много подходов рассматривают адаптирующегося человека

в качестве объекта адаптации (или его деятельностная сторона отступает на второй план) среди основных: позитивистский, ценностный и культурный. В их концепциях он либо объект воздействия «общественной морали», норм и санкций, либо конечный потребитель ценностно-культурных установок [Durkheim, 2014; Adler, 1977; Арутюнов, 1993; Маркарян, 2014].

Следовательно, психологическая и социальная перспектива сходятся в расценке адаптанта в качестве субъекта процесса адаптации. Но также имеются подходы, оценивающие его статусом объекта адаптации.

Некоторые подходы предполагают воздействие на среду адаптации. Те же психологические и социальные подходы сходятся в том, что его деятельность ведет к преобразованию среды адаптации. Мы разделяем представления о том, что любая деятельность субъекта непременно отражается на социальной структуре, даже минимально, но изменяя ее. Кроме того, мы уверены, что адаптационная деятельность субъекта несет положительные последствия для развития социальных систем. Также не можем согласиться с пассивностью адаптанта, как утверждается в позитивистском, ценностном и культурном подходах.

Индикатор «принятие или отторжение» предлагается нами, так как он представляется в достаточной степени обособляющим. Не все подходы предусматривают отторжение как часть феномена социальной адаптации: в психологии только ценностный (прив. по: [Adler, 1977]), а в социологии индивидоцентрический [Merton, Merton, 1968] и позитивистский (прив. по: [Кузнецов, 2000]). По нашему мнению, именно в трудах представителей данных подходов уделяется достаточное внимание отторжению ценностных установок и норм вместо их усвоения, что так же оценивается в качестве одной сторон адаптации.

Соответственно, обращение к механизму отторжения в психологии и социологии имеет точку пересечения и дает возможность учитывать междисциплинарную перспективу при исследовании данного аспекта адаптации.

Подходы по мотивации к адаптации целесообразно разделить по следующим основаниям: рациональность, потребности и ожидания. В рамках прагматического и социально-ресурсного подходов адаптационные стратегии находятся в зависимости от целей человека, пытающегося встроиться в социальную среду, его рациональности [Вебер, 1990; Ядов, 2001]. В работах необихевиористов и А. Маслоу прослеживаются катализирующей эффект потребностей, удовлетворение которых запускает весь процесс и ведет к достижению

баланса адаптации между человеком и средой (прив. по: [Adler, 1977]). Ожидания как основание для адаптации выделяется в гомеостатическом и интеракционистском подходах, где их восприятия и осознание посредством адаптации ведет к достижению социального равновесия [Parsons, 1985; Шапкин, Дикая, 1996; Дикая, 2007]. Отметим, что выявленные пересечения позволяют предположить возможность объединения для исследования в рамках этого аспекта.

Следовательно, пересечение по вопросу мотивации к адаптации свидетельствует о схожести социологических и психологических подходов, что задает потенциал для их совмещения в ходе междисциплинарных научных проектов.

Последний индикатор – воспроизводство социальной структуры – позволяет сопоставить подходы разных наук к роли социальной адаптации в механизме воспроизводства социальных систем. Воспроизводство через адаптацию путем интериоризации норм, регулируемых санкциями [Spencer, 1860; Durkheim, 2014], механизмом принятия-отторжения [Merton, Merton, 1968], раскрывается в социобиологическом, позитивистском и индивидоцентрическом подходах. То есть не наблюдается пересечения с другими дисциплинами. Преследование индивидуальных целей, ведущее к средовой адаптации и способствующее развитию самой среды через интеграцию адаптированных, имеет место только в социологических подходах (прагматический и социально-ресурсный). Большой схожестью обладают гомеостатический и интеракционистский, а также бихевиористский и необихевиористский подходы. По нашему мнению, динамика выравнивания потребностей и ожиданий за счет компромиссных решений в ходе адаптации становится основным механизмом воспроизводства социальной системы. Мы считаем главным пересечением психологии и антропологии относительно феномена социальной адаптации механизм потребления ценностей. В рамках ценностного и культурного подходов именно этот механизм оценивается как ключевой для социальной адаптации [Adler, 1977; Арутюнов, 1993; Маркарян, 2014]. Поэтому потребление ценностей и культурных единиц ведет к воспроизводству социальной системы перспективы этих подходов. Еще одним существенным междисциплинарным сходством в вопросе воспроизводства социальной структуры предстает преобразовательная деятельность. Здесь будет разумным объединить социологический (эволюционно-органический) и психологические (психоаналитический, когнитивистский, деятельностный) по тому принципу, что они подразумевают деятельность по изменению социальной среды, в рамках которой происходит адаптационный процесс.

Соответственно, междисциплинарность исследования воспроизводства социальной структуры целесообразна ввиду крайне широкого пересечения всех рассматриваемых дисциплин.

Таким образом, применение нашего набора индикаторов позволяет в оптимальном виде выявить междисциплинарную расположенность подходов к исследованию социальной адаптации. Следовательно, с их помощью возможность сочетания подходов из рассмотренных дисциплин становится более прозрачной и очевидной, что в свою очередь должно способствовать формированию потенциала для комплексного подхода для исследования феномена социальной адаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потенциал междисциплинарного подхода для исследования социальной адаптации обоснован. Совмещение нескольких подходов из социологии, психологии и антропологии позволяет раскрыть феномен детальнее. Как показывает группировка подходов по представленным в статье критериям, мы можем выявить ряд оснований для их группировки. По нашему мнению, этого будет вполне достаточно для научного обоснования и раскрытия поставленной в статье цели. Следовательно, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, нахождение точек пересечения между социологическими, психологическими и антропологическими перспективами и их уместное сочетание по тем или иным основаниям должно способствовать более глубокому пониманию сущности социальных феноменов. То же справедливо для социальной адаптации. Ввиду потенциала междисциплинарных подходов открывается перспектива расширения горизонтов исследования новых граней комплексных социальных явлений, социальной структуры.

Во-вторых, комплексность социальных систем не только позволяет применение отличного от других дисциплин теоретико-методологического подхода, но и позволяет выделить схожие черты в них среди смежных отраслей науки. Например, в статье предложены варианты критериев для подобного объединения относительно социальной адаптации. Данный список не исчерпывающий, т. е. каждый исследователь феномена социальной адаптации или других объектов может последовать представленной логике и расширить его согласно своим представлениям. В рамках нашего авторского подхода мы выделили пять критериев (степень участия, воздействие на среду, принятие или отклонение, мотивация к адаптации, воспроизводство социальной структуры), среди которых наиболее существенными мы считаем мотивацию, воздействие на среду и воспроизводство социальной структуры, потому что они имеют существенное междисциплинарное сходство между рассмотренными подходами к социальной адаптации, имеют адекватный потенциал для междисциплинарности и захватывают существенные признаки социальной адаптации.

В-третьих, анализ различных подходов с помощью нашей группировки и критериев позволяет с уверенностью утверждать, что социальная адаптация как социальный феномен предрасположена для междисциплинарного исследования ввиду своей многогранной природе. Поэтому исследование с нескольких научных перспектив должно привести к эффекту синергии, актуализирующему представления о социальном феномене в рамках социологии и расширяющем их.

Следовательно, мы полагаем, что особенности междисциплинарности расширяют и углубляют понимание сущности социальной адаптации, а кросс-применение научных подходов целесообразно и обоснованно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лапшов В. А. Основы социологического исследования модернизации российского общества в начале XXI века // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. Вып. 3(74). С. 75–81.
2. Ишмуратова Д. Ф. Цифровая грамотность молодежи: анализ отдельных элементов // Теория и практика общественного развития. 2022. Вып. 1. С. 83–86.
3. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. Вып. 6(326). С. 24–36.
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. академик РАН Г. В. Осипов. М. : ИНФРА М – НОРМА, 1998.
5. Boakes R. From Darwin to Behaviourism: Psychology and the Minds of Animals // Journal of the History of Biology. 1986. № 3. Vol. 19. P. 491–492.
6. Spencer H. The social organism // Westminster review. 1860. № 143. Vol. 73. P. 90–121.
7. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

8. Parsons T. Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution: selected writings. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
9. Merton R. K., Merton R. C. Social Theory and Social Structure. New York: Simon and Schuster, 1968.
10. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. 2001. С. 310–319.
11. Кузнецов П. С. Концепция социальной адаптации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000.
12. Shibutani T., Glassner B. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. London: Routledge, 2017.
13. Weinstein F. Freud, Psychoanalysis, Social Theory: The Unfulfilled Promise. New York: Suny Press, 2001.
14. Hartmann H. Ego-Psychology and the Problem of Adaptation // The Psychoanalytic Review (1913–1957). 1940. Vol. 27. P. 205.
15. Shaffer L. F., Shoben Jr E. J. The psychology of adjustment. Boston: Houghton Mifflin Co., 1956.
16. DeVries R. Piaget's social theory // Educational researcher. 1997. № 2. Vol. 26. P. 4–17.
17. Выготский Л. С. Психология развития ребенка: Сб. избр. тр. М. : ЭКСМО, 2003.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. СПб. : Питер, 2005.
19. Durkheim E. The Rules of Sociological Method: And Selected Texts on Sociology and its Method. New York: Simon and Schuster, 2014.
20. Adler S. Maslow's need hierarchy and the adjustment of immigrants // International Migration Review. 1977. № 4. Vol. 11. P. 444–451.
21. Арутюнов С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. Вып. 4. С. 41–56.
22. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014.
23. Шапкин С. А., Дикая Л. Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психологический журнал. 1996. Вып. 1. Т. 17. С. 19–34.
24. Дикая Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. 2007. С. 17–42.

REFERENCES

1. Lapshov, V. A. (2019). Fundamentals of a sociological study of the modernization of Russian society at the beginning of the XXI century. POISK: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture, 3(74), 75–81. (In Russ.)
2. Ishmuratova, D. F. (2022). Youth digital literacy: analysis of selected elements. Theory and Practice of Social Development, 1(167), 83–86. (In Russ.)
3. Kozyreva, P. M. (2011). Social'naya adaptaciya naseleniya Rossii v postsovetkij period = Social Adaptation of Russian Population during the Postsoviet Times. Sociological Research, 6(326), 24–36. (In Russ.)
4. Osipov, G. V. et al. (1998). Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'. Na russkom, anglijskom, nemecskom, francuzskom i cheshskom yazykah = Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech Languages. Moscow: INFRA M – NORMA. (In Russ.)
5. Boakes, R. (1986). From Darwin to Behaviourism: Psychology and the Minds of Animals. Journal of the History of Biology, 19(3), 491–492.
6. Spencer, H. (1860). The social organism. Westminster review, 73(143), 90–121.
7. Veber, M. (1990). Izbrannye proizvedeniya = The Selected Works. Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Parsons, T. (1985). Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution: selected writings. Chicago: University of Chicago Press.
9. Merton, R. K., Merton R. C. (1968). Social Theory and Social Structure. New York: Simon and Schuster.
10. Yadov, V. A. (2001). Social'nyj resurs individov i grupp kak ih kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noj metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossijskom obshchestve = Social Resource of Individuals and Groups as their Capital: Possibilities of Applying the Universal Research Methodology to the Real Stratification in Russian Society. Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo transformacionnogo processa = Who Strives Where in Russia? Actors on Macro, Meso and Micro levels of the Contemporary Transformational Process (pp. 310–319). (In Russ.)
11. Kuznecov, P. S. (2000). Konceptiya social'noj adaptacii = The Concept of Social Adaptation. Saratov: Saratov University Publishing House. (In Russ.)
12. Shibutani, T., Glassner, B. (2017). Society and personality: An interactionist approach to social psychology. London: Routledge.
13. Weinstein, F. (2001). Freud, Psychoanalysis, Social Theory: The Unfulfilled Promise. New York: Suny Press.
14. Hartmann, H. (1940). Ego-Psychology and the Problem of Adaptation. The Psychoanalytic Review (1913–1957), 27, 205.

15. Shaffer, L. F., Shoben Jr E. J. (1956). The psychology of adjustment. Boston: Houghton Mifflin Co.
16. DeVries, R. (1997). Piaget's social theory. *Educational researcher*, 26(2), 4–17.
17. Vygotskij, L. S. (2003). *Psihologiya razvitiya rebenka: Sbornik izbrannyh trudov = The Psychological Development of the Child : Collection of the Selected Works*. Moscow: EKSMO. (In Russ.)
18. Rubinshtejn, S. L. (2005). *Osnovy obshchej psihologii: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po napravleniyu i special'nostyam psihologii = Fundamentals of General Psychology: Textbook for Students of Higher Education Institutes Studying Psychology*. Saints-Petersburg: Piter. (In Russ.)
19. Durkheim, E. (2014). *The Rules of Sociological Method: And Selected Texts on Sociology and its Method*. New York: Simon and Schuster.
20. Adler, S. (1977). Maslow's need hierarchy and the adjustment of immigrants. *International Migration Review*, 11(4), 444–451.
21. Arutyunov, S. A. (1993). Adaptivnoe znachenie kul'turnogo polimorfizma = Adaptational Meaning of Cultural Polymorphism. *Ethnographic Review*, 4, 41–56. (In Russ.)
22. Markaryan, E. S. (2014). *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epohi = The Selected Works. Science of Culture and Imperatives of the Epoch*. Moscow: Saints-Petersburg: Center of the Humanities Initiatives. (In Russ.)
23. Shapkin, S. A., Dikaya, L. G. (1996). Deyatel'nost' v osobyh usloviyah: komponentnyj analiz struktury i strategij adaptacii = Performance under Special Conditions: Componential Analysis of Adaptation Structure and Strategy. *Psychological Journal*, 1(77), 19–34. (In Russ.)
24. Dikaya, L. G. (2007). *Adaptaciya: metodologicheskie problemy i osnovnye napravleniya issledovanij = Adaptation: Methodological Problems and Main Research Directions. Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy = Psychology of Adaptation and Social Environment: Contemporary Approaches, Issues, Prospects* (pp. 17–42). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишков Илья Вадимович

аспирант кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkov Ilya Vadimovich

PhD student at Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 21.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 21.06.2022
accepted for publication 12.07.2022

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 3 (848)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 3(848)
--	--

Над выпуском работали:

доктор экономических наук, доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук, профессор И. В. Образцов
М. В. Пупышева, А. А. Азаренкова

Редактор *М. В. Пупышева*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 31.10.2022
Усл. печ. л. 14,5. Формат 60х90/8
Заказ № 80/22

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание обязательна.